

**ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ В ПОСТКОВИДНЫЙ
КОНСТИТУЦИОННЫЙ ЦИКЛ**

Материалы международной научно-практической конференции

Иркутск, 15 апреля 2022 года

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Байкальский государственный университет

**ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ В ПОСТКОВИДНЫЙ
КОНСТИТУЦИОННЫЙ ЦИКЛ**

Материалы международной научно-практической конференции

Иркутск, 15 апреля 2022 года

Текстовое электронное издание

Иркутск
Издательский дом БГУ
2022

УДК 378:34(06)

ББК 74.58

Издается по решению редакционно-издательского совета
Байкальского государственного университета

Редакционная коллегия

д-р юрид. наук, проф. В. В. Чуксина, д-р юрид. наук, проф. А. А. Протасевич,
д-р юрид. наук, проф. И. Г. Смирнова, канд. юрид. наук, доц. Т. В. Приходько,
канд. юрид. наук, доц. С. Н. Максимова, канд. юрид. наук, доц. Е. М. Якимова (отв. ред.),
канд. экон. наук А. С. Архипкина

Проблемы обеспечения национальной безопасности в постковидный конституционный цикл : материалы междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 15 апр. 2022 г. / отв. ред. Е. М. Якимова. – Иркутск : Изд. дом БГУ, 2022. – 156 с. – URL: <http://lib-catalog.bgu.ru>. – Текст: электрон.

ISBN 978-5-7253-3112-7.

Представлены материалы международной научно-практической конференции «Проблемы обеспечения национальной безопасности в постковидный конституционный цикл», организатором которой выступил Байкальский государственный университет. Статьи участников конференции посвящены актуальным проблемам и перспективам трансформации российского законодательства посредством совершенствования механизма обеспечения национальной безопасности России в период пандемии коронавирусной инфекции, а также изменений, вызванных конституционной реформой 2020 г.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов, работников органов публичной власти, а также для широкого круга читателей, проявляющих интерес к проблемам обеспечения национальной безопасности России.

Научное электронное издание

Минимальные системные требования

Веб-браузеры: Microsoft Edge версии 79, Google Chrome версии 51, Mozilla Firefox версии 52, Safari версии 11 (или более новые).

Средства просмотра файлов Portable Documents Format: Adobe Acrobat версии 7.0, Adobe Reader версии 7.0, Sumatra PDF версии 1.1 (или более новые), Foxit Reader всех версий, PDF24 Creator всех версий.

Доступ к сети Интернет.

Минимальные требования к конфигурации и операционной системе компьютера определяются требованиями перечисленных выше программных продуктов.

Издается в авторской редакции

Подписано к использованию 10.11.2022.

Объем 1,88 Мб.

Байкальский государственный университет.

664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

<http://bgu.ru>.

© ФГБОУ ВО «БГУ», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Альшевская Л. В.</i> Социальный аспект здравоохранения как фактор национальной безопасности.....	5
<i>Баранова С. А.</i> Правовое регулирование участия граждан в охране общественного порядка: региональный и муниципальный аспекты.....	10
<i>Бобровникова О. В.</i> Категории «государственная безопасность» и «национальная безопасность»: теоретико-правовой анализ	14
<i>Васильева Н. Ю., Цыбенова А. К.</i> Перспективы формирования в Российской Федерации специализированных административных судов	21
<i>Галагуз И. В.</i> Влияние законодательства об иностранных агентах на статус правозащитных организаций.....	27
<i>Грошев С. Н.</i> К вопросу о гендерной проблематике службы в органах внутренних дел	35
<i>Грудинин В. А.</i> Публично-правовая ответственность региональных парламентариев за совершение коррупционных правонарушений: новации конституционной реформы	38
<i>Демина В. А.</i> Правовая природа конкурентного права и влияние административного права на его развитие	44
<i>Желтобрюх А. В., Сошин А. А.</i> Тактика получения информации сотрудниками полиции, необходимой в оперативной деятельности.....	52
<i>Иванов В. В.</i> Роль преподавания предмета «История» в гражданском и патриотическом воспитании студентов	57
<i>Качурова Е. С.</i> Анализ современной классификации видов национальной безопасности Российской Федерации	63
<i>Кешикова Н. В.</i> Парадигма развития порядка формирования государственных органов в постковидный конституционный период.....	68
<i>Коробова А. К.</i> Особая юридическая природа общероссийского голосования ..	76
<i>Лепя Т. П.</i> Особенности восстановления экономик Китая и России в постпандемный период как фактор стабилизации ситуации в обществе	80
<i>Микова Е. Б.</i> Оказание адвокатами бесплатной юридической помощи беженцам и лицам, получившим временное убежище из ДНР, ЛНР и Украины	87
<i>Пахалеев В. М., Ушаков В. Н., Смирнов А. С.</i> Использование ненадлежащей рекламы как одно из проявлений недобросовестной конкуренции.....	97
<i>Петров А. А.</i> Вопрос права как ограничитель компетенции Конституционного Суда Российской Федерации.....	105
<i>Приходько Т. В.</i> Проблема динамико-эволютивного толкования в деятельности региональных правозащитных организаций	110
<i>Романовская О. В.</i> Право, экономика и национальная безопасность в постковидном мире	113
<i>Романовский В. Г.</i> Социальные сети и национальная безопасность (проблемы правового регулирования	118
<i>Романовский Г. Б.</i> Цифровые права человека, национальная безопасность и постковидный мир.....	124

<i>Сунцова Д. А.</i> Проблемы исполнения решений об административном выдворении в период пандемии COVID-19	131
<i>Федорова О. В.</i> Антикоррупционное просвещение в современной России: направления реализации	137
<i>Хомич Н. В.</i> Созидательная и дискредитационная роль социальной условности в реализации стратегии национальной безопасности России	143
<i>Шутова В. Н.</i> Правовая безопасность Российской Федерации: современные тенденции и угрозы	148
<i>Якимова Е. М., Гладких С. А.</i> Возможности применения междисциплинарного подхода в процессе преподавания правовых дисциплин и проведении научных исследований в постковидный цикл.....	153

СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В доктрине национальной безопасности Российской Федерации здравоохранение является одним из приоритетных направлений. На фоне пандемийного кризиса происходят изменения современного российского здравоохранения, встроенного в социально-экономическую систему государства. В статье обосновывается необходимость философского осмысления процессов качественной модернизации отечественной медицины и системы здравоохранения в целом. Рассматривается деятельностный подход к изучению единства социальной и биологической природы человека как перспективной основы для постижения категории здоровья в качестве социально-медицинской категории. Обозначены современные тенденции в медицинском образовании и работе медицинского персонала в соответствии с требованием особой ситуации. Делается вывод о неразрывной связи медицинских и социальных проблем, а также о принципиальном значении этого сочетания для разрешения кризисных ситуаций, возникающих в охране общественного здоровья.

Ключевые слова: философия; социальное и биологическое; социальная медицина; пандемийный кризис; инфраструктура здравоохранения; медицинская статистика.

L. V. Alshevskaya

THE SOCIAL ASPECT OF HEALTHCARE AS A FACTOR OF NATIONAL SECURITY

In the national security doctrine of the Russian Federation, healthcare is one of the most important priorities. Against the background of the pandemic crisis, changes are taking place in modern Russian healthcare, which is built into the socio-economic system of the state. The paper substantiates the need for a philosophical understanding of the processes of qualitative modernization of domestic medicine and health care. An activity approach to the study of the unity of the social and biological nature of a person is considered as a promising basis for comprehending the category of health as a socio-medical category. The current trends in medical education and the work of medical personnel are outlined in accordance with the requirements of a special situation. The conclusion is made about the inherent connection of medical and social problems, as well as the fundamental importance of this combination for resolving crises that arise in the protection of public health.

Keywords: philosophy; social and biological; social medicine; crisis; healthcare infrastructure; medical statistics.

В истории мировой философии человек рассматривается как квинтэссенция всех социально-культурных, политико-экономических, морально-нравственных и личностно-духовных процессов. Категория здоровья неразрывно связывалась с этими процессами и условиями человеческого существования, встраивалась во все жизненные обстоятельства и жизненный путь человека. Природные и общественные явления переплетены в человеческой истории, и социальные и культурные изменения вида *homo sapiens* оказывали влияние на биологические процессы, происходящие в человеческом организме. Гиппократ отмечал связь медицины и гуманитарной атмосферы, социальных обстоятельств, среды или как сегодня можно назвать, экосоциума: «Да и немного, в самом деле, различия между мудростью и медициной, и все, что ищется для мудрости, все это есть и в медицине, а именно: презрение к деньгам, совесть, скромность, простота в одежде, уважение, суждение, решительность, опрятность, изобилие мыслей, знание всего того, что полезно и необходимо для жизни, отвращение к пороку, отрицание суеверного страха перед богами, божественное превосходство» [1, с. 19–20]. Равнозначность социального и биологического в понимании категорий здоровья и болезни отразилась и в новой трактовке терминов и понятий в медицинской науке XX в. Например, академик И. В. Давыдовский связывал патогенность не столько с действием микроорганизмов, сколько с отношениями микро- и макроорганизма, рассматривая патогенность ситуации, в частности социальной ситуации, а не патогенность микроба [2].

Специфика и значение социальной медицины стали актуальными в Европе в начале прошлого века. В России о социальной гигиене одним из первых писал в своей книге земский врач П. О. Португалов еще в 1873 г. [3]. Новое философское исследование социальной медицины, основанное на фактах современной реальности общественного бытия, осуществил в своей работе К. М. Федоров [6]. Гуманитарные тенденции в медицине усиливаются, также, как и ее социальные детерминанты, поэтому возникает потребность «глубже, в философском аспекте, осмыслить медицинские проблемы» [4, с. 19].

Современное человечество столкнулось с глобальными стрессами пандемии и инфодемии, которые испытывают на прочность не только локальные, страновые системы здравоохранения, но и мировую медицину и вообще, всю глобальную социальную систему. Спектр внимания медицины расширяется, включая в себя кроме главной цели – здоровья человека, еще и установку на усовершенствование организации систем здравоохранения вкупе с достижением максимально возможного экономического эффекта. Грамотные действия в системе управления и мониторинга при условии наличия высокопрофессиональных специалистов, как непосредственно в сфере медицинской помощи, так и в медицинских технологиях при высокой технической и технологической обеспеченности соответствуют цивилизационным вызовам высокого уровня. В условиях массовой заболеваемости важное место занимает изучение больших данных и своевременного моделирования ситуации в перспективе, поэтому повышаются требования к медицинской статистике – системе расчетов, модели количественных и качественных методов работы с цифровыми данными.

Кризисные волны новой коронавирусной инфекции стали условием возникновения и решения не только собственно медицинских проблем, но и вопросов, косвенно, но крепко связанных с врачебной практикой, лечением больного, принадлежащих в большей степени к социальной сфере.

Во-первых, построение и управление новой инфраструктурой, обеспечивающей системное управление рисками. Например, с целью профилактики инфицирования, разведение потоков пациентов, обратившихся за плановой помощью и пациентов, потенциально нуждающихся в терапии, а также зонирование и установление санитарной дистанции во избежание еще большего распространения инфекции. Появилась необходимость установления баланса между плановой, скорой и экстренной медицинской помощью, для чего потребовалось усовершенствовать системное администрирование и качество управления.

Во-вторых, в обстоятельствах постоянно развивающихся информационных технологий меняется форма и подходы к взаимодействию врача и пациента. Амбулаторная помощь может быть оказана онлайн, в формате видеоконсультаций, с применением телемедицины и дистанционного оценивания клинических параметров и результатов лабораторных исследований. Однако даже в новых условиях, создаваемых для минимизации прямого контакта с заболевшим, снижения риска инфицирования и для удобства пациента, врач остается незаменимой, ключевой фигурой не только в осуществлении лечения, но и в сохранении здоровья пациента.

В-третьих, персонификация медицинской помощи, оказание адекватного лечения, нацеленного на пользу конкретного пациента, становится одним из основных целевых ориентиров лечебных учреждений и профессиональной деятельности врача. Индивидуальный подход к сохранению здоровья и лечению пациента обуславливается, с одной стороны, глубокими профессиональными знаниями медицинского работника, а с другой – высокими личностными качествами врача, равнодушием и в целом, его человеческой культурой.

В-четвертых, врачу, чтобы оставаться авторитетом для грамотного, образованного и требовательного пациента, необходимо не только повышать уровень компетентности, но и расширять границы компетенций и усовершенствовать технологии владения ими. Это и кадровая проблема: высококвалифицированные кадры стекаются в основном в центральные регионы. В ситуациях, когда внимание медицинского сообщества концентрируется на острых случаях, когда узкие специалисты направляются на оказание помощи, например, респираторным больным (как в нынешней ситуации), возникает опасность потери ряда профессиональных компетенций. Важное значение приобретает возможность обеспеченности медицинских учреждений медицинскими кадрами, квалификация которых определяется не принадлежностью к специальности, а набором компетенций, которыми владеет врач.

В-пятых, одним из первых планов социального прогнозирования становится прогнозирование в сфере здравоохранения. Особое стратегическое значение приобретает медицинская статистика общественного здоровья, основанная на математических методах, методах моделирования и работе с большими ко-

личественными данными, а также статистическое прогнозирование на основе методов социальной диагностики и социальной профилактики с привлечением демографических, социологических, экономических и антропологических исследований. Сетевые коммуникации также представляют важный объект изучения для медицинской статистики: например, выяснение закономерности соотношения широты распространения сетевого общения и количественного значения заболеваемости (в локальном или глобальном, мировом масштабе, в конкретном временном промежутке, в определенном сообществе или социальной группе и т. д.).

Эти и другие вопросы социально-гуманитарного характера (организация социальной инфраструктуры в периоды неблагоприятной эпидемической ситуации, маршрутизация и составление временного расписания транспортного передвижения, контроль и ответственность за нарушения предписанного режима и распорядка, оказание вместе с медицинской помощи иного вида) тесно переплетаются с медицинскими проблемами и проблемами здоровья каждого человека в кризисные, напряженные периоды.

Кризисы природного, социального, техногенного характера (климатические, экологические, цивилизационные, индустриальные) сопровождают человечество всю его долгую историю. В целом стрессовый характер цивилизационного процесса способствует достижению отложенного эффекта нормы. Всеобщность подобных потрясений заставляет решать не только узкопрофессиональные (сегодня – медицинские) вопросы, но и предполагает философскую рефлексию на тему экзистенциального смысла человека и общества.

Список использованной литературы

1. Гиппократ. Этика и общая медицина / Гиппократ; пер. с др.-греч. В. И. Руднева. – Санкт-Петербург : Азбука : Азбука-Аттикус, 2019. – 288 с.
2. Давыдовский И. В. Проблемы причинности в медицине. Этимология / И. В. Давыдовский. – Москва, 1962. – 176 с.
3. Португалов В. Вопросы общественной гигиены / В. Португалов. – Москва : Книга по Требованию, 2011. – 627 с.
4. Саркисов Д. С. Философия в системе медицинского образования // Клиническая медицина. – 1999. – № 1. – С. 17–21.
5. Усова Л. В. Здравоохранение в доктрине национальной безопасности страны / Л. В. Усова, Т. Б. Заболотских, О. В. Скрипченко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2019. – № 12. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zdravoohranenie-v-doktrine-natsionalnoy-bezopasnosti-strany> (дата обращения 13.03.2022).
6. Федоров К. М. Социальная медицина / К. М. Федоров. – Иркутск, 2019. – 232 с.

Информация об авторе

Альшевская Лариса Владимировна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и истории, Иркутский государственный аг-

рарный университет имени А. А. Ежевского, 664038, Иркутская область,
пос. Молодежный, 1/1, e-mail: ADasha04@yandex.ru.

Author

Alshevskaya Larisa Vladimirovna – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor,
Department of Philosophy, Sociology and Hgthistory, Irkutsk State Agrarian Univer-
sity named after A. A. Ezhevsky, 1/1, Molodezhny settlement, Irkutsk region,
664038, e-mail: ADasha04@yandex.ru.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В ОХРАНЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ И МУНИЦИПАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

В статье рассмотрены правовые основы участия граждан в охране общественного порядка на уровне субъектов Российской Федерации и муниципальных образований. Отмечено, что правовое регулирование на региональном и муниципальном уровнях направлено на улучшение правового статуса лиц, принимающих участие в обеспечении общественного порядка и общественной безопасности, в части конкретизации и детализации предоставления им как мер материального стимулирования, так и мер социальной защиты. Проанализированы изменения конституционной нормы о роли местного самоуправления в охране общественного порядка, внесенные в ходе конституционной реформы 2020 г., сформулирован вывод о целесообразности внесенных корректировок.

Ключевые слова: охрана общественного порядка; общественная безопасность; народные дружины; гарантии.

S. A. Baranova

LEGAL REGULATION OF THE PARTICIPATION OF CITIZENS IN PROTECTION OF PUBLIC ORDER: REGIONAL AND MUNICIPAL ASPECTS

The legal foundations for the participation of citizens in the protection of public order at the level of subjects of the Russian Federation and municipalities are considered. It is noted that the regional and municipal level of legal regulation is aimed at improving the legal status of persons involved in protection of public order and public safety, in terms of specifying and detailing the provision of both financial incentives and social protection measures. The changes in the constitutional norm on the role of local self-government in the protection of public order, introduced during the constitutional reform of 2020, are analyzed, and a conclusion is made about the appropriateness of the amendments.

Keywords: protection of public order; public safety; people's guards; guarantees.

Участие граждан в охране общественного порядка (далее – ООП) трудно переоценить, поскольку данная деятельность вносит существенный вклад в обеспечение общественного порядка и общественной безопасности. Так, согласно официальным статистическим данным МВД России, немаловажную помощь в поддержании общественного порядка и предупреждении фактов совершения преступлений и административных правонарушений оказывают

общественные формирования. В 2021 г. с участием народных дружинников, представителей общественных объединений правоохранительной направленности, внештатных сотрудников полиции за совершение преступлений задержано 4,3 тыс. лиц, пресечено более 289 тыс. административных правонарушений [1, с. 14]. Правовые основы регулирования участия граждан в ООП закреплены в Федеральном законе «Об участии граждан в охране общественного порядка» от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ. Данный закон предусматривает конкретные формы участия населения в ООП (содействие органам внутренних дел; участие в поиске лиц, пропавших без вести; внештатное сотрудничество с полицией; участие в деятельности общественных объединений правоохранительной направленности; участие в деятельности добровольных народных дружин), регламентирует правовой статус лиц, принимающих участие в ООП в той или иной форме. В ст. 3 указанного закона установлено, что правовую основу участия граждан в ООП составляют наряду с Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, иными нормативными правовыми актами РФ, законы и иные нормативные правовые акты субъектов РФ, муниципальные нормативные правовые акты. Вместе с тем в ст. 26 этого же закона имеется упоминание о законах субъектов РФ в части закрепления в них порядка предоставления органами государственной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления народным дружинникам льгот и компенсаций. Следует отметить, что данная статья предусматривает материальное стимулирование, льготы и компенсации, которые могут выступать в качестве мер поощрения для народных дружинников и внештатных сотрудников полиции, однако рассматриваемая статья имеет рамочное регулирование и предполагает финансирование соответствующих поощрительных мер за счет средств бюджетов субъектов РФ или муниципалитетов. Аналогичная ситуация наблюдается и в сфере личного страхования дружинников на период их участия в мероприятиях по ООП.

В каждом субъекте Российской Федерации принят региональный закон, регламентирующий отдельные аспекты участия граждан в ООП. Так, например, в Иркутской области действует закон «Об отдельных вопросах, связанных с участием граждан в охране общественного порядка в Иркутской области» от 21 ноября 2014 г. № 133-ОЗ. Указанный областной закон регулирует вопросы координации деятельности народных дружин со стороны органов государственной власти и органов местного самоуправления Иркутской области, а также предусматривает возможность органов местного самоуправления устанавливать дополнительные льготы и компенсации дружинникам, в том числе гарантии правовой и социальной защиты членов семей народных дружинников в случае их гибели.

В данном регионе в помощь муниципалитетам были разработаны следующие модельные муниципальные правовые акты: «Решение представительного органа муниципального образования об утверждении положения о мерах социальной защиты народных дружинников и членов их семей в связи с участием народных дружинников в мероприятиях по ООП» и «Постановление местной администрации об установлении порядка выплаты единовременных денежных

компенсаций народным дружинникам или членам их семей в связи с участием народных дружинников в мероприятиях по ООП на территории». Важность данных модельных актов обусловлена как созданием единого правового пространства на территории всего субъекта РФ, так и содействием органам местного самоуправления в принятии требуемых муниципальных правовых актов [2, с. 175]. Так, не только в крупных городах, но и в некоторых других муниципалитетах приняты соответствующие решения представительного органа, в частности решение Думы Михайловского муниципального образования «Об утверждении положения о мерах социальной защиты народных дружинников и членов их семей в связи с участием народных дружинников в мероприятиях по ООП на территории михайловского городского поселения» от 29 августа 2019 г. № 39 (Черемховский район Иркутской области); решение Думы Хужирского сельского поселения «Об утверждении положения о мерах социальной защиты народных дружинников и членов их семей в связи с участием народных дружинников в мероприятиях по ООП на территории Хужирского сельского поселения» от 27 января 2020 г. № 106 и др. Данные муниципальные правовые акты предусматривают различные виды социальной поддержки дружинников: личное страхование на период участия в мероприятиях по ООП, единовременные денежные компенсации в случаях различной степени утраты трудоспособности либо гибели.

Как видим, правовое регулирование на региональном и муниципальном уровнях направлено на улучшение правового статуса лиц, принимающих участие в охране правопорядка, в части конкретизации и детализации предоставления им как мер материального стимулирования, так и мер социальной защиты.

Говоря о правовом регулировании общественных отношений в сфере участия граждан в ООП, представляется возможным отметить также в целом роль муниципальных органов в контексте изменений, связанных с конституционной реформой 2020 г. Ранее ч. 1 ст. 132 Конституции РФ предусматривала, что «органы местного самоуправления... самостоятельно осуществляют охрану общественного порядка», однако в ходе трансформационных изменений 2020 г. данное положение справедливо было исключено из цитируемой нормы. В данной связи следует отметить ч. 2 ст. 6 Федерального закона «Об участии граждан в охране общественного порядка», которая предусматривает, что органы местного самоуправления оказывают поддержку гражданам и их объединениям, участвующим в охране общественного порядка, создают условия для деятельности народных дружин. Данный подход представляется целесообразным, поскольку подчеркивает именно обеспечивающую роль органов местного самоуправления в сфере ООП, которая традиционно является государственной и обеспечена специальными мерами государственного принуждения. Следовательно, роль органов местного самоуправления сводится к оказанию содействия гражданам и их поддержки в рассматриваемой сфере, а муниципальные правовые акты направлены, в частности, на предоставление лицам, задействованным в ООП, мер материального поощрения и мер социальной защиты.

Список использованной литературы

1. Годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы за 2021 год «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности». – URL: <https://media.mvd.ru/files/application/2361323> (дата обращения 28.03.2022).

2. Добров А. Н. К вопросу о совершенствовании материального и социального статуса лиц, принимающих участие в охране общественного порядка / А. Н. Добров, С. А. Баранова // Право и государство: теория и практика. – 2019. – № 11 (179). – С. 174–178.

Информация об авторе

Баранова Светлана Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права и административной деятельности ОВД, Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110, e-mail: svetlana.myshenko@gmail.com.

Author

Baranova Svetlana Anatolievna – Ph.D. in Law, Associate Professor, the Chair of Administrative Law and Administrative Activity of the Internal Affairs Bodies, East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 110 Lermon-tov st., Irkutsk, 664074, e-mail: svetlana.myshenko@gmail.com.

**КАТЕГОРИИ «ГОСУДАРСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ»
И «НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ»:
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ**

В статье рассматриваются существующие в науке конституционного и административного права подходы к определению терминов «государственная безопасность» и «национальная безопасность», анализируется их соотношение. Отмечается, что в Конституции Российской Федерации термин «национальная безопасность» не используется, а присутствуют такие понятия, как «безопасность государства» и «государственная безопасность». Указывается, что термин «государственная безопасность» законодательного определения никогда не имел. Констатируется, что термины «безопасность» и «государство» неразрывно связаны между собой. Обосновывается, что обеспечение государственной безопасности следует рассматривать как функцию государственной власти. Делается вывод об искусственном характере понятия «национальная безопасность». В соответствии с позицией автора государственные органы, обеспечивая государственную безопасность, гарантируют безопасность личности. Предлагается авторское определение термина «государственная безопасность».

Ключевые слова: государственная безопасность; национальная безопасность.

O. V. Bobrovnikova

**CATEGORIES «STATE SECURITY» AND «NATIONAL SECURITY»:
THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS**

The article examines the approaches existing in the science of constitutional and administrative law to the definition of the terms «state security» and «national security», analyzes their relationship. It is noted that the term «national security» is not used in the Constitution of the Russian Federation, but there are such concepts as «state security» and «state security». It is shown that the term «state security» has never had a legislative definition. It is stated that the terms «security» and «state» are inextricably linked. It is proved that the provision of state security should be considered as a function of state power. The conclusion is made about the artificial nature of the concept of «national security». In accordance with the author's position, state bodies, ensuring state security, guarantee the security of the individual. The author's definition of the term «state security» is proposed.

Keywords: state security; national security.

Изучение проблем безопасности всегда находилось в центре доктринального исследования юристов, психологов, философов. Как нам представляется,

связано это с тем, что в гуманитарных науках безопасность предстает как сложное социально-политическое явление.

Необходимо отметить, что в настоящее время в законодательстве Российской Федерации встречаются, но не определены такие термины, как «обеспечение безопасности», «государственная безопасность», а в юридической литературе по-прежнему отсутствует единство мнений о содержании понятий «государственная безопасность» и «национальная безопасность». Так, Д. В. Ирошников, анализируя понятие государственной безопасности, отмечал слабую разработку теоретического аспекта указанной категории [4, с. 35], а Б. Ф. Калачев писал о том, что понятие «государственная безопасность» с начала 1980-х гг. исчезло из юридических словарей и энциклопедий [5].

Зададимся вопросом, возможен ли отказ от категории «государственная безопасность» и почему в начале XX в. от него пытались уйти?

По мнению П. Н. Кобца, в те годы искали термин, который станет альтернативой понятию «государственная безопасность». Он считал, что указанный вопрос возник, прежде всего, из-за обсуждения проблем становления России как правового государства [6].

Согласно позиции А. И. Пожарова, на теоретическое понимание «государственной безопасности» значительное влияние оказала советская научная школа. При этом он отмечал, что с практической точки зрения указанный термин в то время ассоциировался с органами обеспечения государственной безопасности, поскольку он, как правило, использовался в названиях спецслужб (например, Министерство государственной безопасности, Комитет государственной безопасности). Нормативные правовые акты СССР определения указанной категории не содержали. При этом оно было основным по отношению к иным видам безопасности [13].

Аналогичной точки зрения придерживается Д. В. Ирошников [4].

По нашему мнению, утверждение о том, что в советской законодательной сфере не было четкого осознания, какое именно значение вкладывается в понятие «государственная безопасность», является не вполне оправданным. Полагаем, что отсутствие установленного на законодательном уровне понятия связано, прежде всего, с отсутствием на законодательном уровне каких-либо документов, определяющих принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности государства.

Категория «государственная безопасность» в нормативной правовой базе СССР появилась в середине 1930-х гг. Так, в Конституции СССР 1924 г. указанный термин не использовался, а появился он в Конституции СССР 1936 г. в значении функции государственной власти для обозначения «охраны государственной безопасности».

В Юридическом словаре 1956 г. под редакцией П. И. Кудрявцева, государственная безопасность определялась через систему мер, с помощью которых можно было осуществлять охрану политических, экономических основ СССР и его государственных границ [16, с. 175–176].

В ст. 1 Конституции СССР 1977 г. провозглашалось, что «Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое общенародное государство...», полагаем, что таким образом государство и народ отождествлялись. При этом в ст. 32 Конституции СССР делался акцент на обеспечение государственной безопасности страны. С учетом этого полагаем, что функция обеспечения государственной безопасности была обоюдной, поскольку, обеспечивая государственную безопасность, государственные органы гарантировали безопасность личности, а обеспечивая безопасность личности – соблюдали безопасность государства.

Понятие «национальная безопасность» в России введено в научный оборот в 90-х гг. XX в. Именно в это время оно стало употребляться в науке, политике и СМИ [4].

Сам термин «национальная безопасность» заимствован из законодательства США. При этом интересным представляется мнение председателя подкомитета палаты представителей Мосса, который в 1973 г. говорил о том, что «национальная безопасность – это такое трудноопределимое понятие, что никто не может дать его дефиницию... Являясь в течение 16 лет председателем подкомитета, я не мог найти кого-либо, кто мог дать мне его определение» [17].

Доктор исторических наук В. Ф. Петровский писал о том, что термин «национальная безопасность» был введен президентом Т. Рузвельтом в 1904 г. и до 1947 г. применялся к вопросам обороны, «а не интеграции внешней, внутренней и военной политики» [11, с. 15].

Н. П. Патрушев также отмечает, что «на ранних этапах проблема национальной безопасности рассматривалась в основном как проблема обеспечения военной безопасности», а затем «усилиями западных политологов в понятие национальной безопасности стали включать более емкое содержание, касающееся защиты национальных ценностей и интересов в конкретных внутренних и внешних условиях» [7, с. 10].

Необходимо отметить, что введение в Российской Федерации в научный оборот термина «национальная безопасность» учеными воспринималось неоднозначно и повлекло возникновение различных дискуссий на эту тему, в частности основной из них стала дискуссия о соотношении указанного термина с термином «государственная безопасность».

По мнению многих исследователей, понятие «национальная безопасность» результат неправильного перевода термина «national security», где слово «national» означает не «нацию» или «национальность», а «народ», «государство» [2; 14]. Таким образом, одной из точек зрения о соотношении понятий «государственная безопасность» и «национальная безопасность» была точка зрения об их тождественности.

Н. П. Патрушев, анализируя вопросы обеспечения безопасности, констатировал, что дело не в терминах, «а в том содержании, которое за ними скрывается» [7, с. 10].

Полагаем, что, рассматривая понятие «национальная безопасность», нельзя не обратиться к определению понятия «нация», которое, по сути, лежит в его корне.

Здесь следует отметить, что в настоящее время нет единого, общенаучного определения понятия нация [2, с. 11], а наиболее известным является определение «нации», сформулированное И. В. Сталиным в работе «Марксизм и национальный вопрос», согласно которому «нация – это исторически сложившаяся устойчивая общность языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющаяся в общности культуры» [10, с. 11].

По мнению Р. Г. Абдулатипова, эта жесткая схема И. В. Сталина позволила затем подвести теоретический фундамент под политизацию наций, обоснованность их «огосударствления», а позднее дифференцировать на «державные» и, соответственно, «недержавные» [1, с. 420].

Стоит согласиться с позицией В. А. Хамутаева, согласно которой в этом понимании сталинская дефиниция вполне коррелируется с восприятием нации не как этноса, а как государства, ибо в комплексе все эти признаки могут быть у огосударственного этноса, т.е. нации-государства [15, с. 71].

Как отмечают в своем учебном пособии В. И. Анненков и С. Н. Баранов, К. Каутский также считал, что высшей формой нации является государство [3, с. 6].

В понимании западных политологов национальная безопасность – это «безопасность страны, которая связана с реализацией ее коренных интересов, включающих интересы личности, общества и государства» [7, с. 10].

Необходимо отметить, что категории «безопасность государства» и «государственная безопасность» не являются тождественными. Как справедливо указывает Д. В. Ирошников, «с лингвистической точки зрения эти слова взаимозаменяемы, но если рассматривать их с позиции сущностных различий, то государство понимается как политическая система власти, как особого рода организация, а страна характеризуется в большей степени историческими и культурными факторами, включающими население, общность территории, язык и т.п.» [4, с. 38].

В теории современного конституционного и административного права обеспечение безопасности государства рассматривается как осуществление компетентными органами системы практических мер по охране государственной тайны, пресечение деятельности иностранных разведок и ряд других мер [2].

Необходимо отметить, что в Конституции Российской Федерации термин «национальная безопасность» не используется. При этом присутствуют термины «безопасность государства» и «государственная безопасность».

К примеру, ч. 5 ст. 13 Конституции Российской Федерации устанавливает запрет на создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни, а п. «д» ч. 1 ст. 114 к пол-

номочиям Правительства Российской Федерации относит «осуществление мер по обеспечению обороны страны, государственной безопасности, реализации внешней политики Российской Федерации».

При вступлении в должность Президент Российской Федерации клянется защищать безопасность и целостность государства.

Понятие «национальной безопасности» неоднократно устанавливалось в документах стратегического планирования (стратегии национальной безопасности разных лет), при этом каждый раз оно видоизменялось.

Определение национальной безопасности, данное в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., утвержденной указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537, в целом корреспондировало с установленным определением безопасности, данным в статье 1 Закона Российской Федерации от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности», и определенными в нем объектами безопасности, что позволяет сделать вывод о содержательном тождестве двух определений разных терминов, что представляется недопустимым с точки зрения юридической техники.

Позднее в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683, понятие «национальная безопасность» приобрело всеобъемлющий характер и поглотило в себя иные виды безопасности, установленные Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации, хотя, как нам представляется, данное понятие носит искусственный характер, фактически подменяя собой категорию «государственная безопасность» и имеет больше политический характер, чем правовой.

Необходимо отметить, что в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400, понятие национальной безопасности вновь видоизменилось. Как нам представляется, указанное обстоятельство еще раз подчёркивает неопределенность указанной категории.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что использование в законодательстве Российской Федерации термина «государственная безопасность» представляется наиболее оправданным, поскольку в отличие от термина «национальная безопасность» из него усматривается прямое указание на объект защиты.

На наш взгляд, термин «национальная безопасность» носит искусственный характер и, по сути, тождественен термину «государственная безопасность».

Полагаем, что государственную безопасность можно определить как состояние защищенности государственного суверенитета, конституционного строя, экономического, научно-технического и оборонного потенциала, информационной сферы и государственной тайны от внешних и внутренних угроз, разведывательных, террористических и иных противоправных посягательств иностранных государств, организаций и лиц, обеспечение которой достигается органами обеспечения государственной безопасности с помощью применения специальных средств и методов работы.

Список использованной литературы

1. Абдулатипов Р. Г. Управление этнополитическими процессами : вопр. теории и практики / Р. Г. Абдулатипов. – Москва : Славян. диалог, 2001. – 479 с.
2. Административное право Российской Федерации : учебник для бакалавров : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности и направлению подготовки «Юриспруденция» / под ред. Л. Л. Попова. – Москва : РГ-Пресс, 2013. – 563 с.
3. Безопасность России : геополитические и военно-политические аспекты: учеб. пособие / В. И. Анненков [и др.] ; под общ. ред. В. И. Анненкова. – Москва : Русавиа, 2006. – 511 с.
4. Ирошников Д. В. Государственная безопасность как правовая категория / Д. В. Ирошников // Вестник РУДН. Сер. Юридические науки. – 2013. – № 3. – С. 35–42.
5. Калачев Б. Ф. О фундаментальных понятиях и параметрах категории «национальная безопасность» / Б. Ф. Калачев // Проблемы законодательного обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. – Москва, 2002. – 230 с.
6. Кобец П. Н. О фундаментальных понятиях и параметрах категории «национальная безопасность» / П. Н. Кобец. – URL: <http://www.viperson.ru/articles/o-fundamentalnyh-ponyatiyah-i-parametrah-kategorii-natsionalnaya-bezopasnost> (дата обращения 7.05.20202).
7. Конституционно-правовой статус Совета Безопасности Российской Федерации : учеб. пособие / В. И. Булавин [и др.] ; под общ. ред. Н. П. Патрушева. – Москва : Изд-во «Известия» Управления делами Президента Российской Федерации, 2009. – 398 с.
8. Конституция общенародного государства / под общ. ред. М. С. Смиртюкова и К. М. Боголюбова. – Москва : Политиздат, 1978. – 247 с.
9. Курс сравнительного правоведения / Ю. А. Тихомиров; Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации. – Москва : Норма, 1996. – 427 с.
10. Марксизм и национальный вопрос / И. Сталин. – Москва : Госполитиздат, 1949. – 64 с.
11. Петровский В. Ф. Доктрина «национальной безопасности» в глобальной стратегии США. – Москва : Междунар. отношения, 1980. – 335 с.
12. Правовое обеспечение безопасности Российской Федерации : научно-практическое пособие / Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации; [Л. В. Андриченко и др.]. – Москва : Юридическая литература, 2005. – 397 с.
13. Пожаров А. И. Понятие «государственная безопасность» в истории отечественных спецслужб советского периода / А. И. Пожаров // Исторические чтения на Лубянке: 15 лет. – Москва : Кучково поле. – С. 34–47.

14. Спецслужбы России : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / С. А. Воронцов. – 4-е изд., доп. и перераб. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2016. – 424 с.

15. Хамутаев В. А. Нация и национализм как научная проблема / В. А. Хамутаев // Вестник Бурят. гос. ун-та. – 2009. – № 8. – С. 69–73.

16. Юридический словарь / глав. ред. П. И. Кудрявцев. – 2-е изд. – Москва : Госюриздат, 1956. – 663 с.

17. Romm J. J. Defining National Security. The Nonmilitary Aspects / J. J. Room. – New York. Council of Foreign Relations Press, 1972. – 122 p.

Информация об авторе

Бобровникова Ольга Владимировна – аспирант, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 117218, г. Москва, ул. Б. Академическая, 34, e-mail: dnpr04@mail.ru.

Author

Bobrovnikova Olga Vladimirovna – postgraduate student, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 34 B. Akademicheskaya st., Moscow, 117218, e-mail: dnpr04@mail.ru.

**ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ АДМИНИСТРАТИВНЫХ СУДОВ**

В статье представлены основные взгляды ученых-правоведов по вопросу создания в России административных судов, проводится сравнительный правовой анализ работы административных судов в зарубежных странах, а также исследуется проблема эффективности деятельности судов в РФ при рассмотрении и разрешении дел, в том числе гражданских и уголовных. Проанализирована одна из моделей специализированных судов, существующая в науке административного права. Изучен экономический аспект с представлением интересной позиции при возможном создании самостоятельных административных судов, которое может привести к большему экономическому росту в рамках инвестиционных намерений иностранных инвесторов за счет независимого суда.

Ключевые слова: судопроизводство; административное судопроизводство; административные суды; органы административной юстиции.

**N. Yu. Vasileva,
A. K. Tsybenova****PROSPECTS FOR THE FORMATION OF SPECIALIZED
ADMINISTRATIVE COURTS IN THE RUSSIAN FEDERATION**

The article presents the main views of legal scholars on the establishment and operation of administrative courts in the Russian Federation, a comparative legal analysis of the activities of administrative courts in foreign countries, as well as the question of the effectiveness of courts in the Russian Federation in the consideration and resolution of cases, including civil and criminal. One of the models of specialized courts presented in the science of administrative law is analyzed. The economic issue is considered with the presentation of an interesting position on the possible creation of independent administrative courts, which can lead to greater economic growth within the framework of investment intentions of foreign investors at the expense of an independent court.

Keywords: judicial proceedings; administrative proceedings; administrative courts; administrative justice bodies.

В науке российского права в течение длительного времени вопрос о возможности создания административных судов РФ является дискуссионным. До сих пор среди ученых-правоведов нет единства мнений по данному вопросу.

В научных кругах представляются разнообразные взгляды в вопросах создания и деятельности административных судов РФ, имеются и противники этой идеи.

Воплощение идеи административных судов в РФ в судебной системе РФ имела место еще начале 2000-х гг., когда Верховным Судом РФ был представлен проект федерального конституционного закона. Однако после принятия его в первом чтении, закон был отложен в долгий ящик и впоследствии проект не был реализован. Основной причиной неудачи, как считают ученые, послужило отсутствие нормативного правового акта об административном судопроизводстве: процессуальные нормы о делах об обжаловании решений, актов, действий органов публичной власти были закреплены в отдельный подраздел ГПК РФ.

Принятие в марте 2015 г. Кодекса административного судопроизводства (КАС) РФ с новой силой возобновило дискуссионность вопроса о создании административных судов в России. Наличие в составе судов общей юрисдикции определенных уровней специализированных подразделений (коллегий) недостаточно для эффективной защиты прав и свобод человека и гражданина в спорах публично-правового характера. Для российской правовой науки принятие КАС РФ явилось предпосылкой к возобновлению обсуждения вопроса об образовании административных судов, однако по прошествии семи лет движений в сторону создания самостоятельных административных судов не так много, так как существуют разнообразные взгляды по этому вопросу. Видится, что вопрос внедрения в судебную систему РФ административных судов не так прост и однозначен, и потребуется еще время для его решения.

Так, ч. 2 ст. 118 Конституции РФ закреплено, что судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства. Из буквального прочтения положения этой статьи видится, что в РФ должны быть созданы административные суды РФ. Однако существует противоположное мнение Г. А. Гаджиева о том, что данное конституционное положение прямо не предусматривает обязательность наличия административных судов в России, как и не запрещает их [3].

В пользу позиции о необходимости создания отдельных органов административной юстиции, а именно административных судов, выступают многие ученые-правоведы. Так, по мнению К. А. Степанова, отдельный судебный орган (административный суд) сможет более точно и своевременно осуществлять свои полномочия по судебному контролю, эффективно отстаивать приоритет прав и свобод человека и гражданина [5]. Действительно, эффективный судебный контроль за законностью решений, действий органов государственной власти, обеспечение защиты прав, свобод и интересов граждан и организаций являются одними из главных ориентиров правового государства.

А. А. Демин при определении подлинно правового государства считает, что при отсутствии судов административной юстиции правовое государство не соответствует теории этого самого правового государства [2]. По его мнению, административная юстиция – это «не просто процедура разрешения спора с администрацией, но и система специализированных судов по таким вопросам. В том

числе и в виде территориальных административных трибуналов». С данной позицией можно согласиться.

В настоящий момент дела из административных отношений и других публично-правовых отношений рассматриваются судами общей юрисдикции (и арбитражными судами), которые также рассматривают гражданские и уголовные дела. Помимо судов общей юрисдикции правосудие по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности осуществляется арбитражными судами. Ни для кого не секрет, что у судей (районные, мировые судьи) очень большая загруженность, которая ведет к увеличению сроков рассмотрения и не только. Нередки ситуации отсутствия всестороннего (неполного, необъективного) рассмотрения, что ведет к пересмотру судами вышестоящих инстанций.

Исходя из специфики споров между частными лицами и публичными органами, их должностными лицами, можно утверждать, что они носят особенных, отличный от гражданского процесса, характер. Именно различие должно быть одним из причин создания административных судов в РФ, судьи которых будут иметь специализацию, узкую направленность в разрешении административных вопросов. Если судьи будут работать в специализированных административных судах, им будет легче специализироваться именно на разрешении вопросов административного дела. Соответственно, такие изменения, несомненно, скажутся положительно и на системе судов общей юрисдикции, так как специализироваться по всем направлениям сразу достаточно сложно для любого человека. Даже в вопросах правосудия человеческий фактор не исключен. Решится вопрос загруженности судов общей юрисдикции, если убрать значительную долю административных и иных дел из публичных правоотношений. Разгрузка по делам скажется и на более эффективном и быстром рассмотрении и разрешении гражданских, уголовных дел.

Помимо доводов об эффективности рассмотрения дел, возникающих из публичных правоотношений, доступности правосудия указывается, что создание специализированных органов административной юстиции выведет Россию на общеевропейский уровень [4].

Можно обратиться к опыту зарубежных государств, например, Германии, у которой правовая система похожа с нашей, с учетом специфических условий, исторических традиций нашего государства. Система судом административной юстиции в Германии схожа с нашей системой судов общей юрисдикции, которая включает в себя три звена. Первое звено – административные суды земель, рассматривающие дела по первой инстанции. Второе – высшие административные суды земель, выступающие в качестве судов первой и апелляционной инстанции. Третье звено представлено Федеральным административным судом Германии, который рассматривает некоторые дела по первой инстанции и выступает в качестве суда кассационной инстанции. Именно указанную структуру специализированных административных судов, представленной в качестве примера, некоторые авторы считают подходящей для создания в РФ [6]. Дан-

ные суды будут рассматривать дела в сфере государственного управления и жалобы на решения и действия органов исполнительной власти и их должностных лиц, а также дела об административных правонарушениях.

По мнению А. У. Шамсудинова, в судебной системе России первое звено системы административных судов РФ может быть представлено районными судами. Второе звено будут образовывать высшие административные суды субъектов РФ, которые, как считает автор, можно наделить функциями суда кассационной инстанции, что, с нашей точки зрения, недопустимо.

В последние годы судебная система РФ подверглась прогрессивным, по нашему мнению, реформам – создание отдельных апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции как самостоятельных звеньев судебной системы. Данные изменения были направлены на обеспечение правосудия, чтобы один и тот же суд не выступал в качестве разных инстанций, а именно, не пересматривал свои же дела в апелляционном и кассационном порядке. Возврат в ранее действующее положение даже в системе административных судов не обеспечит должного рассмотрения дел и обеспечения прав и законных интересов граждан и организаций.

Исследуя дальше позицию И. У. Шамсудинова, третье звено системы административных судов в РФ будет представлено Высшим административным судом РФ, который будет рассматривать дела в качестве суда апелляционной и кассационной инстанций по жалобам на решения второго звена. Также он будет иметь полномочия для рассмотрения дел, определенных законом, по первой инстанции. Правовой основой деятельности административных судов будет служить КАС РФ.

Рассмотренная модель административных судов имеет место быть в доктрине административного права, она более близка действующей судебной системе РФ. Однако имеет ряд недостатков, один из которых был назван ранее.

Изучая иные модели создания административных судов, можно обратиться к модели административных судов в Республике Узбекистан, где с 2017 г. функционируют административные суды, к полномочиям которых отнесены дела, возникающие из публичных правоотношений. Юрисдикция судов определена одноименным с нашим Кодексом административного судопроизводства. У них также она представлена тремя звеньями: районные (городские), областей и города Ташкент, Верховный суд Узбекистана [1]. Вроде все хорошо, и есть административные суды как маркер правового государства. Однако Узбекистан в своей судебной системе в рамках административных судов допускает некоторые возможности произвольного изменения подсудности административного дела по решению вышестоящего суда. Данное положение звучит как произвол в системе правосудия. Возникает вопрос: мы действительно говорим о суде как независимом органе, действующем на основании закона, или допускаем исключения, коих быть не должно?

Принять опыт зарубежных стран целиком и полностью не представляется возможным, так как есть взгляды «за» и «против». Так, противники высказываются о том, что в РФ есть еще недостаточно проработанные вопросы в части

структуры, компетенции, законодательной базы. Кроме этого, не решен экономический вопрос, так как на претворение в жизнь проекта по созданию независимых административных судов потребуются большие денежные средства из бюджета государства.

Если мы затронули финансовую сторону вопроса, то на этот счет есть интересная позиция о существенной роли административных судов в обеспечении, в том числе, экономического развития страны. Наличие административных судов гарантирует экономическую свободу действий, и тем самым долгосрочную надежность инвестиционных намерений [7]. Если есть гарантии для инвестора в виде независимого суда, в том числе и административного суда, решение которого основывается только на законе, то это очень выгодно выделяет страну в международной конкуренции. Инвесторы должны доверять судам, которые независимо от политических сил и влияний вынесут решение по существу и только на основании закона. Конечно, если в государстве и без административных судов отсутствует надежность в решении судов, имеются большие вопросы к беспристрастности суда и его независимости, то это тормоз для деятельности как собственных предприятий, так и привлечения иностранных инвестиций, что не способствует экономическому развитию страны.

Таким образом, вопрос создания специализированных административных судов в Российской Федерации требует внимания со стороны законодателя в части детальной проработки проекта, его работы в рамках судебной системы. Наличие самостоятельных органов административной юстиции – специализированных административных судов, это еще один шаг на пути к правовому государству, обеспечению прав и свобод граждан, прав и интересов организаций, экономическому развитию страны, созданию доверия и надежности. Именно поэтому в международных отношениях административные суды являются «показателем хорошего правительства» (good government) [Там же]. Именно такой путь развития видится перспективным для РФ как правового государства.

Список использованной литературы

1. Брежнев О. В. Становление системы административных судов в республике Узбекистан: проблемы и перспектив. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44048812&> (дата обращения: 12.05.2022).
2. Демин А. А. Проблема судов административной юстиции не отменена / А. А. Демин // Административное право и процесс. – 2020. – № 8. – С. 35–39.
3. Гаджиев Г. А. Конституционно-правовые ориентиры при создании системы административных судов / Г. А. Гаджиев // Сравнительно конституционное обозрение. – 2005. – № 3 (52). – С. 163–167.
4. Сапожников А. И. К вопросу о создании административной юстиции в Российской Федерации / А. И. Сапожников // Адвокатская практика. – 2008. – № 1. – С. 42–46.
5. Степанов К. А. Некоторые актуальные проблемы создания административных судов в РФ / К. А. Степанов // Вопросы российской юстиции. – 2021. – № 15. – С. 658–665.

6. Шамсудинов И. У. Административные суды Российской Федерации: если ли в них необходимость, и какими они должны быть? / И. У. Шамсудинов // Молодой ученый. – 2016. – № 15 (119). – С. 373–376.

7. Штаух М. Задачи административного судопроизводства в современном государстве – функции, основополагающие принципы, основные типы производства и качественные стандарты правовой защиты / М. Штаух // Административное судопроизводство: проблемы и перспективы развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Астана, 2005. – С. 18–20.

Информация об авторах

Васильева Наталья Юрьевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: vasilevany@bgu.ru.

Цыбенкова Аягма Кичигтуевна – студент 2 курса магистратуры по программе «Государственное и административное право», Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: ayagma_tsybenova@mail.ru.

Authors

Vasileva Natalia Yurievna – Ph.D. in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Chair of constitutional and administrative law, Baikal State University, 11, Lenin st., Irkutsk, 664003, e-mail: vasilevany@bgu.ru.

Tsybenova Ayagma Kichigtuevna – undergraduate student, the Program of «State and Administrative law», Baikal State University, 11 Lenin st., Irkutsk, 664003, e-mail: ayagma_tsybenova@mail.ru.

ВЛИЯНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ИНОСТРАННЫХ АГЕНТАХ НА СТАТУС ПРАВОЗАЩИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ*

В статье представлена критическая оценка положений Федерального закона «О некоммерческих организациях», касающихся вопросов присвоения им статуса иностранного агента, анализируется влияние законодательства об иностранных агентах на осуществление деятельности неправительственными правозащитными организациями. Также в работе отмечается правовая неопределенность терминов «иностраный агент», «политическая деятельность», «получение иностранного финансирования». Автор приходит к выводу, что существует острая необходимость пересмотра правового регулирования присвоения статуса иностранного агента некоммерческим организациям. Выдвигаются предложения по совершенствованию законодательства в данной области для нормального и беспрепятственного осуществления правозащитными организациями значимой для общества деятельности.

Ключевые слова: неправительственные правозащитные организации; права и свободы человека и гражданина; иностранный агент; защита прав; дискредитация; государственные органы; иностранное финансирование; политическая деятельность.

I. V. Galaguz

THE IMPACT OF LEGISLATION ON FOREIGN AGENTS ON THE STATUS OF HUMAN RIGHTS ORGANIZATIONS

The article presents a critical assessment of the provisions of the Federal Law «On Non-Profit Organizations» concerning the issues of assigning them the status of a foreign agent, analyzes the impact of legislation on foreign agents on the activities of non-governmental human rights organizations. The paper also notes the legal ambiguity of the terms «foreign agent», «political activity», «obtaining foreign financing». The author comes to the conclusion that there is an urgent need to revise the legal regulation of assigning the status of a foreign agent to non-profit organizations. Proposals are put forward to improve legislation in this area for the normal and unhindered implementation of human rights organizations significant for society activities.

Keywords: non-governmental human rights organizations; human and civil rights and freedoms; foreign agent; protection of rights; discrediting; state bodies; foreign financing; political activity.

* Статья призера Всероссийского конкурса научных работ (эссе)–2022 «Права человека: что нас ждет в XXI веке?»

В ст. 2 Конституции РФ указано: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Однако нередко приходится наблюдать прямое либо косвенное нарушение основных прав и свобод человека и гражданина: коррупция, дискриминация по национальному, половому, расовому, социальному, религиозному признаку, домашнее насилие, порнография, детская проституция, зависимость судей, обращение с подозреваемыми, унижающее их достоинство, насилие в отношении осужденных, загрязнение окружающей среды, причиняющее существенный вред здоровью людей [2]. Факты, свидетельствующие о несоблюдении и нарушении прав человека, говорят о сохраняющейся актуальности проблемы их обеспечения и защиты.

Российская система защиты прав и свобод человека включает в себя механизмы как государственного, так и общественного контроля. Одним из основных общественных институтов по содействию гражданам в реализации их законных прав и свобод являются неправительственные правозащитные организации. Развитие правозащитного движения – необходимое условие, наличие которого способствует обеспечению демократических и правовых основ любого государства.

Под неправительственными правозащитными организациями в современной российской науке понимается «добровольные, самостоятельные, самоуправляемые некоммерческие формирования неполитического характера национального, регионального и международного уровней, не учрежденные государственным органом, а образовавшиеся в результате свободного волеизъявления и по инициативе индивидуумов, объединившихся на основе общности интересов для совместной деятельности во имя защиты общепризнанных гражданских, экономических, социальных и культурных прав» [4].

В России существует большое количество правозащитных организаций. Точную статистику привести достаточно сложно по нескольким причинам. Во-первых, не все правозащитные организации имеют статус «юридического лица», вследствие чего не попадают в данные регистрирующих органов. Во-вторых, некоторые из них распадаются и прекращают свою деятельность, другие создаются вновь.

В настоящее время остро стоит вопрос о реальной возможности осуществления деятельности неправительственными правозащитными организациями, выполняющих функции иностранного агента (далее – иностранный агент, иноагент). На данный момент в реестре некоммерческих организаций иноагентов содержатся сведения о 74 организациях, из них подавляющее большинство составляют именно правозащитные, что указывает на их особое значение для отправления государственной власти.

Правовой статус правозащитных организаций, осуществляющих функции иностранного агента, определен Федеральным законом «О некоммерческих организациях» от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ (далее – Закон № 7-ФЗ).

Термин «иностраный агент», используемый в законе, воспринимается обществом негативно, поскольку, как отмечает Комиссар по правам человека,

он связан в российском историческом контексте с понятием «иностранный шпион» и/или «предатель» и таким образом «ассоциируется с остракизмом или стигматизацией» [1, с. 18].

Этой же точки зрения придерживается обсерватория по защите прав правозащитных организаций, подчеркивая, что правозащитные организации в случае регистрации в качестве иностранных агентов вследствие негативной окраски данного термина опасаются изолированности в обществе, подозрительного отношения общественности к их деятельности, закономерных отказов в попытках контактировать с должностными лицами или органами государственной власти [5, с. 72]. Исходя из этого, навешивание ярлыка «иностранный агент» означает, что правозащитные организации не смогут функционировать должным образом.

Понятие «некоммерческая организация, осуществляющая функции иностранного агента» содержится в п. 6 ст. 2 Закона № 7-ФЗ и предусматривает два критерия отнесения некоммерческих организаций к иностранным агентам: получение денежных средств и (или) иного имущества из иностранных источников и участие в политической деятельности. Для присвоения статуса иностранного агента правозащитной организации необходимо наличие одновременно двух квалифицирующих признаков.

Анализ применения законодательства об иностранных агентах позволяет прийти к выводу, что большинство неправительственных правозащитных организаций попадают в реестр в связи с широким толкованием термина «политическая деятельность». Практически все виды деятельности таких организаций могут быть признаны политическими: предоставление информации органам ООН, публикация результатов опросов общественного мнения, предоставление юридической поддержки, проведение и организация круглых столов и семинаров, посвященных обсуждению проблем защиты прав человека, обращение в органы государственной власти и органы местного самоуправления по вопросам, затрагивающим права и свободы граждан и т. п.

Согласно ч. 6 ст. 2 Закона № 7-ФЗ, некоммерческой организацией, участвующей в политической деятельности, признается такая организация, которая «осуществляет деятельность в сфере государственного строительства, защиты основ конституционного строя Российской Федерации, федеративного устройства Российской Федерации, защиты суверенитета и обеспечения территориальной целостности Российской Федерации, обеспечения законности, правопорядка, государственной и общественной безопасности, обороны страны, внешней политики, социально-экономического и национального развития Российской Федерации, развития политической системы, деятельности государственных органов, органов местного самоуправления». Также к данным сферам относятся «законодательное регулирование прав и свобод человека и гражданина в целях оказания влияния на выработку и реализацию государственной политики, формирование государственных органов, органов местного самоуправления, на их решения и действия». Этот факт, несомненно, заслуживает особой критики, поскольку непосредственно затрагивает сферу деятельности правозащитных ор-

ганизаций. Правозащитные организации так или иначе взаимодействуют с государством. Так, политической деятельностью может быть признана и выработка рекомендаций по совершенствованию российского законодательства.

Также нормы Закона № 7-ФЗ предусматривают формы осуществления указанной деятельности, например, участие в организации и проведении публичных мероприятий, распространение мнений о принимаемых государственными органами решениях и проводимой ими политике, проведение опросов общественного мнения и обнародование их результатов, которые также доказывают расширительное толкование законодателем термина «политическая деятельность».

Термины «в интересах иностранного источника», «политическая акция», «формирование общественного мнения», «изменение проведения государственной политики» не раскрыты в положениях закона, они носят оценочный характер. Возможно, это связано с целью предоставления правоприменителю полной свободы для отнесения той или иной деятельности к политической.

Таким образом, можно смело заявить, что правозащитные организации являются политическими на том основании, что все способы, методы и процедуры контроля за соблюдением и защитой прав человека в любом случае пересекаются с предусмотренными Законом № 7-ФЗ сферами, целями и формами осуществления политической деятельности. Любая общественная и пропагандистская деятельность, привлекающая внимание общественности и государственных структур к проблеме защиты законных прав и интересов граждан, интерпретируется уполномоченными органами как политическая. По мнению А. А. Кондрашева, именно дискреция правоприменителя при наделении статусом иностранного агента влечет за собой ограничения конституционного права на объединение вплоть до ликвидации отдельных некоммерческих организаций [3, с. 102]. В связи с изложенным возникает острая необходимость сформировать четкое определение политической деятельности, которое разрешит вопрос о законности приобретения статуса иностранного агента и устранил некорректность деятельности государственных структур по выявлению таких организаций.

Другой немаловажной проблемой, влияющей на статус правозащитных организаций, является их финансирование. В соответствии с п. 1 ст. 50 ГК РФ и ст. 2 Закона № 7-ФЗ правозащитные организации не преследуют извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности, поэтому важным принципом работы таких организаций служит безвозмездность оказания квалифицированной помощи физическим и юридическим лицам. Само финансирование в этом случае ограничено, вследствие чего у правозащитных организаций недостаточно средств для нормального функционирования.

Хочется отметить, что данный общественный институт обособлен от контрольной власти государства и осуществляется на основе самоорганизации граждан и по их собственной инициативе. Поэтому финансирование из государственных источников затруднено. Причиной этого является и тот факт, что в большинстве случаев деятельность правозащитных организаций не угодна власти, поскольку они всегда находятся в оппозиции к государству, связывая это с

тем, что главными нарушителями прав и свобод человека являются именно органы государственной власти. В связи с этим существующие грантовые конкурсы со стороны государственных структур на практике сводятся к помощи общественным объединениям, лояльным по отношению к публичной власти, а финансовая поддержка со стороны крупного российского бизнеса постоянно наталкивается на репрессивный надзор со стороны властей (например, уголовное преследование М. Б. Ходорковского).

Таким образом, возникает существенная проблема, затрудняющая развитие неправительственных правозащитных организаций – недостаточное финансирование и трудности его получения. В условиях практического отсутствия в России национальных источников финансирования деятельности они вынуждены обращаться за финансовой поддержкой к зарубежным фондам. Однако государством устанавливаются дискредитационные меры, направленные на ограничение доступа правозащитных организаций к иностранному финансированию путем угрозы присвоения им статуса иностранного агента.

В соответствии со ст. 13 Декларации о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы (Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1998 г. № 53/144) каждый имеет право, индивидуально и совместно с другими, запрашивать, получать и использовать ресурсы специально для целей поощрения и защиты прав человека и основных свобод мирными средствами. Декларация о правозащитниках защищает право на получение и использование финансов, не налагает ограничения на источники финансирования (общественные / частные, местные / иностранные). Следовательно, она по умолчанию предоставляет правозащитным организациям право на доступ к международным источникам финансирования [5, с. 14].

Государственная власть, ущемляя свободу источников финансирования правозащитных организаций, не только ограничивает право на свободу деятельности общественных объединений, но и ставит под угрозу их выживание в современных условиях.

Также стоит подчеркнуть расплывчатость понятия «получение иностранного финансирования». В Законе № 7-ФЗ определен перечень иностранных источников, однако отсутствует указание на их форму и объем получения средств правозащитными организациями. В действительности это приводит к тому, что для приобретения статуса иностранного агента достаточно любого перевода денежных средств с иностранных счетов, в том числе собственных. Например, если правозащитная организация с открытой формой пожертвования получит на свой банковский счет несколько долларов от иностранного гражданина, то она автоматически попадет в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. Кроме того, если члены правозащитной организации, являющиеся иностранными гражданами, иностранными юридическими лицами либо лицами без гражданства, осуществят денежные переводы на счет своей организации, то и в этом случае эти действия будут квалифицированы как «получение денежного финансирования». Хочется отметить, что

рассматриваемая формулировка дает возможность искусственного создания признака иностранного финансирования. Кроме того, правоприменитель, на наш взгляд, необоснованно относит к иностранному финансированию получение денежных средств от международных организаций, в которые Россия платит членские взносы (например, ООН).

Необходимо сказать, что существенным недостатком законодательства об иностранных агентах является отсутствие указания на установление уполномоченными структурами причинно-следственной связи между фактом получения иностранного финансирования и развернутой политической деятельностью. «По сути, любую, даже социально-ориентированную НКО можно признать иноагентом за факт внесения одного доллара иностранного пожертвования и за требование (просьбу) к органам власти повысить пенсию или пособие гражданам страны» [3, с. 103], т. е. нет взаимосвязи между двумя квалифицирующими признаками признания некоммерческой организации иностранным агентом.

Таким образом, законодательство об иностранных агентах, первоначально имея своей целью обеспечение прозрачности и открытости информации об иностранном финансировании некоммерческих организаций, превратилось в государственный инструмент стигматизации и парализации их деятельности путем финансового обременения тех, которые позволяют себе критические замечания в сторону органов государственной власти.

Признание правозащитной организации иностранным агентом влечет за собой правовые последствия. Попав в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, они должны выполнять различные требования и обязательства: обязательная регистрация в качестве иностранного агента, отнимающая много времени у правозащитных организаций; постоянные отчеты о своей деятельности; указание своего статуса во всех документах и публикациях; ежегодное представление аудиторского заключения и т. д. На осуществление таких обязанностей правозащитные организации тратят большие денежные средства, силы и время. По независимым оценкам некоммерческие организации, внесенные в реестр иностранных агентов, в среднем несут убытки на осуществление данных требований в размере 273 тыс. руб. в год, не считая штрафов и судебных издержек в отдельных случаях. Кроме того, правозащитные организации теряют в связи с приобретением статуса иностранного агента рекламодателей, партнеров и грантодателей, которые не хотят сотрудничать с подобными объединениями. Также хочется отметить, что статус иностранного агента препятствует реализации права на государственное финансирование и поддержку, поскольку приоритет отдается, главным образом, некоммерческим организациям – исполнителям общественно полезных услуг, коими иностранные агенты не могут быть признаны. Во многих конкурсах на финансирование предъявляется требование к участникам, которое заключается в отсутствии организации в реестре иноагентов. К тому же правозащитные организации-иностранцы не были включены в программу срочных мер поддержки некоммерческих организаций в условиях кризиса, вызванного пандемией COVID-19, а с 2020 г. банковские вклады организаций, признанных иноагент-

тами, не подлежат страхованию. Подобными финансовыми обременениями государство сковывает деятельность правозащитников.

Правозащитные организации-иностранные агенты подвергаются многочисленным внеплановым и плановым проверкам. Вместо того, чтобы заниматься защитой прав и свобод граждан и других категорий лиц, они вынуждены отвлекаться от работы и принимать участие в постоянных контролируемых мероприятиях государственных органов, а также непрерывных судебных процессах. Так, государственные ведомства сковывают правозащитные организации в неугодных для государства действиях.

Одним из неблагоприятных последствий приобретения статуса иностранного агента является прекращение сотрудничества, закрытие совместных проектов с органами власти, затрудненное взаимодействие с ними. Ограничивается и контроль правозащитными организациями за действиями органов публичной власти. Как результат – происходит снижение качества работы правозащитников и ее ограничение.

Присвоение статуса иноагента правозащитным организациям влечет прямые запреты на определенные виды деятельности. Заметно ограничены права на участие в избирательных процессах: запрещена поддержка кандидатов и политических партий, ограничено право на выдвижение кандидатов в общественные наблюдательные комиссии. Помимо этого, Минздрав РФ постановлением от 23 октября 2012 г. запретил выдвигать кандидатуры из включенных в реестр иностранных агентов в Совет общественных организаций по защите прав пациентов при Министерстве здравоохранения РФ, на муниципальном уровне существует такой же запрет в отношении местных общественных палат и общественных советов. Также им запрещено проводить независимую антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов или их проектов. Прослеживается тенденция дискриминации правозащитных организаций-иноагентов в различных направлениях деятельности.

Отдельно стоит сказать о маркировке материалов и сообщений, изданных иностранными агентами. Требования, предъявляемые к ней, ущемляют в правах пользования социальной сетью Twitter, ограничивают право на распространение информации, свободу выражения мнений и освещение проделанной ими работы. Сведения об иноагентстве отпугивают общественность и подрывают их доверие. Несоблюдение требований влечет за собой административную ответственность, которая снова подвергает иноагентов финансовым издержкам.

Помимо прямых дискриминационных аспектов имеют место и косвенные. Правозащитные организации, включенные в реестр иностранных агентов, дискредитированы в глазах общественности. Они подвергаются различным клеветническим кампаниям, отказам от сотрудничества и актам вандализма. Так, в 2012 г. на стенах здания главного офиса ассоциации «Мемориал» появилась нанесенная аэрозольной краской надпись: «Иностранный агент. I (love) USA».

Таким образом, законодательство об иностранных агентах в отношении правозащитных организаций носит дискриминационный характер, негативно сказывается на эффективности общественных объединений в защите нарушен-

ных прав и свобод человека. На современном этапе развитию правозащитных организаций препятствует огромное количество проблем, решение которых возможно путем коренного пересмотра законодательства об иноагентах (уточнение критериев отнесения к данной категории и различных терминов, смягчение санкционных мер и финансового обременения, введение процедуры признания иностранным агентом судом, а не Минюстом, с установлением всех причинно-следственных связей), а также налаживания конструктивного диалога между «третьим сектором» и государством, который должен способствовать развитию культуры прав человека в стране, устранению деградации гражданского общества и ограничений прав на объединение, свободу слова и выражение мнений. Как никогда сейчас необходимо объединение усилий в обеспечении должной защиты и восстановлении нарушенных прав граждан.

Список использованной литературы

1. Заключение Комиссара по правам человека о законодательстве Российской Федерации о некоммерческих организациях с учетом стандартов Совета Европы от 15 июля 2013 года. §57. – URL: <https://rm.coe.int/16806da714> (дата обращения: 19.03.2022).

2. Законность: теория и практика / под ред. Н. В. Субанова. – 3-е изд. – Москва : Контракт, НИЦ ИНФРА-М, 2017. – 400 с.

3. Кондрашев А. Иностранные агенты в России: как заимствованный американский правовой институт приобрел иной смысл в российском законодательстве и правоприменительной практике / А. Кондрашев // Сравнительное конституционное обозрение. – 2021. – № 4 (143). – С. 97–121.

4. Матвеева Т. Д. Неправительственные организации в системе защиты конституционных прав и свобод человека : автореф. дисс. ... докт. юрид. наук : 12.00.02 / Т. Д. Матвеева. – Москва, 1998. – 48 с.

5. Нарушение права НПО на финансирование: от преследований до уголовного наказания. – URL: https://www.fidh.org/IMG/pdf/obs_2013_human_rights_defenders_russian (дата обращения: 19.03.2022).

Информация об авторе

Галагуз Инна Васильевна – студент, Институт государственного права и национальной безопасности, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: galaguz.inna@yandex.ru.

Научный руководитель: кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Байкальского государственного университета И. С. Суркова.

Author

Galaguz Inna Vasilyevna – student, the Institute of State Law and National Security, Baikal State University, 11 Lenin st., Irkutsk, 664003, e-mail: galaguz.inna@yandex.ru.

К ВОПРОСУ О ГЕНДЕРНОЙ ПРОБЛЕМАТИКЕ СЛУЖБЫ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Служба в органах внутренних дел является ключевым структурным элементом в системе правоприменения, а сфера охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности выступает процедурой крайне сложной. В связи с этим проблематику гендерного дисбаланса можно назвать злободневной и в высшей степени актуальной в процессе укомплектования аттестованного состава Министерства внутренних дел России. В статье автор подчеркивает опасность перенасыщения аттестованного состава лицами женского пола, так как специфика службы обусловлена тяжелыми условиями, которые не позволяют женщинам качественно нести службу в сложной оперативной обстановке.

Ключевые слова: правоприменение; права мужчин; гендерный дисбаланс; дискриминация; органы внутренних дел.

S. N. Groshev

ON THE ISSUE OF GENDER ISSUES OF SERVICE IN THE INTERNAL AFFAIRS BODIES

Service in the internal affairs bodies is a key structural element in the law enforcement system, and the sphere of public order protection and public safety is an extremely complex procedure. In this regard, the problem of gender imbalance can be called topical and highly relevant in the process of staffing the certified staff of the Ministry of Internal Affairs of Russia. In his article, the author emphasizes the danger of oversaturation of the certified staff of the Ministry of Internal Affairs of Russia by persons of the female gender group, since the specifics of the service are due to difficult conditions that do not allow women to serve qualitatively in a difficult operational environment.

Keywords: law enforcement; men's rights; gender imbalance; discrimination; internal affairs bodies.

Тот факт, что служба в силовых структурах, в частности в органах внутренних дел, является достаточно сложной как с физиологической, так и с психологической стороны и сопряжена с определенными опасностями для жизни и здоровья, а также нередко требует значительных физических трудозатрат не вызывает сомнений. В этой связи традиционно служба в органах внутренних дел считается мужским занятием. Такое мнение зачастую подкрепляется тем, что борьба с преступностью требует от сотрудника немалых физических и конкретных морально-волевых качеств. Кандидаты на поступление на службу в органы внутренних дел проходят тщательный отбор, сдают тесты на физическую

силу и выносливость, успешная сдача которых подтвердит способность лица осуществлять охрану правопорядка и обеспечение национальной безопасности.

Стоит отметить, что сотрудники органов внутренних дел наделены уникальным правом применять агрессивное насилие в отношении правонарушителей, если того требует обстановка. Простыми словами, сотрудники Министерства внутренних дел Российской Федерации кроме обладания интеллектуальной составляющей, должны быть в высшей степени физически развитыми, параллельно иметь способность психологического контроля над собой во время кризисных ситуаций, связанных, например, с задержанием преступника и необходимостью применить физическую силу, спецсредства или огнестрельное оружие.

Не являются исключением и сотрудники органов внутренних дел, которые не задействованы в непосредственной охране правопорядка в общественных местах и не входят в состав оперативных подразделений, но задействованы в службах тыла, дознания, следствия и т. д. Даже так называемые «кабинетные» сотрудники в некоторых кризисных ситуациях могут быть привлечены к службе, которая связана с непосредственным контактом с правонарушителями, а также задействованы в различных мобилизационных мероприятиях, где от сотрудника понадобятся выдержка, сила, выносливость и т. д.

В этой связи можно с полной ответственностью заявлять, что преимущественно мужская группа соответствует тем требованиям, которые предъявляются к сотруднику органов внутренних дел. Соответственно, разноплановость физических испытаний мужчин и женщин при приеме на службу не соответствует специфике деятельности сотрудников органов внутренних дел, так как гендерный аспект при охране правопорядка, обеспечении общественной безопасности никак не влияет на объем обязанностей, возложенных на сотрудника [2, с. 141], т. е. сотрудникам-мужчинам и сотрудникам-женщинам приходится выполнять одинаковые обязанности, но нередко женщины из-за особенностей организма попросту не способны, например, служить в наружных службах, заниматься непосредственным задержанием преступников, выезжать в служебные командировки и т. п. [1, с. 71]. Такая ситуация, когда юридически декларировано равенство прав сотрудников обеих гендерных групп, но де-факто не соблюдено равенство обязанностей, приводит к тому, что тяготы несения службы, которые выражаются в повышенной физической и психологической нагрузке ложатся на плечи мужчин-сотрудников. Подобная тенденция также приводит к тому, что в органах внутренних дел складываются так называемые «женские» должности – дознаватель, следователь, и мужские – участковый, оперуполномоченный, сотрудник наружных служб [3, с. 8]. Например, в последнее время в Российской Федерации служба в полиции является крайне популярной в женской среде и кандидатов-девушек на поступление в образовательные организации МВД России существенно больше, чем кандидатов-юношей. Это не может не вызывать озабоченность, так как если допустить, что в органах внутренних дел сотрудников-женщин будет хотя бы половина от всего аттестованного состава, то можно прогнозировать существенное снижение качества деятельности

органов внутренних дел, по крайней мере тех их структурных подразделений, которые непосредственно вовлечены в охрану общественного порядка.

В заключение необходимо отметить, что в качестве меры, способной снизить надвигающийся гендерный дисбаланс в органах внутренних дел можно предложить единое для мужчин и женщин вступительное физическое испытание, не градируемое в зависимости от гендерной принадлежности. Эта мера способна снизить служебное давление на мужскую гендерную группу сотрудников органов внутренних дел, тем самым защитив их служебно-трудовые права.

Список использованной литературы

1. Андрианов А. С. Проблемы женщин-сотрудников правоохранительных органов / А. С. Андрианов, И. В. Медведев, В. В. Семенов // МНКО. – 2019. – № 4 (77). – С. 71–73.

2. Коник А. А. Совершенствование физической подготовки сотрудников МВД России в период профессионального обучения / А. А. Коник, Б. А. Клименко, Ю. В. Муханов // Проблемы современного педагогического образования. – 2018. – № 58-3. – С. 139–143.

3. Романова В. В. Служба женщин в органах внутренних дел: правовые и организационные аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. В. Романова. – Москва, 2007. – 25 с.

Информация об авторе

Грошев Сергей Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, кафедра государственно-правовых дисциплин, Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110, e-mail: groshev_sergej@mail.ru.

Author

Groshev Sergey Nikolaevich – Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of State and Legal Disciplines, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 110 Lermontov st., Irkutsk, 664074, e-mail: groshev_sergej@mail.ru.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПАРЛАМЕНТАРИЕВ ЗА СОВЕРШЕНИЕ КОРРУПЦИОННЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ: НОВАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ

В статье исследуется тенденция развития законодательства, регулирующего вопросы привлечения к ответственности депутатов законодательных органов субъектов Российской Федерации за нарушение антикоррупционных ограничений и запретов, неисполнение антикоррупционных обязанностей. Эта ответственность связана со статусом депутата как публичного должностного лица, а меры ответственности направлены на лишение такого статуса. Автор отмечает, что в настоящий момент законодательство по данному вопросу носит бессистемный характер. За совершение региональным парламентарием любого коррупционного правонарушения предусмотрена только одна мера ответственности – досрочное прекращение полномочий. Однако с июня текущего года в силу вступят новые положения, согласно которым к депутатам могут применяться различные меры ответственности (предупреждение, лишение должности и т. п.), также вводится ответственность за неоднократное совершение коррупционного правонарушения. Эти новации потребуют внесения изменений в региональные законы.

Ключевые слова: статус депутата; досрочное прекращение полномочий; коррупционное правонарушение; публично-правовая ответственность.

V. A. Grudinin

PUBLIC LEGAL RESPONSIBILITY REGIONAL PARLIAMENTARIANS FOR COMMITTING CORRUPTION DELICTS: INNOVATIONS OF THE CONSTITUTIONAL REFORM

The article examines the trend in the development of legislation regulating the issues of bringing to justice deputies of legislative bodies of the subjects of the Russian Federation for violating anti-corruption restrictions and prohibitions, non-fulfillment of anti-corruption duties. This responsibility is related to the status of a deputy as a public official, and the measures of responsibility are aimed at depriving such a status. The author notes that at the moment the legislation on this issue is haphazard. Only one measure of responsibility is provided for the commission of any corruption offense by a regional parliamentarian – early termination of powers. However, since June of this year, new provisions will come into force, according to which various measures of responsibility can be applied to deputies (warning, deprivation of office, etc.), responsibility for repeated commission of a corruption offense is also introduced. These innovations will require changes to regional laws.

Keywords: deputy status; early termination of powers; corruption offense; public liability.

Одним из важнейших направлений политики современного государства является борьба с коррупцией. В практике общественных отношений присутствует множество публично-правовых деяний коррупционной направленности, не подпадающих под признаки преступления и административного правонарушения. Зачастую это проступки дисциплинарного характера, либо нарушения в рамках товарно-денежных отношений публичной власти с институтами гражданского общества. В этом плане одной из наиболее новых, а потому и сложных, является проблема нарушений антикоррупционных запретов и ограничений, неисполнения обязанностей, установленных для публичных должностных лиц (представление сведений о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера, конфликт интересов, вхождение в органы управления частными организациями и т. п.) [3, с. 30].

Не являются в этом плане исключением и депутаты законодательных органов государственной власти субъектов Российской Федерации (далее – депутаты). Ограничения были элементом статуса депутата, начиная с закрепления его единой основы в Федеральном законе «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (ст. 12). Долгое время основная часть ограничений и запретов связывалась лишь с профессиональной основой замещения должности депутата. Однако в настоящий момент на депутатов распространяются все ограничения, предусмотренные законодательством о противодействии коррупции для лиц, замещающих государственные должности субъекта Российской Федерации, вне зависимости от основы замещения этой должности. Нарушение депутатом антикоррупционных запретов или ограничений, неисполнение или ненадлежащее исполнение антикоррупционных обязанностей получило название коррупционного правонарушения.

Ответственность депутатов за совершение коррупционных правонарушений имеет большое значение. А. С. Кошель справедливо отмечает, что парадигма развития российского парламентаризма, поправки к Конституции Российской Федерации 2008 и 2020 г. направлены в сторону расширения полномочий российского парламента и подконтрольности исполнительной власти высшему законодательному органу. В связи с этим возникает вопрос об усилении независимости и автономности депутатов российского парламента [2, с. 127]. Одновременно повышаются и требования, в том числе этические, к лицам, осуществляющим функции народного представительства. Любые проявления коррупции со стороны парламентариев подрывают доверие населения к государственной власти.

Ответственность депутатов за совершение коррупционного правонарушения неразрывно связана с его статусом. На это обстоятельство неоднократно обращал внимание Конституционный Суд Российской Федерации. Так, он указал, что досрочное прекращение полномочий депутата вследствие нарушения

запрета (несоблюдения требования), связанного с его публично-правовым статусом, выступает, по сути, в качестве специальной меры конституционно-правовой ответственности (постановление Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности положений пункта «в» части первой и части пятой статьи 4 Федерального закона «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» от 27 декабря 2012 г. № 34-П). А в дальнейшем, уже применительно к статусу депутата регионального законодательного органа, дополнил, что гражданин, добровольно избирая такой род занятий, соглашается с условиями и ограничениями, с которыми связан приобретаемый им правовой статус (определение Конституционного Суда РФ «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шлосберга Льва Марковича на нарушение его конституционных прав подпунктом «б» пункта 1 статьи 4 Закона Псковской области «О статусе депутата Псковского областного Собрания депутатов»» от 26 января 2017 г. № 104-О).

В силу этой специфики меры публично-правовой ответственности за совершение коррупционных правонарушений связаны именно со статусом депутата, точнее с лишением этого статуса.

В настоящий момент регулирование мер ответственности, которые могут применяться к депутату за совершение коррупционных правонарушений, носит бессистемный характер – оно рассредоточено по различным нормативным актам. В науке справедливо отмечается, что количество законов в сфере противодействия коррупции так велико, что в пору уже говорить о формировании целой отрасли антикоррупционного законодательства. Однако, к сожалению, качество этих законов зачастую отнюдь не соответствует той роли, которую они должны играть в противодействии коррупции [4, с. 23].

Федеральный закон «О противодействии коррупции» содержит общее правило, согласно которому лица, замещающие государственные должности субъектов Российской Федерации, совершившие коррупционное правонарушение, несут ответственность, предусмотренную федеральными конституционными законами, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации (ч. 5 ст. 12.1). Одновременно закон предусматривает ответственность в виде увольнения (освобождение от должности) в связи с утратой доверия за совершение отдельных коррупционных правонарушений (ст. 13.1).

Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» прямо предусматривает ответственность в виде досрочного прекращения полномочий только в случаях нарушения депутатами запретов, связанных с использованием иностранных финансовых инструментов (п. 3 ст. 2.1, п. 1.4 и 3.9 ст. 12 Федерального закона «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными

финансовыми инструментами» от 7 мая 2013 г. № 79-ФЗ), а также в случае непредставления или несвоевременного представления им сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера (п. 3.1 ст. 12). Иных положений о применении к депутатам мер публично-правовой ответственности за совершение коррупционных правонарушений данный закон не содержит.

Субъекты Российской Федерации в своих законах вправе регулировать статус депутатов, в том числе устанавливать меры публично-правовой ответственности. Однако, как правило, региональный законодатель избегает установления принципиально новых норм по сравнению с положениями федеральных законов.

Таким образом, действующим законодательством в качестве меры ответственности депутата за совершение коррупционного правонарушения предусмотрена только одна мера – досрочное прекращение полномочий, иначе говоря – лишение статуса депутата. Отчасти такое регулирование объясняется тем, что законодатель регулирует не ответственность депутатов как таковую, а досрочное прекращение полномочий депутатов. При этом основания такого прекращения не дифференцированы. В равной степени регулируются как основания, являющиеся волей депутата или объективным основанием (например, смерть), так и лишение полномочий (вопреки воле), т. е. прекращение полномочий как мера конституционно-правовой ответственности. И. И. Абраров и И. А. Кузнецов справедливо отмечают, что ситуацию могло бы изменить разделение всех оснований досрочного прекращения полномочий депутатов на те, которые предполагают добровольное прекращение полномочий, и на те, которые приводят к прекращению полномочий депутатов без их воли. Соответственно, должны быть и разные механизмы прекращения полномочий парламентария [1, с. 273]. Однако в законодательстве данное предложение пока не нашло отражения.

Вместе с тем правовое регулирование ответственности депутатов за совершение ими коррупционных правонарушений изменится в связи с вступлением с 1 июня 2022 г. в силу Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». Ограничения, связанные с депутатской деятельностью, регулируются ст. 19 данного закона и в целом они повторяют действующие сейчас законодательные нормы. В том числе предусмотрено досрочное прекращение полномочий депутата за совершение коррупционных правонарушений (п. 9 и 10 ч. 21). Одновременно вводятся принципиально новые правила, которые не существовали ранее.

Предусматривается, что к депутату за совершение определенных коррупционных правонарушений могут быть применены следующие меры ответственности (ч. 22 ст. 19):

- предупреждение;
- освобождение от занимаемой должности в законодательном органе субъекта Российской Федерации без прекращения депутатских полномочий с лишением права занимать должности в законодательном органе с момента при-

нятия решения о применении к депутату меры ответственности до прекращения срока его полномочий;

– запрет занимать должности в законодательном органе субъекта Российской Федерации до прекращения срока его полномочий.

Норма сформулирована как диспозитивная, соответственно вопрос о применении конкретной меры ответственности находится в пределах полномочий законодательного органа субъекта Российской Федерации.

Порядок принятия решения о применении к депутату одной из указанных мер ответственности должен определяться региональным законом и регламентом или иным актом, устанавливающим порядок деятельности законодательного органа (ч. 24 ст. 19).

Также Федеральным законом «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» предусмотрено, что основанием для досрочного прекращения полномочий депутата является неоднократное несоблюдение ограничений, запретов, обязанностей, установленных законодательством Российской Федерации о противодействии коррупции (ч. 25 ст. 19). Порядок применения указанной меры ответственности устанавливается законом субъекта Российской Федерации.

Таким образом, федеральный законодатель не только установил различные меры публично-правовой ответственности за совершение коррупционного правонарушения, но и предусмотрел квалифицирующие признаки – неоднократность совершения. Это большой шаг вперед по сравнению с действующей безальтернативной санкцией.

Вместе с тем приведенные изменения федерального законодательства требуют существенного изменения законов субъектов Российской Федерации, регулирующих статус депутата. Региональному законодателю предстоит не только предусмотреть хотя бы примерные критерии, исходя из которых будут применяться те или иные меры публично-правовой ответственности за совершение коррупционного правонарушения, но и разработать процедуру, обеспечивающую объективное и беспристрастное рассмотрение вопросов, связанных с коррупционными правонарушениями.

Список использованной литературы

1. Абраров И. И. Статус депутата Государственной Думы и члена Совета Федерации / И. И. Абраров, И. А. Кузнецов // Бюллетень науки и практики. – 2017. – № 6 (19). – С. 270–275.

2. Кошель А. С. Основания и процедура досрочного прекращения полномочий депутатов / А. С. Кошель // Антиномии. – 2020. – Т. 20, № 2. – С. 127–155.

3. Праскова С. В. О полномочиях прокурора по применению к лицам, замещающим муниципальные должности, мер публично-правовой ответственности за совершение коррупционных правонарушений. Часть 1 / С. В. Праскова // Сибирский юридический вестник. – 2022. – № 1 (96). – С. 29–36.

4. Чаннов С. Е. Революционная целесообразность как способ борьбы с коррупцией / С. Е. Чаннов // Административное право и процесс. – 2018. – № 5. – С. 22–28.

Информация об авторе

Грудинин Виктор Андреевич – магистрант, кафедра конституционного и административного права, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: fastavto-irk@mail.ru.

Author

Grudinin Viktor Andreevich – undergraduate student, the Chair of Constitutional and Administrative Law, Baikal State University, 11 Lenin st., Irkutsk, 664003, e-mail: fastavto-irk@mail.ru.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА КОНКУРЕНТНОГО ПРАВА И ВЛИЯНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА НА ЕГО РАЗВИТИЕ

Статья посвящена исследованию правовой природы конкурентного права, установлению его места в современной отечественной правовой системе. Дается определение понятия «конкурентное право» в субъективном и объективном смыслах. Изучается вопрос о самостоятельной либо комплексной природе конкурентного права. Приводятся основные позиции исследователей по данным вопросам. Автором также рассматривается соотношение конкурентного и административного права, влияние последнего на развитие конкурентных правоотношений. Представлена характеристика горизонтальных и вертикальных конкурентных правоотношений, а также определен метод их правового регулирования. Сделан вывод о комплексной правовой природе конкурентного права.

Ключевые слова: конкурентное право; административное право; антимонопольное законодательство; конкурентные правоотношения.

V. A. Demina

THE LEGAL NATURE OF COMPETITION LAW AND THE IMPACT OF ADMINISTRATIVE LAW ON ITS DEVELOPMENT

The article is devoted to the study of the legal nature of competition law, the establishment of its place in the modern domestic legal system. The definition of the concept of «competition law» in subjective and objective senses is given. The question of the independent or complex nature of competition law is being studied. The main positions of researchers on these issues are given. The author also examines the correlation of competition and administrative law, the influence of the latter on the development of competitive legal relations. The characteristics of horizontal and vertical competitive legal relations are presented, as well as the method of their legal regulation is determined. The conclusion is made about the complex legal nature of competition law.

Keywords: competition law; administrative law; anti-monopoly legislation; competitive legal relations.

Характеризуя административно-правовые основы поддержки конкуренции в России невозможно не осветить вопрос их соотношения с правовым явлением, именуемым конкурентным правом. Прежде всего необходимо определиться с содержанием используемых понятий.

Отметим, что в современной юридической науке выделяют конкурентное право в субъективном и объективном смыслах.

Под конкурентным правом в субъективном смысле (правом на конкуренцию) сообразно доминирующей в общей теории права точке зрения некоторые ученые понимают меру возможного поведения участника правоотношения. Причем, некоторые авторы, например, М. А. Сидельников, придают субъективному конкурентному праву конституционное значение [15, с. 143]. Конкурентное право в субъективном смысле выражается в трех аспектах: возможность совершения разрешенных законом действий; возможность предъявления обязанному лицу требования о совершении определенных действий либо требования о воздержании от их совершения; возможность требования защиты своего права компетентными государственными органами в случае его нарушения [Там же, с. 144].

Субъекта, реализующего право на конкуренцию, называют предпринимателем или хозяйствующим субъектом. Оба этих термина по своей сути равнозначны и обозначают лиц, профессионально осуществляющих приносящую доход деятельность, но, по нашему впечатлению, первый термин более распространен среди цивилистов, второй – среди юристов, чья деятельность более связана с публичным правом.

Очевидно, что целью такого субъекта является получение прибыли, что реализуется, по мнению С. А. Паращука, посредством привлечения максимального уровня спроса за счет достигаемых таким предпринимателем преимуществ перед иными предпринимателями-конкурентами [11, с. 60–61]. И. В. Князева также акцентирует внимание на получении максимальной прибыли как на цель хозяйствующих субъектов, указывая, что она достигается получением доступа к ресурсам, увеличением доли рынка и влияния на него в целом [6, с. 47].

Таким образом, именно получение конкурентных преимуществ можно назвать основной направленностью действий лица, реализующего свое конкурентное право.

Следовательно, можно говорить о том, что субъект, реализующий с указанной целью свое субъективное конкурентное право, является стороной неких конкурентных отношений; совокупность же правовых норм, регулирующих таковые отношения, можно назвать конкурентным правом в объективном смысле.

Но что представляют собой конкурентные правоотношения по своей сути и, соответственно, как следует сущностно определять объективное конкурентное право? На этот вопрос в российской юридической науке нет однозначного ответа. Так, Г. П. Чернышов утверждает, что конкурентными отношениями являются общественные отношения по поводу защиты конкуренции, складывающиеся между государством, с одной стороны, и вступающими в конкурентную борьбу между собой участниками экономических отношений, с другой стороны. Данный автор конкретизирует виды конкурентных отношений, выделяя отношения по запрету монополистической деятельности, запрету недобросовестной конкуренции, контролю экономической концентрации, распоряжению государственным и муниципальным имуществом, выявлению нарушений антимонопольного законодательства и отношения по привлечению к ответственности за таковые правонарушения. Г. П. Чернышов, фактически характеризуя такие отношения как абсолютно определенные, указывает, что их со-

держание образуется исключительно правом государства требовать от иных (обязанных) субъектов не допускать нарушений установленных правил ведения конкурентной борьбы. Сама же конкурентная борьба, по его мнению, не свидетельствует о существовании между хозяйствующими субъектами особых, конкурентных отношений, и представляет собой лишь набор урегулированных иными отраслями права отношений. Вертикальные же отношения по поводу защиты конкуренции для участников конкурентной борьбы играют роль пределов осуществления прав [4, с. 9–12].

Называя такие отношения предметом конкурентного права и считая запрет, особенностью реализации которого выступает экономический анализ, доминирующим способом правового регулирования при общей диспозитивности метода, Г. П. Чернышов приходит к выводу, что конкурентное право в объективном смысле является системой юридических норм, обладающей признаками самостоятельной отрасли публичного права [Там же, с. 12–13].

С. А. Пузыревский также называет конкурентное право самостоятельной отраслью, хотя и направленной на осуществление основных принципов гражданского права путем ограничения поведения участников рыночных отношений – хозяйствующих субъектов. Их предметом он считает отношения как по защите, так и по развитию конкуренции, объединяя их в три группы: по пресечению актов, действий и соглашений, приводящих к нарушению, ограничению, недопущению или устранению конкуренции; по предупреждению ограничения, недопущения или устранения конкуренции; процедурно-процессуальные отношения по предупреждению и пресечению нарушений антимонопольного законодательства. Метод же конкурентного права С. А. Пузыревский характеризует как императивно-диспозитивный [14, с. 23–27].

Аналогичной позиции о правовой природе конкурентных правоотношениях как публичных придерживается В. Ф. Попондопуло, отмечая, что регулирующие их нормы ограничивают свободу предпринимательской деятельности для обеспечения конкуренции как общего блага [8].

А. С. Сухоруков также разделяет позицию о самостоятельности конкурентного права [16, с. 207].

К аналогичным выводам о самостоятельности объективного конкурентного права как отрасли российского права приходят и Л. Н. Томилова с А. В. Корниенко. Однако приводимое ими обоснование отличается от того, которое дают иные ученые. Так, Л. Н. Томилова и А. В. Корниенко выделяют как вертикальные – властные – конкурентные отношения между государством и хозяйствующими субъектами, так и горизонтальные, складывающиеся между самими хозяйствующими субъектами. Предметом конкурентного права они называют модель правомерного поведения субъектов общественных отношений в сфере защиты конкуренции, методом – публично-правовую меру юридически дозволенного поведения конкурентов и уполномоченных на предотвращение и предупреждение нарушений в области конкуренции государственных органов [17, с. 172–177].

Однако имеются и отличные от изложенной точки зрения, которые базируются прежде всего на ином понимании предмета конкурентного права. Так, Р. Ш. Аблямитов считает подход о самостоятельности конкурентного права односторонним. По его мнению, регулируемые объективным конкурентным правом отношения складываются по поводу или в ходе осуществления, развития и защиты конкуренции, к которым, наряду с публичными, относятся и горизонтальные отношения, гражданско-правовые отношения между хозяйствующими субъектами [1, с. 1683]. Отмечая двойственную правовую природу конкурентных отношений Р. Ш. Аблямитов приходит к выводу о комплексности конкурентного права, соединяющего в себе нормы различных отраслей права (по большей части – гражданского) и не отвечающего признакам самостоятельной отрасли, в том числе не обладающего собственным методом правового регулирования [Там же, с. 1686].

С. А. Паращук также указывает, что общественные отношения в сфере конкуренции и монополии регулируются и нормами частного, и нормами публичного права, образующими комплексную сферу правового регулирования [12, с. 97–111]. Данной позиции придерживаются также О. В. Буткевич, Э. Д. Плотникова [2, с. 4].

К. Ю. Тотьев считает, конкурентное право включает в себя и частноправовые, и публично-правовые нормы. По его мнению, конкурентное право регулирует две группы отношений (в сферах монополии и конкуренции), среди которых можно выделить и вертикальные, и горизонтальные отношения, обязательным субъектом которых является предприниматель. Урегулированы же эти отношения, согласно точке зрения К. Ю. Тотьева, прежде всего диспозитивным методом, сочетающимся с императивным методом субординации [18, с. 73–77].

С. Е. Юрков, выделяя в предмете конкурентного права отношения по деятельности хозяйствующих субъектов-конкурентов на соответствующем товарном рынке и их взаимодействию и называя координацию доминирующим методом правового регулирования, при котором конкуренты наделяются правом самостоятельно определять свою конкурентную политику, также приходит к выводу о комплексной правовой природе объективного конкурентного права [21, с. 106–108].

Имеются в юридической науке и иные точки зрения на природу объективного конкурентного права. Так, В. И. Еременко отстаивает позицию о том, что конкурентное право является подотраслью гражданского права, регулируя две большие группы отношений: по защите от недобросовестной конкуренции и по защите от монополистической деятельности [5, с. 9, 21].

М. Ю. Козлова считает конкурентное право институтом предпринимательского права, понимая под предпринимательским правом подотрасль гражданского права. Данный автор обосновывает свою позицию проведенным ею анализом предмета конкурентного права: соглашаясь с Г. П. Чернышевым, она указывает, что конкурентных отношений, которые выделяются многими авторами как самостоятельные, не существует как таковых – по своей сути это в чистом виде имущественные отношения, в которые вступают конкуренты в про-

цессе обычной хозяйственной деятельности, имеющие перед собой цель не участвовать в конкурентном соперничестве, а извлечь прибыль. Она отмечает, что конкуренция выступает лишь объективным условием предпринимательства. Субъективное конкурентное право, по ее мнению, тоже не образует самостоятельную категорию, а представляет собой комплекс субъективных гражданских прав – права на занятие предпринимательством, участие в обязательствах, совершение сделок и пр. При этом эти гражданские права имеют установленные государством пределы в форме запрета на совершение нарушающих конкуренцию действий [7, с. 128–130].

Е. П. Черновол также считает конкурентное право предметно-функциональной подотраслью гражданского права, являющейся составной частью предпринимательского права [19, с. 29]. Аналогичной позиции придерживаются также Т. И. Шайхеев и А. А. Гончаров [3, с. 5–6], обращающие внимание на то, что предмет предпринимательского права охватывается гражданским правом, а предмет конкурентного права – есть часть предмета предпринимательского права, ограниченного особым субъектным составом (хозяйствующими субъектами, наделенными в том числе публичными обязанностями не нарушать правила конкурентной борьбы), в который нецелесообразно включать органы государственной власти [20, с. 19–22].

Интересна точка зрения М. В. Новикова, определяющего конкурентное право как комплексную подотрасль гражданского права. По его мнению, предмет конкурентного права есть предпринимательские отношения по своей природе, которые в силу ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации являются гражданскими правоотношениями. Однако он обращает внимание на особенность метода их регулирования, считая его преимущественно диспозитивно-императивным и указывая на его межотраслевой характер. Автор пишет, что такая особенность метода «исключает возможность строгого определения конкурентного права как подотрасли гражданского права, а само наличие особых метода и предмета регулирования свидетельствует о несоответствии конкурентного права признакам таких структурных элементов гражданского права, как институт и субинститут» [10, с. 49–50].

Не разделяет позицию о самостоятельности конкурентного права как отрасли и Н. И. Клейн, отмечая при этом обособление актов конкурентного законодательства, свидетельствующее о появлении отдельной отрасли законодательства [9, с. 9].

В этой связи примечательна позиция Конституционного Суда Российской Федерации, выраженная в постановлении от 24 июня 2009 г. № 11-П, в котором суд характеризует защиту конкуренции как частноправовой институт, посредством которого осуществляются свобода экономической деятельности и право собственности [13].

Таким образом, вопрос о самостоятельности конкурентного права, а также влияния на него административного права остается весьма дискуссионным в современной российской юридической науке. И решается он, как следует из приведенных позиций, в зависимости от установления признаков самостоя-

тельности отрасли права, под которыми в классической науке принято понимать самостоятельные предмет и метод правового регулирования.

Обоснованной представляется точка зрения М. Ю. Козловой и Г. П. Чернышева о горизонтальных конкурентных отношениях, которые по своей сути оказываются гражданскими правоотношениями между хозяйствующими субъектами. Регулируя такие отношения, государство устанавливает пределы осуществления субъективных прав, закрепляя в нормах конкурентного законодательства и подзаконных актов правила ведения конкурентной борьбы.

Однако нельзя отрицать и наличие массива вертикальных отношений между хозяйствующими субъектами и государством. Часть этих вертикальных правоотношений возникает при нарушении хозяйствующими субъектами вышеуказанных пределов осуществления субъективных гражданских прав, в частности это и процессуальные отношения по поводу ведения дел о нарушении антимонопольного законодательства, и отношения по поводу привлечения к административной ответственности в порядке, урегулированном Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, и отношения по поводу применения специфических публично-правовых мер ответственности наподобие включения в реестры недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей) в соответствии с федеральными законами «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» и «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц». Другая часть таких вертикальных отношений не носит такого охранительного характера, являясь в чистом виде регулятивными, например, отношения по поводу предоставления государственных и муниципальных преференций.

По нашему мнению, такие вертикальные отношения не являются чем-то радикально отличным от административно-правовых отношений и подвержены соответствующему административно-правовому методу правового регулирования, основанному преимущественно на обяызывании и императивности.

Указанное приводит автора настоящей работы к выводу о комплексной правовой природе конкурентного права как совокупности правовых норм, регулирующих частноправовыми методами горизонтальные отношения между хозяйствующими субъектами путем установления пределов осуществления их гражданских прав, а также регулирующих административно-правовыми методами вертикальные регулятивные и охранительные отношения между государством и хозяйствующими субъектами.

Список использованной литературы

1. Аблямитов Р. Ш. Конкурентное право: проблемы понимания и юридическая природа / Р. Ш. Аблямитов // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 8 (45). – С. 1681–1688.

2. Буткевич О. В. Актуальные вопросы развития и определения отраслевой самостоятельности конкурентного права / О. В. Буткевич, Э. Д. Плотникова // Научный вестник Крыма. – 2019. – № 4 (22). – С. 11.

3. Гончаров А. А. К вопросу о месте конкурентного права в системе права РФ / А. А. Гончаров // Киберюрист. – 2019. – № 12 (1). – С. 11–16.
4. Егорова М. А. Конкурентное право : учебник / М. А. Егорова [и др.]; под общ. ред. М. А. Егоровой, А. Ю. Кинева. – Москва : Юстицинформ, 2018. – 321 с.
5. Еременко В. И. Правовое регулирование конкурентных отношений в России и за рубежом : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / В. И. Еременко. – Москва, 2001. – 28 с.
6. Князева И. В. Антимонопольная политика в России / И. В. Князева. – Москва : Омега-Л, 2011. – 505 с.
7. Козлова М. Ю. О содержании понятия «конкурентное право» / М. Ю. Козлова // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5: Юриспруденция. – 2012. – № 2 (17). – С. 127–131.
8. Комментарий к Федеральному закону «О защите конкуренции» (постатейный) / под ред. В. Ф. Попондопуло, Д. А. Петрова // СПС «Консультант-Плюс».
9. Конкурентное право Российской Федерации : учебник / под ред. Н. И. Клейн, Н. Е. Фонаревой. – Москва : Логос, 1999. – 431 с.
10. Новиков М. В. Конкурентное право в системе гражданского права / М. В. Новиков // Право. Законодательство. Личность. – 2016. – № 2 (23). – С. 48–52.
11. Паращук С. А. Конкурентное право: правовое регулирование конкуренции и монополии / С. А. Паращук. – Москва : Городец-издат, 2002. – 413 с.
12. Паращук С. А. О конкурентном праве России / С. А. Паращук // Право и бизнес в условиях экономического кризиса: опыт России и Германии : сб. ст. – Москва : Юрист, 2010. – С. 97–111.
13. По делу о проверке конституционности положений пунктов 2 и 4 статьи 12, статей 22.1 и 23.1 Закона РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» и статей 23, 37 и 51 Федерального закона «О защите конкуренции» в связи с жалобами ОАО «Газэнерго-сеть» и ОАО «Нижекамскнефтехим» : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 июня 2009 г. № 11-П // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 8. – Ст. 3581.
14. Пузыревский С. А. Некоторые аспекты определения отраслевой самостоятельности конкурентного права / С. А. Пузыревский // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2017. – 9 (37). – С. 15–28.
15. Сидельников М. А. Содержание конституционного права на конкуренцию / М. А. Сидельников // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 7-2 (21). – С. 143–146.
16. Сухоруков А. С. Антимонопольное и конкурентное право в российской и немецкой правовых системах / А. С. Сухоруков // Российский юридический журнал. – 2010. – № 1 (70). – С. 206–208.

17. Томилова Л. Н. Конкурентное право – отрасль будущего / Л. Н. Томилова, А. В. Корниенко // Власть закона. – 2021. – № 1 (45). – С. 167–179.

18. Тотьев К. Ю. Конкурентное право (правовое регулирование конкуренции) : учебник / К. Ю. Тотьев. – Москва : Изд-во РДЛ, 2000. – 352 с.

19. Чорновол Е. П. Понятие и юридическая природа конкурентного права / Е. П. Чорновол // Актуальные проблемы частного права: межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 4. – Екатеринбург : Изд-во Уральской академии государственной службы, 2010. – С. 29.

20. Шайхеев Т. И. О некоторых категориях конкурентного (антимонопольного) права / Т. И. Шайхеев // Современная конкуренция. – 2012. – № 3 (33). – С. 15–24.

21. Юрков С. Е. Понятие, содержание и задачи конкурентного права / С. Е. Юрков, Е. В. Шведчикова // Актуальные проблемы российского права и законодательства : сб. материалов XIII Всерос. науч.-практ. конф. – Красноярск : Изд-во Сибирского института бизнеса, управления и психологии, 2020. – С. 106–108.

Информация об авторе

Демина Валентина Александровна – магистрант, кафедра конституционного и административного права, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: demina-valya99@mail.ru.

Author

Demina Valentina Aleksandrovna – Undergraduate Student, the Chair of Constitutional and Administrative Law, Baikal State University, 11 Lenin st., Irkutsk, 664003, e-mail: demina-valya99@mail.ru.

ТАКТИКА ПОЛУЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ, НЕОБХОДИМОЙ В ОПЕРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются тактические приемы действий сотрудников полиции при осуществлении мероприятий по опросу граждан с целью сбора оперативной информации, необходимой для своевременного и качественного разбирательства по административным и уголовным делам с последующим планированием профилактических мероприятий. Сделан вывод о том, что без применения специальных знаний и приемов работы с гражданами эффективность деятельности по получению сотрудниками полиции необходимой информации невысока.

Ключевые слова: опрос граждан; сотрудники полиции; наружные службы; охрана общественного порядка; оказание помощи; первоначальные неотложные действия; профилактика.

TACTICS OF OBTAINING INFORMATION BY POLICE OFFICERS REQUIRED IN OPERATIONAL ACTIVITIES

The article considers tactical techniques for the actions of police officers when carrying out measures to interview citizens in order to collect operational information necessary for timely and high-quality proceedings in administrative and criminal cases with the subsequent planning of preventive measures. It was concluded that without the use of special knowledge and techniques for working with citizens, the effectiveness of work on obtaining information by police officers required in operational activities is low.

Keywords: citizens' survey; police officers; external services; public order protection; assistance; initial urgent actions; prevention.

В деле борьбы с преступностью, предупреждения и профилактики преступлений и иных правонарушений органы внутренних дел занимают особое, центральное место, что предопределяется их предназначением и возможностями. На них возложена обязанность прямого и непосредственного противодействия преступности. Для этого органам внутренних дел предоставлены соответствующие полномочия, их сотрудники получают профессиональную подготовку для решения задач предупреждения и раскрытия преступлений. В распоряжении органов внутренних дел имеются разнообразные средства и методы противодействия преступности, соответствующая материально-техническая база.

Они обладают наиболее полной информацией о преступности, лицах, от которых можно ожидать совершения преступлений. В соответствии со своей компетенцией органы внутренних дел способны целенаправленно и позитивно воздействовать на значительную часть причин и условий преступности. В настоящей статье рассмотрим деятельность сотрудников полиции, осуществляющих профилактические мероприятия среди населения путем проведения бесед и различного вида опросов [1, с. 43].

В ходе рассмотрения административных дел и расследования уголовных преступлений часто возникает необходимость в получении информации, которой обладают граждане и которая может иметь важное значение для работы сотрудников правоохранительных органов.

С этой целью может быть использовано такое средство, как опрос граждан, который выступает как достаточно эффективное и часто используемое средство получения информации.

Под опросом граждан принято понимать осуществляемую с гражданами, располагающими информацией, имеющей оперативное значение, беседу сотрудниками правоохранительных органов для ее истребования. Данное мероприятие не относится к числу процессуальных действий и не выступает в качестве доказательства по делу [5, с. 122].

Выделяется несколько видов опроса:

1. Гласный опрос. Используется случаях, когда нет необходимости скрывать от собеседника и окружающих его лиц факт опроса и сущность интересующих сотрудника полиции сведений. Данный вид опроса применяется, например, на месте происшествия, при розыске и преследовании преступников по горячим следам. В первую очередь сосредоточивается внимание на получении данных, позволяющих приступить к преследованию преступников: их приметы лица, пути возможного отхода и т. п. [4, с. 203].

2. Негласный опрос. При таком опросе применяются такие тактические приемы, которые исключают разглашение перед непосвященными лицами как самого факта опроса, так и его содержания. Опрашиваемое лицо следует предупредить о неразглашении факта опроса и его содержания.

3. Зашифрованный опрос. Характеризуется тактическими приемами, которые исключают осведомленность опрашиваемого лица об истинной цели беседы. Сотрудник полиции не проявляет открытого интереса к проверяемому лицу, а ставит вопросы таким образом, что опрашиваемый, сам того не замечая, рассказывает об интересующих сотрудника полиции событиях и фактах. При таком опросе нет необходимости предупреждать о неразглашении факта беседы [3, с. 60].

В качестве опрашиваемых могут выступать любые граждане, но сотруднику ОВД следует избирательно подходить к лицам, подвергающимся опросу и применять данную меру только к тем, кто действительно имеет важную информацию, представляющую оперативное значение.

К числу тактических особенностей проведения опроса следует отнести:

- выбор лица, располагающего оперативной информацией;
- тщательную подготовку к данному действию;

- обоснованный выбор тактических приемов проведения опроса и тщательное его планирование;
- выполнение требований закона.

Следует отметить, что обозначенные тактические требования не всегда возможно реализовать, это зависит от лимитов времени, в которых действуют сотрудники. Указанное чаще встречается и преобладает у полицейского патрульно-постовой службы полиции, потому что необходимость в опросе граждан исходит из факта пребывания полицейских на месте происшествия во время несения службы на определенном посту или маршруте. В этом случае его действия, т. е. опрос граждан, составляют часть мероприятий, связанных с раскрытием преступлений по горячим следам.

Зачастую сотрудник полиции перед проведением данного мероприятия не располагает информацией о лицах, которые выступают носителями сведений оперативного значения, поэтому в число первых опрашиваемых попадают потерпевшие и очевидцы совершенного деяния. Поскольку данная категория граждан присутствует при осмотре места происшествия и может дать информацию, имеющую решающее значение для скорейшего раскрытия и расследования [6, с. 131].

Кроме того, в рамках осмотра места происшествия осуществляется поиск и опрос лиц, которые могли быть поблизости и также располагают сведениями оперативного значения, к их числу можно отнести соседей, работников ЖЭК, работников киосков и т. д.

В рамках производства такого опроса сотруднику полиции следует:

- дать оценку складывающейся ситуации и полученной информации с целью использования ее для поиска и преследования подозреваемого лица;
- реализовать действия, направленные на устранение возможности уничтожения или сокрытия следов преступного деяния, орудия и т. д.

В рамках производства опроса сотрудник полиции устанавливает требуемые контакты и опрашивает лица, в отношении которых у него нет оснований полагать, что они сообщат заведомо ложную информацию либо поставят в известность заинтересованных в сокрытии следов преступлений лиц о проявленном к ним со стороны органов полиции интересе.

Обязательным условием качественного проведения опроса выступает предотвращение разглашения информации, полученной в ходе опроса. С этой целью производство опроса может осуществляться в отдельном помещении либо в месте отсутствия посторонних лиц. Также при проведении опросов важно наблюдать за ситуацией на месте происшествия с целью выявления лиц, заинтересованных в процессе расследования, либо пытающихся внести изменения в обстановку происшествия. Данная категория граждан может выступать как в роли лиц, причастных к преступному деянию, так и быть осведомленными относительно отдельных обстоятельств произошедшего [2, с. 69].

Процесс производства опроса граждан необходимо выполнять, исключая в последствии возможность мести или оказания давления на опрашиваемое лицо со стороны причастных к преступлению лиц.

К этапам производства опроса следует отнести следующие:

- постановка задачи перед лицом, которое подлежит опросу;
- формирование доверительных отношений между опрашиваемым и сотрудником и побуждение лица к даче информации;
- уточнение обстоятельств, имеющих важное значение для дела;
- использование приемов, способствующих получению информации, разоблачающих лживые сведения при необходимости.

В конце беседы следует сделать вывод и закончить разговор тактично, упомянув о важности полученных от лица сведений.

Опираясь на сказанное, можно сказать, что своевременно и профессионально собранная информация сотрудниками полиции способствует быстрому и менее затратному раскрытию административных и уголовных правонарушений, а также выработке эффективных профилактических мероприятий.

Список использованной литературы

1. Ваньков А. В. Применение сотрудниками полиции некоторых мер принуждения: сравнительный анализ законодательства Российской Федерации и стран ближнего зарубежья / А. В. Ваньков // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. – 2021. – № 4 (14). – С. 42–48.
2. Егоров В. Ю. Особенности применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия для защиты от посягательства на жизнь или здоровье граждан или себя / В. Ю. Егоров, Д. В. Ковалев // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. – 2019. – № 3 (3). – С. 66–70.
3. Желтобрюх П. А. Роль судебно-бухгалтерской экспертизы в раскрытии экономических преступлений / П. А. Желтобрюх // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. – 2021. – № 3 (13). – С. 58–62.
4. Каримов А. А. О вопросе повышения уровня психологической устойчивости сотрудников ОВД / А. А. Каримов // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. – 2021. – № 3 (13). – С. 200–203.
5. Сошин А. А. О некоторых мерах личной безопасности сотрудников правоохранительных органов, противодействующих деятельности лиц, занимающихся распространением наркотических средств и психотропных веществ / А. А. Сошин, В. И. Васильев // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. – 2021. – № 3 (13). – С. 119–123.
6. Сысоев А. А. Уголовный сыск с использованием научно-технических методов в деятельности полиции Восточной Сибири / А. А. Сысоев // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. – 2020. – № 2 (5). – С. 131–135.

Информация об авторах

Желтобрюх Александр Васильевич – подполковник полиции, преподаватель, кафедра тактико-специальной подготовки, Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110, e-mail: jeltobruh.av@yandex.ru.

Сошин Алексей Александрович – подполковник полиции, старший преподаватель, кафедра тактико-специальной подготовки, Восточно-Сибирский ин-

ститут Министерства внутренних дел Российской Федерации, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110, e-mail: soshin1974@gmail.com.

Authors

Zheltobryukh Alexander Vasilyevich – Police Lieutenant Colonel, Lecturer, Department of Tactical and Special Training, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 110 Lermontov st., Irkutsk, 664074, e-mail: jeltobruh.av@yandex.ru.

Soshin Alexey Alexandrovich – Police Lieutenant Colonel, Senior Lecturer, Department of Tactical and Special Training, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 110 Lermontov st., Irkutsk, 664074, e-mail: soshin1974@gmail.com.

РОЛЬ ПРЕПОДАВАНИЯ ПРЕДМЕТА «ИСТОРИЯ» В ГРАЖДАНСКОМ И ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ СТУДЕНТОВ

В статье обосновывается необходимость углубленного изучения предмета «История» студентами вузов. Показано, что изучение этого предмета позволяет студентам получить верные научные представления об основных тенденциях развития российского государства как в прошлом, так и в настоящем, сформировать активную гражданскую позицию и критическое мышление к публикациям фальсификаторов истории, помогает воспитывать патриотизм. Автор убедительно доказывает, почему углубленное изучение истории необходимо всем российским студентам и дает рекомендации, на какие аспекты преподавателям следует обратить особое внимание. Сделан вывод о необходимости увеличения количества часов для изучения истории, особенно для негуманитарных направлений подготовки. Кроме того, автор предлагает ввести предмет «Всемирная история», а также обязательный спецкурс «История Великой Отечественной войны».

Ключевые слова: история; историческая наука; патриотическое воспитание; гражданская позиция; фальсификация.

V. V. Ivanov

THE ROLE OF «HISTORY» SUBJECT TEACHING IN CIVIC AND PATRIOTIC EDUCATION OF STUDENTS

The article substantiates the need for in-depth study of the subject «History» by university students. It is shown that the study of this subject allows students to get correct scientific ideas about the main trends in the development of the Russian state both in the past and in the present, to form an active civic position and critical thinking towards the publications of falsifiers of history, helps to foster patriotism. The author convincingly proves why an in-depth study of history is necessary for all Russian students and gives recommendations on which aspects teachers should pay special attention to. It is concluded that it is necessary to increase the number of hours for studying history, especially for non-humanitarian areas of training. In addition, the author proposes to introduce the subject «World History», as well as a mandatory special course «History of the Great Patriotic War».

Keywords: history; historical science; patriotic education; civic position; falsification.

Для того чтобы выпускник школы, а также дипломированный специалист любого вуза стал полноценным гражданином своей страны, он должен усвоить

ценности, по которым живет его государство. И одним из способов усвоения этих ценностей является изучение прошлого через предмет «История».

К сожалению, в наше время очень популярной становится точка зрения, что гуманитарные дисциплины не нужны специалистам негуманитарного профиля. Однако на самом деле эта позиция является глубоким заблуждением. Высшее образование не следует рассматривать только лишь как набор приобретенных знаний по определенной профессии. Получая знания, человек должен расширять свой кругозор, формировать мировоззрение, позицию по тем или иным вопросам прошлого, настоящего и будущего, а также усваивать гуманистические ценности, по которым живем современное человечество. И особенно эта проблема во многом касается учащихся технических специальностей колледжей и вузов.

Курс «История» необходим студентам вузов для того, чтобы они получили полные и всесторонние знания о своей стране, в которой они живут. Изучение этого предмета дает студентам представление об основных тенденциях российского исторического процесса, помогает усвоить все основные исторические события, показывает современное состояние России, ее роль и место в мире, а также перспективы дальнейшего развития. Усвоение основных знаний об истории своего Отечества помогает студенту сформировать гражданскую позицию как по ключевым событиям прошлого, так и по тенденциям развития в настоящем времени. И, разумеется, через познание героического прошлого нашей истории студент приобщается к исторической правде, к ценностям гуманизма. Через освоение этого предмета усваиваются основные духовно-нравственные ценности, традиции, обычаи, российского народа, воспитывается патриотизм, чувство долга перед Отечеством, формируется историческая память.

Именно патриотическое и духовно-нравственное воспитание является одним из приоритетов современной государственной политики России. Так, в указе Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 2 июля 2021 г. № 400 отмечено, что Российская Федерация «рассматривает свои базовые, формировавшиеся на протяжении столетий отечественной истории духовно-нравственные и культурно-исторические ценности, нормы морали и нравственности в качестве основы российского общества, которая позволяет сохранять и укреплять суверенитет Российской Федерации. К традиционным российским духовно-нравственным ценностям относятся, прежде всего, жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу». Стратегия национальной безопасности РФ также отмечает необходимость «реализации государственно-информационной политики, направленной на усиление в массовом сознании роли традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, неприятие гражданами навязываемых извне деструктивных идей, стереотипов и моделей поведения». Все это еще раз подчеркивает необходимость усиления значения преподавания истории во всех образовательных учреждениях, ведь патриотизм воспитывается в первую очередь через нее.

Стоит также отметить, что в последние 30 лет усилились попытки очернить и опорочить российскую историю как со стороны дилетантов публицистов, так и со стороны недобросовестных историков. Участились случаи публикаций в периодической печати откровенно абсурдных исторических фальсификаций, направленных на создание негативного образа Российского государства в прошлом, а также с целью пропаганды деструктивных экстремистских идеологий. Так, по сети Интернет постоянно распространяется так называемая «Велесова книга» с комментариями псевдоисториков, авторы которой пытаются идеализировать языческую Русь и стараются поставить под сомнение необходимость принятия христианства. Подобная книга, по мнению ряда исследователей, является фальшивкой [1]. Тем не менее она пользуется большой популярностью среди людей мало знакомых с профессиональной исторической наукой.

Другой пример, в середине 1990-х гг. математики Г. В. Носовский и А. Т. Фоменко создали концепцию так называемой «Новой хронологии», согласно которой выдвигалась гипотеза о том, что большая часть русской истории была сфальсифицирована. Авторы утверждали, что Золотоордынское иго не существовало, а Русь и Золотая Орда – одно и то же государство. Также авторы «Новой хронологии» считают, что многие персонажи русской истории выдуманы, например, Ивана Грозного не существовало, вместо него государством правили четыре царя. Подобная абсурдная концепция опровергается профессиональными историками [4]. Однако зачастую теории А. Т. Фоменко и Г. В. Носовского принимаются за правду несведущими в истории обывателями.

Но наибольшим атакам со стороны недобросовестных историков и публицистов подвергается история Великой Отечественной войны. Цель фальсификаторов – опорочить наше героическое прошлое. Так, не только в СМИ, но и в околонучной среде чрезвычайной популярностью пользуются труды псевдоисторика, бывшего английского разведчика В. Резуна, публикующего свои труды под псевдонимом Виктор Суворов. Согласно концепции В. Резуна, СССР накануне начала Великой Отечественной войны активно готовил нападение на нацистскую Германию, и Гитлер своим нападением 22 июня 1941 г. фактически нанес по нашей стране превентивный удар. Автор пытается доказать, что Великая Отечественная война была не освободительной, а захватнической. Крупнейшие историки, специализирующиеся на тематике Великой Отечественной войны, научно-обоснованно опровергают эту теорию. В частности, М. И. Мельтюхов отмечает, что работы Суворова «написаны в жанре исторической публицистики и представляют собой некий «слоеный пирог», когда правда мешается с полуправдой и ложью. Концепцию Суворова в полном виде «не поддерживает, пожалуй, никто из серьезных исследователей» [3, с. 596]. Тем не менее книги Суворова-Резуна пользуются большой популярностью у молодежи.

Псевдоисторические и околоисторические публикации подобного рода отравляют неокрепшее сознание молодого поколения. Как отметил исследователь А. Н. Лушин, «фальсификация истории пагубно воздействует на историческую память, способствует ее утрате или искажению» [2, с. 24].

Интернет-технологии только расширили возможности фейковой интерпретации нашей истории и современности, в том числе российской специальной военной операции на Украине. Буквально свежий пример. Министерство юстиции РФ 1 апреля 2022 г. внесло восемь человек в «Реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента», среди которых журналисты, психолог и, самое неприятное, историк Е. Н. Понасенков [5].

Стратегия национальной безопасности РФ подчеркивает необходимость защиты российского общества от внешней идейно-ценностной экспансии и внешнего деструктивного информационно-психологического воздействия. К сожалению, фрагментарное знание отечественной истории создает благоприятную почву для фальсификаторов, ведь несведущими, плохо образованными людьми легче манипулировать, их легче ввести в заблуждение и заставить поверить в любой абсурд. Поэтому для того, чтобы уберечь студентов от манипуляций фальсификаторов, необходимо углубленное изучение предмета «История», поскольку знания по этому предмету развивают критическое мышление студентов и помогают защитить их от влияния деструктивной пропаганды псевдоисториков.

Курс истории, который дается студентам вуза затрагивает круг вопросов, которые освещает и школьная программа, однако вузовский курс истории идет уже на более глубоком качественном уровне, который даст возможность углубить анализ российского исторического процесса и закрепить полученные знания.

Предмет «История» представляет особую важность для студентов-аграриев, потому что Россия до середины XX в. была аграрной страной. Поэтому без преувеличений историю нашей страны можно назвать по большей части историей жизни крестьянства. История российского крестьянства и развития сельского хозяйства была очень драматичной, а подчас и трагичной. Поэтому преподаватель в ходе проведения занятий со студентами должен сделать акцент на положении крестьянства. В ходе учебного курса необходимо подробно и углубленно освещать такие вопросы, как положение крестьянства в древнерусском государстве, формирование феодально-крепостнических отношений и другие темы аграрного вопроса в российском обществе.

Преподаватель должен подробно и скрупулезно осветить переломные моменты российской аграрной истории. В частности, необходимо подробно и описать процесс освобождения крестьян от крепостной зависимости, рассказать о всех плюсах и минусах крестьянской реформы 1861 г. Необходимо подробно осветить проведение аграрной реформы П. А. Столыпина, а также драматичный и трагический процесс раскулачивания и коллективизации в начале 1930-х гг. В конце курса преподаватель должен рассказать о том, как сказались реформы 1990-х гг. на развитии аграрного сектора и по какой причине они вызвали его глубокий кризис. Следует также подробно осветить современное состояние аграрной сферы РФ, ее роль в импортозамещении, подчеркнуть роль сельского хозяйства в обеспечении продовольственной безопасности нашей страны.

Поскольку история России неотъемлемая часть мирового исторического процесса, на наш взгляд, необходимо ввести курс «Всемирная история», чтобы

обогащать кругозор учащихся сведениями о развитии человечества в прошлом и настоящем. Кроме того, история Великой Отечественной войны является одной из главных основ патриотического воспитания подрастающего поколения. Сведения, которые даются в ходе освоения курса по предмету «История» явно недостаточны. Поэтому нужно сделать историю Великой Отечественной войны отдельным спецкурсом для студентов всех направлений подготовки. Подробное изучения истории войны позволит закрепить знания о ней у студентов, а также будет защищать их от манипуляций фальсификаторов истории.

Предмет «История» относится к обязательным для изучения во всех вузах России. К сожалению, во многих вузах отводится слишком мало часов по предмету «История» для аудиторной работы со студентами (50–70 ч). Вузы самостоятельно устанавливают это количество часов. В большинстве случаев история преподается всего лишь в течении одного семестра, что для простого освоения предмета крайне недостаточно. За время освоения курса преподаватель не успевает углубленно разобрать все темы, в результате за пределами освещения остаются важнейшие этапы российской истории. Поэтому, по нашему мнению, так же, как установлено для всех вузов в федеральных государственных образовательных стандартах на предмет «Физическая культура» норма 400 ч, так необходимо на федеральном уровне закрепить минимальное количество часов на предмет «История». Или хотя бы самим вузам увеличить период изучения предмета до одного учебного года. Таким образом вузы смогут внести достойный вклад в реализацию Стратегии национальной безопасности Российской Федерации по гражданскому и патриотическому воспитанию студентов, т. е. в обеспечение национальной безопасности нашего Отечества.

Список использованной литературы

1. Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.): курс лекций : учебное пособие для студентов вузов / И. Н. Данилевский. – Москва : Аспект-Пресс, 1998. – 399 с.
2. Лушин А. Н. Фальсификация истории: теоретический подход к проблеме (на примере России) / А. Н. Лушин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2013. – № 23. – С. 21–25.
3. Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина: Союз и борьба за Европу: 1939–1941 (документы, факты, суждения) / М. И. Мельтюхов. – Москва : Вече, 2000. – 605 с.
4. Мифы «новой хронологии» : материалы конф. на историческом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова (21 декабря 1999 г.) / под ред. В. Л. Янина. – Москва : Русская панорама, 2001. – 296 с.
5. Реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента. – URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7755/> (дата обращения: 1.04.2022).

Информация об авторе

Иванов Вячеслав Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, социологии и истории, Иркутский государственный аг-

рарный университет имени А. А. Ежевского, 664038, Иркутская область,
пос. Молодежный, 1/1, e-mail: vyachivan@mail.ru.

Author

Ivanov Vyacheslav Vladimirovich – Ph.D. in History, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy, Sociology and History, Irkutsk State Agrarian University named after A. A. Ezhevsky, 1/1, Molodezhny settlement, Irkutsk region, 664038, e-mail: vyachivan@mail.ru.

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ВИДОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В рамках современных типологий рассмотрены некоторые виды национальной безопасности для эффективного анализа системы обеспечения безопасности Российской Федерации. Многообразие критериев выделения различных видов национальной безопасности является положительным фактором формирования эффективной системы противодействия актуальным угрозам, поскольку позволяет объемно рассмотреть взаимосвязь всех элементов системы теории национальной безопасности РФ. Приведен краткий анализ некоторых классификаций национальной безопасности в соответствии со значимыми критериями, представлены основные виды национальной безопасности в России на основании Стратегии национальной безопасности, а также мнения авторитетных ученых, исследовавших проблематику современной классификации национальной безопасности.

Ключевые слова: безопасность; виды национальной безопасности; государство; общество; угрозы национальной безопасности.

Е. S. Kachurova

ANALYSIS OF THE MODERN CLASSIFICATION OF TYPES OF NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Within the framework of modern typologies, some types of national security are considered for an effective analysis of the security system of the Russian Federation. The variety of criteria for distinguishing different types of national security is a positive factor in the formation of an effective system for countering modern threats, since it allows us to consider the relationship of all elements of the system of the theory of national security of the Russian Federation in detail. A brief analysis of some classifications of national security in accordance with significant criteria is given, the main types of national security in Russia are given on the basis of the National Security Strategy, as well as the opinions of authoritative scientists who have studied the problems of modern classification of national security.

Keywords: security; types of national security; state; society; threats to national security.

Изучение современной теории национальной безопасности предполагает рассмотрение всех аспектов системы обеспечения безопасности и учетом динамики ее угроз и прогнозов относительно новых видов детерминант, способных на эту систему влиять. Изменчивость и нестатичность самих факторов, так или иначе влияющих на общую систему обеспечения безопасности в России, порож-

дают научный и экспертный дискурс относительно как понятия, так и видовой классификации национальной безопасности, что положительно сказывается на развитии современной теории [3, с. 11].

Научная дискуссия ведется даже по самой дефиниции понятия «безопасность», которое может иметь дуальный смысл. Так, в широком формате – это национальная безопасность Российской Федерации, т. е. безопасность многонационального народа – носителя суверенитета и источника власти в России, а с другой, безопасность – это личная категория, подразумевающая обеспечение прав, свобод и законных интересов граждан, гарантии повышения качества жизни, развития человека, демократии, современной России, создании правового, социально ответственного государства, духовном возрождении страны.

Классификация национальной безопасности является условной и дискуссионной, служит основой для определения видов угроз и их корреляции, способствует формированию системы норм и механизмов противодействия актуальным и возможным угрозам, реагирование на изменения в системе безопасности, включая правовые инструменты и обеспечение их реализации. Поскольку само понятие национальной безопасности многомерно, критерии для классификации могут быть разными, однако все виды безопасности так или иначе взаимосвязаны между собой и находятся в определенном правовом поле, коррелирующим с условиями обеспечения различных видов национальной безопасности. Вопросами изучения видов национальной безопасности, разработкой классификаций занимались такие ученые, как А. А. Прохожев, М. Ю. Зеленков, Н. Г. Кутьин, С. С. Босхолов, С. В. Хмелевский, А. В. Шободоева и др.

В первую очередь необходимо выделить классификацию безопасности по масштабу угроз. Здесь безопасность может подразделяться на региональную, федеральную и глобальную, что, в свою очередь, зависит от видов угроз безопасности, их характера и природы происхождения. Так, объективные угрозы природного рода могут влиять на безопасность отдельного региона (пример – затопление Тулуна в Иркутской области в 2019 г.), так и глобальный масштаб (пандемия COVID-19).

Одним из наиболее популярных в современной теории критериев классификации можно считать характер угроз национальной безопасности. Согласно характеру угроз, выделяют безопасность: военную, энергетическую, финансовую, промышленную, продовольственную, транспортную, информационную, духовную, демографическую и др. [6, с. 33]. Легальные виды безопасности, впервые обозначенные в стратегии, утвержденной указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683, по аналогии разделяют безопасность на «государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности». Нужно понимать, что указанная типология не может быть окончательной и будет дополняться в соответствии с политическими, экономическими, социальными и иными изменениями, характерными для развития любого государства и геополитическими процессами. Стратегия национальной безопасности РФ 2021 г. также выделяет типологию безопасности, основываясь на характере и содержа-

нии внутренних и внешних угроз. В нормативно-правовых актах, регламентирующих обеспечение национальной безопасности, выделены также промышленная, демографическая, радиационная (Федеральный закон «О радиационной безопасности населения РФ»), продовольственная и другие виды безопасности. Обозначение новых видов безопасности в указанной классификации является процессом закономерным, обусловленным динамикой развития самого общества и его изменениями.

Как указывает А. А. Прохожев, необходимо классифицировать безопасность на основе существенных единых признаков, включающих в первую очередь объекты безопасности, характер угроз, сферы жизнедеятельности [4]. Так, в зависимости от объекта, интересы которого защищаются от внутренних и внешних угроз, можно выделить такие виды безопасности, как безопасность личности, общества, государства.

Практически применима классификация в зависимости от вида (общие или специальные) и уровня субъекта обеспечения безопасности.

Основной субъект обеспечения безопасности – государство, которое реализует функции в указанной области через органы законодательной, исполнительной и судебной власти. Законодательная власть принимает законы в сфере безопасности, обязательные для выполнения, исполнительная – направлена на контроль и исполнение законодательства в сфере безопасности, судебная власть реализует отправление правосудия в РФ [2, с. 35].

При этом сами граждане, как и гражданские институты, безусловно, также являются субъектами безопасности, принимая решения, реализуя избирательные права, проходя службу в армии, не оставаясь безразличными к проблемам безопасности на всех уровнях, включая бытовое поведение – забота о сохранении окружающей среды, минимизация виктимизации – путем ответственного и законопослушного поведения, соблюдения норм и правил безопасности в реальной жизни, создания безопасной среды [1, с. 18–21]. Безусловно, роль государственных органов первична в обеспечении национальной безопасности, но именно стремление к обеспечению безопасного правового социально-государства может стать идеей современного российского общества. Национальные приоритеты, а именно – сохранение самобытной культуры, традиций, суверенитета, самоидентичности народа и личной свободы, должны быть понятны и приняты обществом и наполниться содержанием благодаря правильным механизмам обеспечения национальной безопасности. Именно формирование правильного восприятия идей национальной безопасности, их защита и популяризация помогут выработать устойчивую позицию граждан по вопросам реализации мер на индивидуальном уровне. Именно информированность и восприятие гражданами информации о безопасности является ключевыми позициями в преодолении нигилизма и адаптационного социального кризиса, где роль и ответственность каждого обезличена и неочевидна. В ст. 2 Федерального закона «О безопасности» от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ указан основной принцип безопасности – принцип «взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов, других государ-

ственных органов с общественными объединениями, международными организациями и гражданами в целях обеспечения безопасности».

Основу системы обеспечения национальной безопасности РФ составляют силы, органы и средства, реализующие меры, направленные на обеспечение безопасности экономического, политического, военного, информационного и иного характера. Их полномочия, состав, принципы и порядок деятельности законодательно определены.

Национальная безопасность является сложным, многоуровневым понятием. Таким образом, обзор различных точек зрения относительно видовой характеристики и особенностей классификации позволяет судить об объединении различных видов национальной безопасности на основе следующих критериев: потребности личности, общества, государства или международного сообщества в обеспечении состояния защищенности от того или иного вида угроз в целях сохранения и развития соответствующих общественных отношений, благ и жизненно важных интересов.

Представляется, что рассмотренные, а также иные существующие в научной литературе теоретические положения относительно вопросов о критериях и вариантах классификации видов национальной безопасности заслуживают внимания и, несомненно, являются важными элементами доктринальной концепции национальной безопасности Российской Федерации [5]. Вместе с тем наибольший практический интерес вызывает видовая классификация национальной безопасности, основанная на установлении основных приоритетов, а также направлений обеспечения состояния защищенности наиболее важных интересов государства, общества, личности.

Опираясь на стратегические национальные приоритеты, среди видов национальной безопасности по содержанию можно выделить военную, государственную, общественную, экономическую, экологическую, информационную, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность в сфере здравоохранения, культуры и нравственности, продовольственную и техногенную безопасность.

При этом указанные виды не имеют определенной иерархии и взаимосвязаны между собой, а также связаны с уровнем той или иной угрозы: международный, федеральный или региональный масштаб, а система национальной безопасности не является замкнутой, в связи с чем перечень видов безопасности, как и сами угрозы, не является исчерпывающим и статичным.

Динамика изменений характеристик видов и угроз национальной безопасности является важным элементом теоретической концепции понимания самой теории национальной безопасности. Изученные теоретические взгляды на рассматриваемые вопросы позволяют судить о том, что классифицировать национальную безопасность можно по различным критериям, в частности, объекту обеспечения состояния защищенности, видам угроз национальной безопасности, а также с позиции имеющихся в государстве различных ресурсов и ценностей. К ним можно отнести государственную независимость, территориальную целостность, национальную экономику, национальную культуру, насе-

ление страны, информацию. Этим ресурсам и ценностям соответствуют и виды безопасности: политическая, экономическая, духовная, социальная, информационная и т. п. Каждый вид безопасности обладает своими специфическими чертами и признаками, относительной самостоятельностью.

При таком подходе система национальной безопасности России является открытой, поскольку априори допускает включение в нее иных подсистем (по предметным сферам), т. е. гипотетически возможных видов национальной безопасности.

Список использованной литературы

1. Босхолов С. С. Основы криминологической виктимологии / С. С. Босхолов, Е. С. Качурова: учеб. пособие. – Иркутск : ВГУЮ (РПА Минюста России), 2019. – 78 с.
2. Босхолов С. С. Национальная безопасность России: теоретико-правовой и прикладной аспекты / С. С. Босхолов. – Москва : Проспект, 2021. – 456 с.
3. Кутьин Н. Г. Безопасность: понятие, виды, определения / Н. Г. Кутьин // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2013. – № 1. – С. 10–16.
4. Прохожев А. А. Общая теория национальной безопасности: учебник / под общ. ред. А. А. Прохожева. – Москва : РАГС, 2005. – 344 с.
5. Рожкова А. К. Правовые вопросы выделения новых видов национальной безопасности / А. К. Рожкова, И. В. Кочеткова // Правоприменение. – 2020. – № 2. – С. 67–72.
6. Шободоева А. В. Теория национальной безопасности Российской Федерации : учебник. В 2 ч. Ч. 2 / А. В. Шободоева. – Иркутск : Изд-во БГУ, 2017. – 307 с.

Информация об авторе

Качурова Елизавета Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент, кафедра криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: Kachurova_ls@mail.ru.

Author

Kachurova Elizaveta Sergeevna – Ph.D. in Law, Associate Professor, Chair of Criminalistics, Judicial Examinations and Legal Psychology, Baikal State University, 11 Lenin st., Irkutsk, 664003, e-mail: Kachurova_ls@mail.ru.

ПАРАДИГМА РАЗВИТИЯ ПОРЯДКА ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ В ПОСТКОВИДНЫЙ КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПЕРИОД

В статье актуализируется проблема циклического развития конституционализма в России. Выделяются факторы, препятствующие преобразованию государства и общества, а также их движению в направлении цифровой трансформации в соответствии с конституционной формулой. Акцентируется внимание на постановке задач выработки дополнительных мер по предупреждению и нейтрализации угроз в сфере внутренней безопасности. Указывается на объективную необходимость смены модели мирового развития международных отношений и международного права в постковидный период на многополярную. Предлагается пересмотреть парадигму развития порядка формирования государственных органов в пользу национально-культурной. Установлено, что экосистемный подход особенно актуален в условиях цифровизации государственного управления в сфере организации и проведения выборов, в рамках которого считается возможным предусмотреть в экосистеме цифровой экономики четкие критерии и направления совершенствования как механизмов электронной демократии в целом, так и цифровизации избирательной системы в частности.

Ключевые слова: парадигма развития; порядок формирования; государственные органы; конституционный цикл; постковидный период.

N. V. Keshikova

THE PARADIGM OF THE DEVELOPMENT OF THE ORDER OF FORMATION GOVERNMENT AGENCIES IN THE POSTCOVID CONSTITUTIONAL PERIOD

The article actualizes the problem of cyclical development of constitutionalism in Russia. The factors hindering the transformation of the state and society, as well as their movement towards digital transformation in accordance with the constitutional formula, are highlighted. Attention is focused on setting the tasks of developing additional measures to prevent and neutralize threats in the field of internal security. It is pointed out that there is an objective need to change the model of the world development of international relations and international law in the post-crisis period to a multipolar one. It is proposed to revise the paradigm of the development of the order of formation of state bodies in favor of the national-cultural. It is established that the ecosystem approach is especially relevant in the context of digitalization of public administration in the field of organization and conduct of elections, within which it is considered possible to provide clear criteria and directions for improving both the

mechanisms of electronic democracy in general and the digitalization of the electoral system in particular within the ecosystem of the digital economy.

Keywords: the paradigm of development; the order of formation; state bodies; the constitutional cycle; the postcovid period.

Как известно, в основу эволюции конституционализма в России положена циклическая модель развития, которая предполагает смену одного за другим неких конституционных циклов [12]. При этом одни временные периоды сопровождаются переходом от старой конституции к новой, другие – связаны с трансформацией последней под влиянием политико-правовой действительности [11]. Конституционализм на современном этапе проходит в своем становлении последний из указанных периодов, что обусловлено конституционным реформированием под влиянием внесения поправок в Конституцию РФ. В этих условиях Россия нацелилась на преобразование и движение в направлении цифровой трансформации. Однако сложившиеся внешние и внутренние факторы, субъективные и объективные обстоятельства явно не способствуют ускоренному развитию, а ставят на первый план вопросы безопасности российского государства. Существует насущная жизненно важная для России необходимость продолжения борьбы с коронавирусной инфекцией, а также с усилением экономического кризиса, спровоцированного неправомерными санкциями со стороны недружественных государств и гибридной холодной войной (политической, дипломатической, экономической, информационной, биологической и пр.) в целом со стороны коллективного Запада. Чего только стоит принятое в Брюсселе в годовщину бомбежки в Югославии [18] на экстренном саммите НАТО решение о значительном увеличении военных расходов стран-членов альянса и о создании новых боевых групп на востоке, а также принятие на саммите Евросоюза впервые в истории ЕС Оборонной концепции. Вызывает опасение постановка вопроса о якобы готовящейся Россией провокации в киберпространстве, а также с использованием оружия массового уничтожения. По оценке экспертов, Запад, имеющий соответствующий опыт использования отравляющих и токсичных веществ в Первую мировую войну в 1930 г., во Вьетнаме, в Сирии, строит планы организации подобного рода провокации по отношению к России [6]. В подтверждение тому служит создание США целой сети биологических лабораторий в мире, нежелание уничтожать свои отравляющие вещества. В пору задать вопрос США, не собираются ли они оснастить террористов и неонацистов химоружием? Понятно, что наш вопрос останется риторическим. В этих обстоятельствах совершенно не случайной стала постановка задачи выработки дополнительных мер по предупреждению и нейтрализации угроз в сфере внутренней безопасности главой государства В. В. Путиным на совещании Совета Безопасности [4].

Как мы видим, постковидный мир уже не будет прежним. Государство и общество вынуждены адаптироваться к новой реальности [5]. В первую очередь трансформация затрагивает вопрос необходимости выбора в пользу новой модели мирового развития международных отношений и международного

права. В существующих планах «Великой перезагрузки» (2020) [22] и «Инклюзивного капитализма» (2020) [2; 20] завуалирована подлинная цель политической и финансовой элиты – мировая власть и сохранение однополярной парадигмы развития существующего миропорядка. Эти модели совершенно не новые, а представляют собой вариации старых моделей капитализма. Причем они преследуют каждая свои собственные цели, страдают недостатком критериев правильности и последствий их воплощения, а также реальных механизмов их реализации, так как это или запредельно дорого, или технологически неосуществимо [1]. Более того подобные попытки выступать в роли гегемона представляют серьезную угрозу глобальному и региональному миру и стабильности, подрывают устойчивость миропорядка [17]. Альтернативой моноцентричной модели становится разработанная в науке полицентричная модель развития мироустройства, определяющая место России в нем [15]. Подобная модель нашла свое отражение в современных международных правоотношениях еще в 2018 г. в принятом Совместном заявлении В. В. Путина и Си Цзиньпина. Данная модель предполагает построение международных правоотношений нового типа и зиждется на целом ряде принципов, включая построение сообщества единой судьбы человечества, на основе равноправного участия всех стран в глобальном управлении, соблюдения международного права, обеспечения равной и неделимой безопасности, взаимного уважения и учета интересов друг друга [16]. Реализация подобной модели по прогнозам экспертов будет способствовать формированию более справедливого и рационального полицентричного миропорядка.

В рамках полицентричной модели у каждого государства существует национальная стратегия со своими целевыми и оценочными показателями. Реализация приоритетов развития России в настоящее время осложнена влиянием обозначенных выше дестабилизирующих факторов внешней среды и прежде всего накатывающейся волнообразно пандемией. Поэтому для достижения целевых индикаторов приоритетов развития Российской Федерации к 2030 г. крайне необходима государственная поддержка как собственно развития, так и стимулирование развития тех видов деятельности, что крайне важны в обеспечении национальной безопасности в средней и долгосрочной перспективах. В связи с чем в 2020 г. была впервые утверждена Единая долгосрочная Программа фундаментальных научных исследований на предстоящие 10 лет (2021–2030 гг.), одним из центральных направлений которой является получение новых знаний об основных закономерностях функционирования и развития человека, общества, природы, т. е. всего того, что необходимо для понимания и верного выбора путей устойчивого научно-технологического, социально-экономического и культурного развития страны, укрепления ее национальной безопасности и обеспечения научного лидерства на долгосрочный период [1]. Для полноценного осуществления заданных направлений следует принимать во внимание, что многочисленные проблемы на международном и национальном уровнях имеют общие черты, и все они выходят за рамки узких дисциплинарных границ современного научного знания [21], поэтому для фундаментального

понимания модели развития миропорядка следует обратиться к обновлению научной парадигмы. Не случайно в современной отечественной науке актуализировался парадигмальный подход в фундаментальных исследованиях в различных областях познания. В политологии поднимаются проблемы политической модернизации России в контексте парадигмы транзита [14], в экономике – совершенствования и развития многофункциональной парадигмы институциональной среды отечественного АПК [9], в управлении – формирования предпринимательской парадигмы в инновационно-проектной деятельности [10], наконец, в юриспруденции – парадигмального подхода к исследованию интеллектуальных прав [3] и др. Однако, как показывает мониторинг фундаментальных исследований за последние пять и более лет, вопрос о парадигме порядка формирования государственных органов не поднимался. В связи с чем вполне оправдано возвратиться еще раз к парадигматическому видению порядка формирования государственных органов, чтобы вновь переосмыслить устоявшиеся мнения о механизме формирования государственных институтов с точки зрения современных философско-правовых и мировоззренческих категорий, позволяющих осознать его место, функции и назначение в общей цепи явлений цивилизации и культуры. Эвристический потенциал понятия «парадигма порядка формирования государственных органов» весьма значителен, поскольку в его структуре воплощаются онтологические, гносеологические, теоретико-методологические, политико-правовые, аксиологические и иные установки правового мышления [8].

Следует заметить, что в рамках рассматриваемой парадигмы политико-правовой ракурс порядка формирования государственных органов раскрывает направленность действий субъектов на реализацию общих и личных дел в процессе формирования государственных органов посредством разнообразных форм политической институционализации. Хотя в процессе реализации существующей модели формирования государственных органов в России и должно обеспечиваться легальное сосуществование различных политико-правовых ценностей и интересов, тем не менее их порой соответственно нелегитимный характер и утилитарная суть, а также разновекторная направленность на практике делают объективно невозможным никакое другое, не основанное на формально-правовых механизмах интеграции социального целого, единство (духовное, нравственное, идейное). Отсутствие объединяющего социального фундамента закономерно способствует нестабильности действующей модели порядка формирования государственных органов и может повлечь за собой любой кризис входящих в нее формальных процедур. Поэтому наряду с двумя основными, исторически на практике оформившимися относительно самостоятельными моделями порядка формирования государственных органов – институциональной (в рамках этатистской модели демократии) и ценностной (в системе либеральной демократии), выражающих разные представления об организованности, управляемости и стабильности государственных систем и роли в них человека [7], должна быть сформирована третья модель – национально-культурная, вбирающая в себя лучшие, перспективные для российского обще-

ства их качества и традиции, а также учитывающая исторический опыт и национальную самобытность политико-правового развития порядка формирования государственных органов в России. Создание оптимальной национально-культурной модели порядка формирования государственных органов, ее развитие и совершенствование зависят в конечном итоге от того, насколько данная модель будет приспособлена к современным условиям, вызовам времени и адаптирована к геоюридическим и этнополитическим особенностям политико-правовой системы российского общества.

Одновременно решение проблем обеспечения национальной безопасности в сфере институционализации и воспроизводства государственности сталкивается с необходимостью системного подхода к обеспечению устойчивого развития и устойчивости порядка формирования государственных органов. В этом контексте понятие «безопасность порядка формирования государственных органов» как категория конституционного права и как самостоятельный объект регулирования в российской практике является относительно молодым. Однако обеспечению безопасности порядка формирования государственных органов с течением времени будет уделяться все большее внимание, так как такого рода безопасность непосредственно влияет на национальную безопасность государства, общества и личности. Считаем, что безопасность порядка формирования государственных органов как понятие включает комплекс мер, методов и средств по защите политических интересов государства на макроуровне, субъектов политико-правовых отношений в сфере институционализации и воспроизводства государственности, а также их политико-правовой деятельности на микроуровне. В свою очередь управление безопасностью порядка формирования государственных органов является одновременно и процессом, в ходе которого реализуются соответствующие функции, и системой, которая через организационную структуру осуществляет эти функции. При этом информация становится связующим звеном между составляющими соответствующего управленческого процесса [19]. Отсюда и острая необходимость системного подхода к обеспечению безопасности порядка формирования государственных органов. Как подтверждение тому в наше время нашла свое применение в практике правового регулирования и реализации экосистема как сложная система, эволюционирующая в условиях постоянных изменений внешней среды [13]. Вследствие чего такая система немыслима без инноваций, современных технологий и цифровизации. Экосистемный подход особенно актуален в условиях цифровизации государственного управления в сфере организации и проведения выборов. Однако в процессе цифровизации избирательной системы Российской Федерации никто не отменял недостатки использования электронных (цифровых) технологических внедрений в дистанционное голосование: подверженность сетевым атакам, необходимость изготовления специальных бюллетеней для отдельных электронных устройств и др. В этих обстоятельствах на первый план выходят даже не затраты на цифровизацию порядка организации и проведения выборов, а безопасность системы электронного голосования, разработка стратегии борьбы с дезинформацией и определения путей реагирования соци-

альных сетей и цифровых кампаний на вмешательство в выборы, которые мотивированы стремлением к получению прибыли и поэтому ненадежны как саморегулирующиеся средства.

Хотя экосистемный подход применительно к экономике, в частности, заложен Стратегией развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг., но при этом каких-либо четких критериев и направлений совершенствования как механизмов электронной демократии в целом, так и цифровизации избирательной системы, обеспечивающей функционирование выборного порядка формирования государственных органов в рамках экосистемы цифровой экономики, стратегия не установила. В данной стратегии определяется и устанавливается только экосистема цифровой экономики, которая, согласно ее пониманию, предназначена только обеспечивать партнерство и постоянство взаимодействия технологических платформ, прикладных интернет-сервисов, аналитических систем, информационных систем. Ни слова об обеспечении информационной безопасности избирательной системы, да и порядка формирования государственных органов в целом. В России на сегодняшний день вообще отсутствует специальный документ стратегического планирования в области обеспечения безопасности порядка формирования государственных органов и избирательной системы в условиях цифровизации, т. е. практическая «цифровизация» порядка формирования государственных органов и избирательной системы сегодня опережает ее теоретическое и стратегическое обоснование. Назрела необходимость в полной мере использовать положительный зарубежный опыт формирования стратегического планирования избирательной экосистемы. Для этого в системе четкой архитектуры документов стратегического планирования на базе Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в РФ при разработке и реализации прогнозов, концепций, стратегий, программ и планов следует предусмотреть избирательную экосистему, включающую комплексную стратегию, как набор новых предотвращающих влияние иностранных лиц и групп на выборы правил финансирования избирательной кампании, новых мер по уменьшению дезинформации и уменьшению ее искажающего воздействия на демократический дискурс, а также усиления кибербезопасности избирательной системы РФ.

Данная комплексная стратегия должна базироваться на основе современных методов анализа и моделирования с учетом оперативного выявления угроз избирательной системе РФ и порядку формирования органов государственной власти. Кроме того, в системе единой цифровой аналитической платформы стратегического управления считаем возможным предусмотреть в рамках экосистемы цифровой экономики четкие критерии и направления совершенствования как механизмов электронной демократии, так и цифровизации избирательной системы. Экосистема создаст для субъектов порядка формирования государственных органов условия, позволяющие наращивать политическое и технологическое преимущество, достигать поставленных стратегических целей, повышать эффективность управленческих процессов, улучшать опыт взаимодействия с заинтересованными сторонами.

Список использованной литературы

1. Бондаренко В. М. Постковидный мир: необходимость перехода на новую парадигму развития / В. М. Бондаренко // Модернизация. Инновации. Развитие. – 2021. – Т. 12, № 3. – С. 254–273.
2. Ватикан и крупнейшие в мире инвестиционные и бизнес-лидеры сформировали Совет по инклюзивному капитализму. – URL: <https://infragreen.ru/news/134938> (дата обращения: 28.03.2022).
3. Войниканис Е. А. Парадигмальный подход к исследованию интеллектуальных прав: дисс. ... докт. юрид. наук: 12.00.01 / Е. А. Войникас. – Москва, 2017. – 392 с.
4. Глава государства В. В. Путин в режиме видеоконференции провел оперативное совещание с постоянными членами Совета Безопасности. – URL: <http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/3210/> (дата обращения: 28.03.2022).
5. Зорькин В. Под знаком Основного закона Конституционный суд на рубеже четвертого десятилетия / В. Зорькин // Российская газета. – 2021. – № 247(8598).
6. Интервью Секретаря Совета Безопасности Российской Федерации Н. П. Патрушева. – URL: <http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/3209/> (дата обращения: 28.03.2022).
7. Кешикова Н. В. Порядок формирования государственных органов: к истории вопроса / Н. В. Кешикова // История государства и права. – 2008. – № 21. – С. 7–9.
8. Кешикова Н. В. Философско-методологические основы порядка формирования государственных органов / Н. В. Кешикова. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2012. – 132 с.
9. Кислицкий М. М. Совершенствование и развитие многофункциональной парадигмы институциональной среды отечественного АПК: автореф. дисс. ... докт. экон. наук: 08.00.05 / М. М. Ктислицкий. – Новосибирск, 2021. – 50 с.
10. Литау Е. Я. Формирование предпринимательской парадигмы в инновационно-проектной деятельности: дисс. ... докт. экон. наук: 08.00.05 / Е. Я. Литау. – Санкт-Петербург, 2021. – 380 с.
11. Медушевский А. Конституционные революции в России XX века: Сравнительный анализ / А. Медушевский. – URL: <https://polit.ru/article/2006/08/18/medushevsky/> (дата обращения: 28.03.2022).
12. Медушевский А. Н. Теория конституционных циклов / А. Н. Медушевский // Полис. Политические исследования. – 2006. – № 2. – С. 51–59.
13. Мишина К. А. Преимущества экосистемного подхода в менеджменте организации / К. А. Мишина, А. А. Юссуф // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Сер. 1: Экономика и управление. – 2021. – № 1 (36). – С. 65–70.
14. Потапов Д. В. Политическая модернизация России в контексте парадигмы транзита: дисс. ... канд. полит. наук: 5.5.2 / Д. В. Потапов. – Москва, 2022. – 242 с.

15. Россия в полицентричном мире / под. ред. А. А. Дынкина, Н. И. Ивановой. – Москва: Весь Мир, 2011. – 580 с.
16. Россия, Китай и новый миропорядок. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-kitay-i-novyyu-miroporyadok/> (дата обращения: 28.03.2022).
17. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии. – URL: <http://kremlin.ru/supplement/5770> (дата обращения: 28.03.2022).
18. Страны НАТО провели саммит в годовщину бомбежек Югославии. – URL: <https://rg.ru/2022/03/24/strany-nato-proveli-sammit-v-godovshchinu-bombezhek-iugoslavii.html> (дата обращения: 28.03.2022).
19. Янкина И. А. Финансовая безопасность предприятий: необходимость системного подхода и участия банков / И. А. Янкина, Е. Э. Спиридонов // Банковское право. – 2016. – № 1. – С. 43–48.
20. Council Commitment Platform. – URL: <https://www.inclusivecapitalism.com/commitments/> (дата обращения: 28.03.2022).
21. Jacobs G. New Paradigm: The Necessity and the Opportunity. CADMUS. 2014; 2(2):9-23 / G. Jacobs. – URL: <https://www.cadmusjournal.org/files/pdfreprints/vol2issue2/reprint-cj-v2-i2-new-paradigm-the-necessity-gjacobs.pdf> (дата обращения: 28.03.2022).
22. Schwab K. About COVID-19: The Great Reset / K. Schwab, T. Malleret // World Economic Forum. Cologny. Geneva: Forum Publishing, 2020. 212 p. – URL: https://straight2point.info/wp-content/uploads/2020/08/COVID-19_-The-Great-Reset-Klaus-Schwab.pdf (дата обращения: 28.03.2022).

Информация об авторе

Кешикова Наталья Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права и теории права, Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: nvkeshikova2012@mail.ru.

Author

Keshikova Natalya Vladimirovna – Ph.D. in Law, Associate Professor, Associate Professor, the Chair of Constitutional Law and Theory of Law, the Irkutsk Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation), 4 Nekrasov st., Irkutsk, 664003, e-mail: nvkeshikova2012@mail.ru.

ОСОБАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ОБЩЕРОССИЙСКОГО ГОЛОСОВАНИЯ

В статье рассматривается новый механизм принятия поправки к Конституции Российской Федерации, впервые введенный и апробированный в 2020 г. Выделяются особенности его применения, проводится сравнение с другой формой проявления непосредственной демократии – референдумом. Формируется вывод об особенной природе общероссийского голосования, его практической уникальности. Анализируется оригинальный опыт, полученный в 2020 г. нашей страной. Рассматривается дальнейшая перспектива применения общероссийского голосования, выделяется его ценность в рамках развития института гражданского общества, реализации прав и свобод граждан, а также создания более прочной связи между государством и обществом.

Ключевые слова: общероссийское голосование; особая природа голосования; форма демократии; референдум.

А. К. Korobova

SPECIAL LEGAL NATURE OF ALL-RUSSIAN VOTING

The article discusses a new mechanism for adopting amendments to the Constitution of the Russian Federation, first introduced and tested in 2020. The peculiarities of its application are highlighted, a comparison is made with another form of direct democracy – a referendum. The conclusion is formed about the special nature of the all-Russian vote, its practical uniqueness. The original experience gained in 2020 by our country is analyzed. The article considers the further prospect of using the all-Russian vote, highlights its value in the framework of the development of the institution of civil society, the realization of citizens' rights and freedoms, as well as the creation of a stronger link between the state and society.

Keywords: all-Russian voting; special nature of voting; form of democracy; referendum.

Общероссийское голосование по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации проводилось с 25 июня по 1 июля 2020 г., его механизм закрепляется в ст. 2 Закона о поправке к Конституции «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» от 14 марта 2020 г. Основной целью данного мероприятия являлось легитимное принятие поправок за счет привлечения к процессу самих граждан.

На сегодняшний день ряд авторов уже успели выделить как родственные, так и отличительные черты общероссийского голосования и референдума. Так,

в своей работе Р. М. Дзидзоев и А. С. Лолаева указывают на общую природу данных институтов, а именно на то, что в их основе лежит всеобщее равное прямое и свободное волеизъявление граждан Российской Федерации при тайном голосовании [2, с. 38–41]. Другие же авторы, рассматривая отличия, указывают на ряд таких факторов: инициатива на проведение общероссийского голосования может идти от главы государства в отличие от референдума, не предусматривается механизм предварительной агитации, отсутствует кворум участников голосования, также есть различия в моделях определения результатов голосования [5, с. 30; 6, с. 185–189].

Все указанное не дает возможности согласиться с позицией авторов, утверждающих, что общероссийское голосование является по своей правовой природе референдумом или разновидностью референдума. По нашему мнению, оно является отдельным и самостоятельным институтом непосредственной демократии. Завершающим выводом по данному сравнительному анализу могут выступить слова кандидата юридических наук А. В. Игнатова: «Принципиальное отличие общероссийского голосования от референдума заключается в том, что референдум, по крайней мере в закрепленном в российской правовой системе, проводится с целью принятия решения, в том числе правового акта, непосредственно народом, в то время как общероссийское голосование проводится с целью одобрения народом уже принятых, облеченных в форму закона поправок к Конституции РФ и является при этом обязательным и решающим условием их вступления в силу» [3, с. 11–17].

Несомненно, говоря о ценности нового механизма взаимодействия государства и общества, можно выделить такие положительные явления, как оживление и заинтересованность гражданского общества, его активное участие, так как процесс был удобен основными двумя факторами – местом и временем проведения, получение нового опыта для нашей избирательной системы, активизация научного сообщества по обсуждению данного явления. Также помимо взбадривания общественности данное явление дает новую возможность обществу выйти на диалог с государством, провести оценку принимаемых органами власти решений, повысить уровень правосознания граждан и уровень доверия к деятельности государства.

Нельзя умалять и тот опыт и практику, полученные в ходе проведения голосования, которые способны дать избирательному процессу в РФ новые подходы для организации будущих форм взаимодействия общества и государства, а именно, обратить внимание на период голосования, способы подачи заявлений, применение современных информационных технологий, формы голосования граждан и др.

При рассмотрении вопроса о дальнейшей судьбе и перспективах общероссийского голосования, мнения научного сообщества также разделились. Одни утверждают, что «скорее всего общероссийское голосование так и останется народовластным уникамом 2020 года» [4, с. 145–154], другие же верят в то, что процедура общероссийского голосования может крепко войти в конституционно-правовую практику нашей страны [1, с. 3–8]. Объясняется это тем, что дан-

ная практика способна расширить правовые возможности граждан, таким образом население реализует свои права и выражают свое мнение по вопросам государственного значения [7, с. 16].

Нам близко мнение о сохранении данной процедуры на постоянной основе с пометкой на необходимость законодательного закрепления данного процесса, что, несомненно, поспособствует укреплению институтов народовласти в России.

Список использованной литературы

1. Акчурин А. Р. О юридической природе и особенностях общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации / А. Р. Акчурин // Конституционные поправки и конституционная система : материалы регион. круглого стола, Улан-Удэ, 19 марта 2020 г. – Улан-Удэ, 2020. – С. 3–8.

2. Дзидзоев Р. М. Общенародное голосование как институт прямой демократии / Р. М. Дзидзоев, А. С. Лолаева // Закон и право. – 2020. – № 12. – С. 38–41.

3. Игнатов А. В. Общероссийское голосование в конституционном измерении / А. В. Игнатов // Избирательное законодательство и практика. – 2020. – № 2. – С. 11–17.

4. Мархгейм М. В. Общероссийское голосование: народовластные признаки и призраки / М. В. Мархгейм // *НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право.* – 2021. – № 1. – С. 145–154.

5. Рузина А. Ю. Принцип конституционной идентичности и права личности: в поиске золотого сечения / А. Ю. Рузина // *Baikal Research Journal.* – 2021. – Т. 12, № 4. – С. 30.

6. Слободчикова С. Н. Ценность общероссийского голосования в фокусе обеспечения национальной безопасности / С. Н. Слободчикова // Обеспечение национальной безопасности в свете глобальных вызовов современности : материалы междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 23 апр. 2021 г. – Иркутск, 2021. – С. 185–189.

7. Якимова Е. М. Информационное обеспечение избирательного (референдумного) процесса как средство реализации принципа свободных выборов: истоки правового регулирования и современное состояние российского законодательства / Е. М. Якимова // *Правовая парадигма.* – 2018. – Т. 17, № 4. – С. 16–21.

Информация об авторе

Коробова Анна Константиновна – магистрант кафедры конституционного и административного права, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: annakorobova777@mail.ru.

Научный руководитель: кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Байкальского государственного университета С. Н. Максимова.

Author

Korobova Anna Konstantinovna – undergraduate student, the Chair of Constitutional and Administrative Law, Baikal State University, 11 Lenin st., Irkutsk, 664003, e-mail: annakorobova777@mail.ru.

ОСОБЕННОСТИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ЭКОНОМИК КИТАЯ И РОССИИ В ПОСТПАНДЕМИЙНЫЙ ПЕРИОД КАК ФАКТОР СТАБИЛИЗАЦИИ СИТУАЦИИ В ОБЩЕСТВЕ

В статье проводится анализ экономического состояния отдельных стран в постковидный период и характера современных геополитических процессов, направления и темпов их изменений и сопряжения этой динамики с нормами, закрепленными в конституциях. Учитывая, что национальные успехи восстановления в данной сфере в любой стране сочетаются со способностью подавляющей части стран мира справиться со стагнацией в экономике, то в данном контексте наиболее показательными являются процессы, происходящие в Китае и России. После очередного спада уровня заболеваемости каждая страна предпринимает свои уникальные усилия по восстановлению экономики и стабилизации социально-политических процессов. В рамках предпринимаемых мер создается новая мировая реальность, идущая на смену отживающему капиталистическому образу жизни. В современном китайском обществе был сделан упор на создание систем электронного контроля и социального рейтинга. В России ситуация складывается не так однозначно в силу отсутствия в административно-властных кругах обоснованных прогнозов на будущее, единого согласованного плана действий и нежелания брать на себя ответственность. Социально-экономическая ситуация в странах усугубляется постоянным нагнетанием негативных информационных известий через всевозможные средства массовой информации, ожиданием новых проблем в различных областях общественной жизни. Очевидно, что мировое сообщество столкнулось с новыми видами пандемии – «информационным вирусом» и «индуцированной психической эпидемией», обусловленными высокой доступностью разнонаправленных информационных потоков. Перед обществом возникло сразу несколько нелегко решаемых задач, требующих перестроения восприятия и адаптации экономики и индивида к новой действительности и вызовам.

Ключевые слова: пандемия; электронный контроль; информация; нормативное регулирование; экономика.

Т. П. Лепя

FEATURES OF THE RECOVERY OF THE CHINESE AND RUSSIAN ECONOMIES IN THE POSTPANDEMIC PERIOD AS A FACTOR OF STABILIZATION OF THE SITUATION IN SOCIETY

The article analyzes the economic state of individual countries in the post-crisis period and the nature of modern geopolitical processes, the direction and pace of their changes and the coupling of this dynamics with the norms enshrined in the constitu-

tions. Given that the national success of recovery in this area in any country is combined with the ability of the vast majority of countries in the world to cope with economic stagnation, in this context, the processes occurring in China and Russia are the most indicative. After another decline in the incidence rate, each country undertakes its own unique efforts to restore the economy and stabilize socio-political processes. As part of the measures taken, a new world reality is being created, which is going to replace the aging capitalist way of life. In modern Chinese society, emphasis has been placed on the creation of electronic control systems and social rating. In Russia, the situation is not so unambiguous due to the lack of reasonable forecasts for the future in the administrative and power circles, a single coordinated action plan and unwillingness to take responsibility. The socio-economic situation in the countries is being aggravated by the constant injection of negative news through all kinds of mass media, the expectation of new problems in various areas of public life. It is obvious that the world society is faced with new types of pandemics – «information virus» and «induced mental epidemic», due to the high availability of multidirectional information flows. Society has faced several difficult tasks at once, requiring a restructuring of perception and adaptation of the economy and the individual to new reality and challenges.

Keywords: pandemic; electronic control; information; regulatory regulation; economy.

Новые вызовы перед экономикой, политикой, правовой и социальной сферой всего мирового сообщества, обусловленные появлением пандемии COVID-19, заставили каждую страну самостоятельно искать собственные и зачастую нестандартные выходы из сложившейся ситуации.

Китайское общество, первым испытавшее на себе тяжесть борьбы с новым неизвестным и быстро распространявшимся вирусом, предприняло радикальные по своему масштабу и решительности меры, и оказалось в выигрышной ситуации относительно других, не столь активно действующих стран. Учитывая положения ст. 15 Конституции КНР о том, что китайская экономика сочетает социалистическое рыночное хозяйство, при котором государство поддерживает экономическую систему, с доминированием общественной собственности, но с большим потенциалом трансформируемости, чем ранее существовавший советский вариант, и с возможностью привлечения в экономику иностранных инвестиций и передовых технологий [3], в том числе созданием предприятий с полностью иностранным капиталом (ст. 18 Конституции КНР), государство оставило за собой полный контроль за всеми сферами жизни общества – экономикой, средствами производства, наукой, образованием, информацией, что позволило ему безболезненно и быстро ввести локдаун, а затем правовые и социальные ограничения для всего китайского общества (ранее они уже были отработаны на представителях уйгурского народа Китая) в рамках борьбы с новым заболеванием. Но представляется неверным утверждать, что система в Китае является исключительно тоталитарной, она преимущественно опирается на договор между обществом и властью, согласно которому на по-

следнюю возлагается максимальная забота о населении, а от населения требуется полное подчинение правилам, вырабатываемым властью. Централизация управления в китайской социально-экономической системе позволила быстрее отреагировать на возникшие вызовы в период пандемии и мобилизационной экономики, в частности, власти ужесточили контроль над ценообразованием в проблемных регионах и над транспортными перевозками в условиях закрытия зараженных городов и районов и ввели взаимный общественный, административный и полицейский контроль за людьми, их поведением на основе QR-кодов и системы рейтингов, привязанных к мессенджеру WeChat. Таким образом, нормы ст. 35 Конституции КНР, провозглашающие свободу слова, печати, собраний, ассоциаций, шествий и демонстраций, в данный период были «положены на алтарь» борьбы с возникшими перед обществом проблемами.

Для снижения социальной напряженности в период локдаунов и карантинных китайские власти организовали для населения систему досуга и дополнительного обучения в онлайн-сфере, а также снизили налоги и предоставили льготы для бизнеса, пострадавшего от локдаунов.

Предпринятые в КНР меры, несмотря на падение уровня ВВП на 6,8 % в первом квартале 2020 г. (на пике пандемии в стране), уже во втором квартале 2020 г. позволили ВВП вырасти и продолжить его рост, практически достигнув к 2021 г. допандемийного уровня. Продолжая начатую социально-экономическую политику, Китай добился в 2021 г. максимального за последнее десятилетие роста экономики, составившего 8,1 %. Политика коммунистической партии Китая (КПК) в данный период была направлена на оказание максимальной налоговой и финансовой поддержки бизнеса, снятия барьеров в экспортно-импортных операциях и роста дохода населения для оживления внутреннего рынка. В 2022 г. основная ставка для роста китайской экономики сделана на увеличение экспортной составляющей, что стало возможным в связи с использованием Китаем тяжелого положения предприятий в Европе и Америке в период пандемии, позволившим КНР разместить промышленные заказы на своей территории и сохранить прежнюю логистику. Китай сохраняет амбициозные планы на будущее в завоевании особого места в мировом положении для своей экономики и продолжает наращивание своего присутствия в высокотехнологических сферах – в компьютерных технологиях, цифровых и аэрокосмических направлениях и биомедицине.

Несколько затормозили в этот период проведение социально-экономических преобразований в Китае геополитические проблемы и, в первую очередь, продолжающиеся с переменной силой с 2014 г. взаимные таможенно-торговые войны с США, что заставило китайский бизнес искать новые каналы поставок и расширять ассортимент категорий товаров, поставляемых на внешний рынок, в том числе и в США, переносить китайские предприятия в соседние с США страны и в Россию. Программа, намеченная КПК, – достижение «Эпохи Большого процветания» – продолжала претворяться и в период пандемии, несмотря на снизившийся уровень онлайн и оффлайн-торговли, в том числе за счет некоторого снижения покупательской способности на внутреннем

рынке. Кроме того, замедление роста экономики в этот период было вызвано как внешними мировыми проблемами, так и необходимостью значительных вложений средств в развитие внутреннего рынка, а также в транспортную инфраструктуру, дороги, электросети, строительство жилищного фонда и иные проекты с долгосрочной окупаемостью. Китайская власть административным методом регулировала правила работы банковского сектора в части выдачи ипотечных кредитов с целью стимулирования строительной индустрии и повышения уровня жизни и рождаемости, сокращения неравенства в китайском обществе. Стратегически важным решением стал переход Китая и России на взаимные расчеты в национальных валютах и расширение экспортно-импортного взаимодействия, что наиболее значимо для России, для которой Китай является основным торговым партнером, в то время как для Китая таким партнером были и остаются США.

Россия в последние десятилетия находится в постоянном стрессово-кризисном состоянии как в политической, так и в социально-экономической сфере, следуя за общемировыми тенденциями и дополняя их своими внутренними национальными проблемами. Социально-экономическая напряженность в обществе в пандемийный период усугубилась высоким психологическим давлением на индивида из-за шквала противоречивой информации из разнообразных официальных и неофициальных источников, что привнесло в общество раскол и неопределенность и неверие в будущее. Кризисные явления, вызванные пандемией COVID-19, явственно обнажили внутрироссийские проблемы, в первую очередь в здравоохранении по обеспеченности кадрами, технологиями, финансами и лекарственными средствами, а также в управленческой среде. Современные изменения жизненного уклада всего мирового сообщества, ознаменовавшие переход к новому экономическому посткапиталистическому циклу с введением социального инжиниринга, максимально возможного технологического контроля над субъектом и, как результат, реформирования личности, общества и государства под новые стандарты и новые задачи, диктуемые приверженцами глобализации, самым негативным образом повлияли на российскую экономику и общество, снизив и так невысокий уровень жизни основной части населения. Процессы формирования нового общества, достаточно быстро разворачивающиеся в странах Европы и Америки в силу присущих этим народам характеристик законопослушания и дисциплины, в России затормозились из-за особенностей русского менталитета с предпочтением «жить согласно внутреннему ощущению справедливости, а не в соответствии с писанным законом», а также благодаря несогласованности действий российской власти на федеральном, региональном и местном уровнях и из-за высокого уровня недоверия россиян официальной пропаганде.

Помощник секретаря Совета Безопасности РФ А. П. Абелин утверждает, что Россия оказалась более подготовленной к экономическому кризису, вызванному пандемией коронавируса, чем многие из развитых стран, благодаря накопленным существенным финансовым ресурсам ФНБ РФ и низкому уровню внешнего государственного долга, а также периодическому росту миро-

вых цен на нефтепродукты, что позволило оказать первичную финансовую и налоговую поддержку малому и среднему бизнесу, а также малообеспеченным семьям с детьми, что согласовывалось с недавно принятыми поправками в Конституцию РФ, в частности в п. «е» ст. 114, о том, что Правительство будет содействовать развитию предпринимательства и частной инициативы.

В современный период на экономическую безопасность России негативное влияние продолжает оказывать политическая нестабильность на границе с Украиной, а также постоянно обновляющиеся западные экономические санкции со стороны США [2] и их союзников и неустойчивость в области мировых энергетических рынков и мировой экономики в целом. Нестабильность и риски в российской политической и социально-экономической сферах негативно влияют на инвестиционную привлекательность капиталовложений в российскую экономику существеннее, чем падение цен на нефть [4].

Серьезную внутреннюю угрозу в этот период для российской экономики, финансовой, банковской и социальной сфер представляет постоянное увеличение просроченной кредитной задолженности перед банками, связанное с падением уровня жизни россиян и потерей ими рабочих мест. В кризисных условиях пандемии, локдаунов, вводимых ограничений и запретов все эти проблемы усиливаются и ужесточают воздействие на социальную сферу и криминализируют общество. В это же время карантины и локдауны способствовали взрывному ускорению развития цифровой экономики и технологий на основе цифровизации практически всех сфер жизни, что становится определяющим фактором развития общества на ближайшее будущее и может повлиять на уровень обеспечения безопасности государства, общества и личности при использовании информационных технологий, обороте цифровых данных, что было также отражено в поправках в Конституцию РФ в п. «м» ст. 71.

Согласно данным Росстата РФ, в 2021 г. относительно прошлого года ВВП России уменьшился на 3,1 %; доходы населения снизились на 3,5 %, а уровень официальной безработицы колебался в пределах 4,5–6,4 %, что усилилось с оттоком трудовых мигрантов, составлявших 7 % рабочей силы России. Предпринятое руководством страны нормативное упрощение условий ввоза мигрантов для работы на стройках может повысить уровень ВВП России на несколько процентов, но при этом может значительно увеличить криминальную ситуацию в РФ. Очевидно, что для сохранения экономического потенциала российского бизнеса необходимо осуществлять переформатирование трудового рынка, в том числе обусловленного переходом на удаленную работу во многих сферах, что, в свою очередь, может увеличить количество социально-неустроенных работников без гарантированного дохода и без социальных гарантий от общества в целом [5].

Наиболее экономически пострадавшими от локдаунов и ограничений оказались организации, деятельность которых невозможно перевести на удаленную работу или в виртуальную, цифровую сферу, – это рынок услуг и области деятельности, связанные с туристической и логистической сферой, кроме экспресс-доставки, упрочение положения которой было стимулировано развитием

интернет-торговли, которая по статистическим прогнозам в России будет ежегодно прирастать на 6 %, при этом основными бенефициарами в этот период стали крупные маркетплейсы, а также на данном интернет-рынке появились новые игроки – сегмента интернет-аптек и онлайн-сервисов доставки (ePharma и eGrocery), что положительно отразилось и на развитии складских помещений и площадок, и оборудования.

Некоторые изменения в структуре российской экономики лишь незначительно повлияли на величину ущерба, нанесенного пандемией и периодическим снижением цен на нефть, – по данным ОЭСР на конец 2021 г. российская экономика недополучила порядка 7 трлн долл. США.

Серьезную угрозу экономической стабильности и будущему России в целом представляет катастрофически высокий уровень смертности в РФ в период объявленной пандемии. По данным ВОЗ Россия обогнала даже США по уровню смертности от COVID-19, а Китай РФ опередила в несколько раз. Благодаря предпринятым в Китае жестким ограничительным и предупредительным мерам на конец января 2022 г. в КНР выявлено 119 152 случая заболевания с ежедневным приростом на 143 случая, в то время как в РФ это 11 404 617 случаев с ежедневным увеличением на 88 816. Исходя из сложившейся ситуации, России придется в ближайшем будущем решать вопросы в сфере экономики, связанные с новыми социальными вызовами, обусловленные ростом безработицы, адаптацией к новым дистанционным формам занятости и досуга, а также непомерной нагрузкой на малое и среднее предпринимательство при очевидной лоббистской поддержке государством крупных системообразующих компаний, отставанием в области фундаментальной и прикладной науки [1], образования и медицины. Экстраполяция формулы успеха постпандемийной экономики китайского общества в борьбе с экстраординарными ситуациями к российской действительности возможна только при условии учета особенностей российской ментальности и непростого внутреннего и внешнего положения России.

Список использованной литературы

1. Балашова М. А. Инновационное развитие российской экономики: самостоятельный путь или кооперирование / М. А. Балашова, Ю. С. Попова // *Baikal Research Journal*. – 2018. – Т. 9, № 3. – С. 9.

2. Дубовик И. В. Ресурсная инвестиционная политика российских кредитных организаций в условиях экономических санкций / И. В. Дубовик // *Baikal Research Journal*. – 2016. – Т. 7, № 4. – С. 5.

3. Курганский С. А. Политика центрального банка Китая в условиях финансового кризиса / С. А. Курганский, Т. Сюэфэй // *Baikal Research Journal*. – 2012. – № 6. – С. 6.

4. Локтионов В. И. Оценка влияния падения цен на нефть и ухудшения общеэкономического состояния страны на финансовую привлекательность инвестиций в акции энергетических компаний / В. И. Локтионов, Е. А. Локтионова // *Baikal Research Journal*. – 2018. – Т. 9, № 1. – С. 2.

5. Шуплецов А. Ф. Россия после вступления во Всемирную торговую организацию: преимущества и проблемы / А. Ф. Шуплецов, В. А. Колесник // Baikal Research Journal. – 2015. – Т. 6, № 2. – С. 10.

Информация об авторе

Лена Татьяна Павловна – старший преподаватель, кафедры предпринимательского и финансового права, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: 777taliana777@rambler.ru.

Author

Lena Tatyana Pavlovna – Senior Lecturer, the Chair of Entrepreneurial and Financial Law, Baikal State University, 11 Lenin st., Irkutsk, 664003, e-mail: 777taliana777@rambler.ru.

ОКАЗАНИЕ АДВОКАТАМИ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ БЕЖЕНЦАМ И ЛИЦАМ, ПОЛУЧИВШИМ ВРЕМЕННОЕ УБЕЖИЩЕ ИЗ ДНР, ЛНР И УКРАИНЫ

В статье анализируется действующее российское законодательство об оказании бесплатной юридической помощи беженцам и лицам, получившим временное убежище в Российской Федерации. Рассматривается необходимость нормативного закрепления бесплатной юридической помощи для беженцев и лиц, получивших временное убежище. Определено значение участия в системе бесплатной юридической помощи адвокатского сообщества Российской Федерации. На примере успешного оказания адвокатами адвокатских палат регионов бесплатной юридической помощи беженцам и лицам, получившим временное убежище из ДНР, ЛНР и Украины, указано на эффективность работы адвокатов и необходимость дальнейших консолидированных усилий со стороны адвокатуры и государственных органов в государственной системе бесплатной юридической помощи. Сделан вывод о важности совершенствования правовых норм, направленных на охрану и защиту гарантированного права на получение в случае необходимости квалифицированной, бесплатной юридической помощи.

Ключевые слова: национальная безопасность; квалифицированная юридическая помощь; бесплатная юридическая помощь; адвокат; адвокатура; беженцы; временное убежище.

E. B. Mikova

HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS OF THE FORMATION OF THE SYSTEM OF FREE LEGAL ASSISTANCE BY BARRISTERS IN DOMESTIC LEGISLATION

The article analyses the current Russian legislation on the provision of free legal assistance to refugees and persons who have received temporary asylum in the Russian Federation. Consideration is being given to the need to institutionalize free legal aid for refugees and persons granted temporary asylum. The importance of participation in the system of free legal assistance of the legal community of the Russian Federation has been determined. On the basis of the successful provision of free legal assistance to refugees and persons who have received temporary asylum from the DPR, LPR and Ukraine by lawyers of the regional bar chambers, it was concluded that the work of lawyers is effective and that further consolidated efforts by the bar and State bodies in the State system of free legal assistance are necessary. It was concluded that further improvement of legal norms aimed at protecting and

protecting the guaranteed right to receive, if necessary, qualified, free legal assistance is necessary.

Keywords: national security; qualified legal aid; free legal aid; lawyer; barrister; refugees; provisional asylum.

В соответствии с ч. 1 ст. 48 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно. Использование в тексте основного закона государства слова «каждому» подразумевает гарантированное получение квалифицированной юридической помощи не только гражданам Российской Федерации, но и любому лицу, находящемуся на законных основаниях на территории Российской Федерации, в частности иностранным гражданам и лицам, имеющим статус беженцев, лицам, получившим временное убежище.

На основании ч. 1 ст. 2 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ иностранным гражданином признается физическое лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и имеющее доказательства наличия гражданства (подданства) иностранного государства. Беженцем в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 1 Федерального закона «О беженцах» от 19 февраля 1993 г. № 4528-I (далее – Закон № 4528-I), признается лицо, которое не является гражданином Российской Федерации и которое в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений; или, не имея определенного гражданства и находясь вне страны своего прежнего обычного местожительства в результате подобных событий, не может или не желает вернуться в нее вследствие таких опасений. Согласно п. 3 ч. 1 ст. 1 и ч. 2 ст. 12 Закона № 4528-I, иностранному гражданину или лицу без гражданства, если они имеют основания для признания беженцем, но ограничиваются заявлением в письменной форме с просьбой о предоставлении возможности временно пребывать на территории Российской Федерации, либо не имеют оснований для признания беженцем по обстоятельствам, предусмотренным федеральным законом, но из гуманных побуждений не могут быть выдворены (депортированы) за пределы территории Российской Федерации, предоставляется временное убежище, т. е. возможность временно пребывать на территории Российской Федерации.

Как видно из содержания цитируемых норм права, лица, являющиеся иностранными гражданами, беженцами, лицами, которым предоставляется временное убежище, не обладают политико-территориальной связью с Российской Федерацией, однако пользуются правами наравне с гражданами РФ, за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом или международным договором РФ, и несут обязанности по соблюдению российского законо-

дательства (ст. 62 Конституции РФ; ст. 4 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ; ст. 6 Закона № 4528-1).

Гарантии оказания квалифицированной юридической помощи беженцам, как иностранным гражданам, опасаящимся стать жертвами преследования по одному из перечисленных в законе оснований, а также лицам, которым предоставляется временное убежище, подтверждаются не только российским законодательством, но и нормами международного права. Россия присоединилась к международным актам и приняла на себя обязательства по приему соответствующих лиц, признанию их беженцами и предоставлению им таких же экономических и социальных прав, что и другим иностранцам, законно находящимся на ее территории [1, с. 832]. В ст. 16 Конвенции о статусе беженцев, вступившей для Российской Федерации в силу с 1 февраля 1993 г., гарантируется каждому беженцу наравне с гражданами договаривающихся государств право на обращение в суд, включая вопросы юридической помощи и освобождения от уплаты судебных расходов.

Для реализации гарантий по предоставлению бесплатной юридической помощи в Российской Федерации действует Федеральный закон «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ, в котором в ч. 2 ст. 2 определено, что бесплатная юридическая помощь иностранным гражданам и лицам без гражданства оказывается в случаях и в порядке, которые предусмотрены федеральными законами и международными договорами Российской Федерации.

Изучив действующее российское законодательство на наличие норм о бесплатной юридической помощи, можно констатировать, что в систему нормативных правовых актов, закрепляющих право иностранных граждан на получение бесплатной квалифицированной юридической помощи, входят:

1. УПК РФ, который в ч. 4 ст. 16 закрепляет право подозреваемого и обвиняемого, в том числе иностранного гражданина, на защиту, указывая при этом, что они могут пользоваться защитником по назначению.

2. Федеральный закон «О статусе военнослужащих» от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ, в ч. 2 ст. 2, в ст. 22 которого также закрепляются случаи и порядок получения бесплатной юридической помощи военнослужащими, в том числе иностранными гражданами.

3. Федеральный закон «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ в ст. 10 закрепляет, что дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, имеют право на бесплатную юридическую помощь. При этом закон специально не оговаривает, распространяется ли его действие только на граждан Российской Федерации перечисленных категорий, или же охватывает и иностранных граждан. Однако следует иметь в виду, что если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены указанным законом, то применяются правила международного договора.

4. Федеральный закон «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов» от 2 августа 1995 г. № 122-ФЗ, который предусматривает в ч. 8 ст. 12 в числе прав граждан пожилого возраста и инвалидов, проживающих в стационарных учреждениях социального обслуживания, и право на бесплатную юридическую помощь в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи. При этом в соответствии с п. 4.1.2.3 Национального стандарта РФ ГОСТ Р 52880-2007 «Социальное обслуживание населения. Типы учреждений социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов» иностранные граждане, в том числе беженцы, пользуются теми же правами в сфере социального обслуживания, что и граждане Федерации, если иное не установлено законодательством Российской Федерации.

5. Закон РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» от 2 июля 1992 г. № 3185-1, который в ч. 2 ст. 3 и ст. 7 закрепляет, что защиту прав и законных интересов гражданина при оказании ему психиатрической помощи может осуществлять адвокат, в том числе и бесплатно, а иностранные граждане, находящиеся на территории Российской Федерации, при оказании им психиатрической помощи пользуются всеми правами, установленными настоящим законом, наравне с гражданами Российской Федерации.

6. ГПК РФ, который в ст. 36 и 50 регламентирует порядок предоставления бесплатной юридической помощи по назначению в гражданском процессе, в равной мере за всеми гражданами и организациями, обладающими, согласно законодательству Российской Федерации, правом на судебную защиту прав, свобод и законных интересов, в том числе иностранными.

Анализ действующего российского законодательства показывает, что специальных норм, регламентирующих порядок предоставления бесплатной юридической помощи иностранным гражданам, в частности беженцам и лицам, получившим временное убежище, нет [19, с. 235]. Так как некоторые федеральные законы не связывают возможность получения юридической помощи бесплатно с гражданством Российской Федерации, можно сделать вывод о том, что иностранные граждане на территории России, в том числе беженцы и лица, получившие временное убежище, могут получить юридическую помощь бесплатно, если: они являются подозреваемыми или обвиняемыми по уголовному делу; выступают ответчиками по гражданскому делу и их место нахождение неизвестно; являются несовершеннолетними, содержащимися в учреждениях системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; поступили на военную службу по контракту. Международное сотрудничество по вопросу бесплатного предоставления иностранцам юридической помощи в настоящее время сводится к заключению некоторых региональных соглашений [12].

По информации юристов представительства Управления Верховного Комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) по состоянию на 1 января 2021 г. на территории Российской Федерации по официальной статистике МВД России было зарегистрировано 455 беженцев и 19 817 лиц со статусом временного убежища [10]. Процедура приобретения статуса беженца состоит из нескольких этапов и занимает длительное время. За этот период лица, приобре-

тающие статус беженца, сталкиваются с многочисленными проблемами, требующими квалифицированной юридической помощи – доступ к процедуре убежища и обжалование отказов в этом при наличии оснований, работа по делам о привлечении к административной ответственности и вынесении решений о выдворении / нежелательности / запрета въезда или ограничении свободы, последующая социальная интеграция и доступ к правам и услугам наравне с гражданами России. Вместе с тем действующий механизм реализации права на получение бесплатной юридической помощи беженцами, как отметили представители УВКБ ООН, сводился фактически к единственному основанию – правовая помощь в сфере уголовного судопроизводства [5].

Вместе с тем правовое регулирование отношений, связанных с оказанием бесплатной юридической помощи в Российской Федерации, подразумевает, что федеральными законами могут быть установлены случаи и порядок оказания бесплатной юридической помощи также в иных случаях, а законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации могут устанавливаться дополнительные гарантии реализации права граждан на получение бесплатной юридической помощи (ст. 3 Федерального закона «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ).

Насколько эффективно данное положение работает можно наблюдать в настоящее время. По данным, представленным в Парламентской газете, с февраля по начало марта 2022 г. в Россию из Донбасса и с Украины эвакуировалось более 204 тыс. чел., из них на жителей из ДНР и ЛНР приходится порядка 178 тыс. Около 26 тыс. чел. прибыло в Россию с Украины через пропускные пункты в Белгородской, Брянской, Курской областях и Республике Крым. Среди них граждане не только России и Украины, но и других стран [6].

Принимая во внимание складывающуюся ситуацию на территориях Украины, ДНР и ЛНР, продолжающийся рост численности прибывающих на территорию Российской Федерации граждан Российской Федерации, Украины, ДНР и ЛНР, и лиц без гражданства, постоянно проживающих на территориях Украины, ДНР, ЛНР и вынужденно покинувших их, Правительство Российской Федерации 12 марта 2022 г. приняло Постановление «О распределении по субъектам Российской Федерации граждан Российской Федерации, Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики и лиц без гражданства, постоянно проживающих на территориях Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, вынужденно покинувших территории Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики и прибывших на территорию Российской Федерации в экстренном массовом порядке» № 349. Между российскими регионами распределено почти 100 тыс. беженцев с указанных регионов, а на субъекты Российской Федерации возложена обязанность обеспечить их прием.

В рамках исполнения постановления Правительства Российской Федерации, регионы активно взаимодействуют между собой как на уровне государственных органов, так и институтов гражданского общества. При реализации гарантий по получению бесплатной квалифицированной юридической помощи

адвокатура Российской Федерации заняла позицию активного участника государственной системы бесплатной юридической помощи беженцам и лицам, получившим временное убежище.

В соответствии с положениями ст. 26 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ адвокаты оказывают юридическую помощь гражданам Российской Федерации бесплатно в соответствии с Федеральным законом «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации». Отсутствие указания в федеральном законе на возможность оказания бесплатной юридической помощи лицам со статусом беженца, либо лица, получившим временное убежище, преодолевается принятием соответствующих нормативных актов субъектов Федерации [18, с. 75], в которых беженцы и лица, получившие временное убежище, приравниваются к лицам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации в экстренных случаях [17]. Так, президент Адвокатской палаты Ростовской области, члены Координационного совета при Управлении Минюста России по Южному федеральному округу, Правительство Ростовской области и Ростовское региональное отделение Ассоциации юристов России совместно участвуют в оказании помощи беженцам, координируя свои действия с Минюстом России, ГУ Минюста России по Ростовской области, Ростовским региональным отделением Ассоциации юристов России, Общественной палатой Ростовской области, Региональной общественной приемной Председателя партии «Единая Россия» Д. А. Медведева [2].

В помещении Адвокатской палаты Ростовской области создан колл-центр для координации усилий, направленных на оперативную поддержку адвокатов и представителей государственных структур, которые оказывают помощь гражданам, прибывшим из ДНР и ЛНР. Кроме того, Адвокатской палатой организован бесплатный прием беженцев и их представителей по всем вопросам в обособленных офисах адвокатов на базе отделений МФЦ в Ростове-на-Дону, Таганроге, Батайске, Аксае, г. Шахты и в с. Крым Мясниковского района, а также в помещении Региональной общественной приемной Председателя партии «Единая Россия» Д. А. Медведева.

Адвокаты Адвокатской палаты Брянской области организовали оказание бесплатной юридической помощи беженцам в обособленных офисах адвокатских консультаций. Жители ДНР и ЛНР могут обратиться по туда для получения консультаций адвокатов на условиях *pro bono* [3].

Совет Адвокатской палаты Республики Башкортостан 25 марта 2022 г. принял решение об организации мероприятий по оказанию бесплатной юридической помощи лицам, прибывшим в порядке организованной эвакуации в Республику Башкортостан из ЛНР и ДНР, с территории Украины, а также военнослужащим – участникам специальной военной операции и членам их семей. Также Адвокатская палата Республики Башкортостан ведет активную работу по организации взаимодействия с социальными службами для оказания наиболее эффективной помощи нуждающимся [7].

Адвокаты Адвокатской палаты Волгоградской области организовали постоянное дежурство адвокатов и оказывают комплексную социально-правовую

помощь беженцам из ЛНР и ДНР, находящимся в пунктах временного размещения на территории региона, а также у своих родственников. Сфера вопросов, по которым адвокаты Волгоградской области консультировали беженцев, достаточно широк и включает вопросы получения российского гражданства, оформления документов, необходимых для приема на работу, устройство детей в дошкольные и образовательные учреждения, назначение пособий, в том числе на детей [15]. Беженцы также интересовались правовой силой решений судов ДНР на территории Российской Федерации, задавали вопросы по миграционному законодательству, подтверждению или получению инвалидности на территории Российской Федерации, порядку нахождения в статусе беженцев и продлению сроков действия этого статуса, а также о возможности взыскания недополученных пенсионных выплат со стороны Украины [8].

Адвокаты Адвокатской палаты Орловской области оказывают правовую поддержку беженцам из ДНР и ЛНР. Вопросы, с которым беженцы обращаются к адвокатам, преимущественно касаются получения гражданства РФ, пенсий и пособий, мер социальной защиты и социального обеспечения, трудоустройства, порядка и сроков нахождения на территории России [11].

Правовую поддержку беженцам из ДНР и ЛНР также оказывают адвокатские палаты Белгородской, Брянской, Волгоградской, Воронежской, Курской, Нижегородской и Ростовской областей, Республики Дагестан [13]. Меньше чем за месяц к ним присоединились адвокаты Липецкой, Рязанской, Свердловской, Ульяновской областей, Краснодарского края, Республики Северная Осетия – Алания [16], Республики Саха (Якутия) [14].

При оказании квалифицированной бесплатной юридической помощи беженцам и лицам, получившим временное убежище, адвокаты разъясняют процедуру получения гражданства РФ и необходимых для этого документов, о способах восстановления утраченных документов, в том числе оставшихся на территории ЛНР, ДНР и Украины, о возможности оформления пенсии и получения мер социальной поддержки. Обратившимся лицам предоставляются разъяснения о возможности и необходимых требованиях для участия в государственной программе по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. В индивидуальном порядке разъясняются вопросы обмена денежных средств, возможности остаться в России и последующего трудоустройства, медицинской помощи, об усыновлении и опеке детей, прибывших на территорию России, гражданами Российской Федерации. Актуален для беженцев вопрос о процедуре признания близкого родственника без вести пропавшим с целью дальнейшего оформления пенсии по потере кормильца [13].

При оказании бесплатной юридической помощи адвокаты консультируют не только в помещениях адвокатских палат, либо по месту нахождения своих адвокатских образований, многие адвокаты выезжают в пункты временного размещения беженцев.

Прогрессивным является участие в системе оказания бесплатной юридической помощи беженцам адвокатов Адвокатской палаты Воронежской области. Помимо консультаций и даже детского праздника адвокаты разработали

специальное методическое пособие по основным вопросам законодательства, чтобы помочь эвакуированным из ЛНР и ДНР самостоятельно ориентироваться в правовой сфере. Отпечатанные буклеты станут своеобразной «скорой помощью» и путеводителем по юридическим вопросам [9].

Для Иркутской области оказание бесплатной юридической помощи в экстренных случаях для лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, является новым, поэтому Адвокатская палата Иркутской области планирует в ближайшее время реализовать целый комплекс мероприятий. Как отметил президент Адвокатской палаты Иркутской области О. В. Смирнов, запланировано составить список дежурных адвокатов и график организации их регулярных выездов в пункты временного размещения; определить решение вопросов финансирования этой работы за счет средств Адвокатской палаты Иркутской области на первоначальном этапе; назначить ответственного лица из числа членов Совета Адвокатской палаты Иркутской области; обратиться в Законодательное Собрание Иркутской области с предложением о включении прибывающих беженцев в перечень лиц, имеющих право на получение бесплатной юридической помощи [4].

Таким образом, адвокатское сообщество Российской Федерации принимает активное и эффективное участие в оказании бесплатной юридической помощи беженцам и лицам, которым предоставляется временное убежище. Консолидация усилий адвокатских палат Российской Федерации и органов государственной власти позволят преодолеть трудности и оказать реальную правовую помощь нуждающимся лицам.

Список использованной литературы

1. Авакьян С. А. Конституционное право России. Учебный курс. В 2 т. Т. 1 / С. А. Авакьян. – Москва : Норма: ИНФРА-М, 2021. – 864 с.
2. Адвокаты помогают беженцам. АП Ростовской области организовала бесплатный прием беженцев из ДНР и ЛНР по всем вопросам в обособленных офисах адвокатов на базе отделений МФЦ. 21 фев. 2022 г. – URL: <https://fparf.ru/news/law-chambers/advokaty-pomogayut-bezhentsam> (дата обращения: 1.04.2022).
3. Адвокаты быстро и инициативно приняли на себя часть проблем беженцев. АП Брянской области оказывает правовую и гуманитарную помощь беженцам из ДНР и ЛНР. 9 марта 2022 г. – URL: <https://fparf.ru/news/law-chambers/advokaty-bystro-i-initsiativno-prinyali-na-sebya-chast-problem-bezhentsev> (дата обращения: 1.04.2022).
4. Адвокаты непременно откликнуться на человеческую беду. 31 марта 2022 г. – URL: <https://fparf.ru/polemic/opinions/advokaty-nepremenno-otkliknutsya-na-chelovecheskuyu-bedu> (дата обращения: 1.04.2022).
5. Беженцы могут рассчитывать на помощь адвокатов только в уголовном судопроизводстве. Представители ФПА РФ приняли участие в рабоче-консультативной встрече по вопросам расширения доступа к юридической помощи беженцам. 12 марта 2021 г. – URL: <https://fparf.ru/news/fpa/bezhentsy->

mogut-rasschityvat-na-pomoshch-advokatov-tolko-v-ugolovnom-sudoproizvodstve (дата обращения: 1.04.2022).

6. В Россию прибыло более 204 тысяч беженцев из Донбасса и Украины // Парламентская газета. – 2022. – 9 марта. – URL: <https://www.pnp.ru/social/v-rossiyu-pribylo-bolee-204-tysyach-bezhencev-iz-donbassa-i-ukrainy.html> (дата обращения: 1.04.2022).

7. Готовы помогать. АП Республики Башкортостан сообщила о принятии решения об организации мероприятий по оказанию бесплатной юридической помощи беженцам из ДНР, ЛНР и Украины. 1 апр. 2022 г. – URL: <https://fparf.ru/news/law-chambers/advokaty-bystro-i-initsiativno-prinyali-na-sebya-chast-problem-bezhentsev> (дата обращения: 1.04.2022).

8. Консультации и решения социальных проблем. Адвокаты АП Волгоградской области приступили к оказанию помощи беженцам из ДНР и ЛНР. 9 марта 2022 г. – URL: <https://fparf.ru/news/law-chambers/konsultatsii-i-reshenie-sotsialnykh-problem> (дата обращения: 1.04.2022).

9. Консультации и праздник для детей. Адвокаты Воронежской области оказывают бесплатную юридическую помощь беженцам. 25 марта 2022 г. – URL: <https://fparf.ru/news/law-chambers/konsultatsii-i-prazdnik-dlya-detey> (дата обращения: 1.04.2022).

10. Названо число беженцев в России // Парламентская газета. – 2021. – 23 марта. – URL: <https://www.pnp.ru/politics/nazvano-chislo-bezhencev-v-rossii.html> (дата обращения: 1.04.2022).

11. Орловские адвокаты помогают беженцам. 10 марта 2022 г. – URL: <https://fparf.ru/news/law-chambers/orlovskie-advokaty-pomogayut-bezhentsam-> (дата обращения: 1.04.2022).

12. Остапенко А. С. Комментарий к Федеральному закону от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» / А. С. Остапенко, Е. В. Артемьев, Е. А. Бевзюк // СПС КонсультантПлюс.

13. Поступило уже более 1 000 обращений. Адвокатские палаты субъектов РФ помогают беженцам из ДНР и ЛНР. 4 марта 2022 г. – URL: <https://fparf.ru/news/fpa/postupilo-uzhe-bolee-1000-obrashcheniy> (дата обращения: 1.04.2022).

14. Помочь советом в трудной жизненной ситуации – уже большое дело. 9 марта 2022 г. – URL: <https://fparf.ru/news/fpa/postupilo-uzhe-bolee-1000-obrashcheniy> (дата обращения: 1.04.2022).

15. Помощь беженцам продолжается. В Волгоградской области адвокаты проводят консультации для граждан Украины и России, прибывших с Донбасса. 17 марта 2022 г. – URL: <https://fparf.ru/news/law-chambers/pomoshch-bezhentsam-prodolzhaetsya> (дата обращения: 1.04.2022).

16. Помочь людям, которые наиболее остро нуждаются в защите и уверенности. Адвокаты готовы и продолжают поддерживать беженцев из ДНР и ЛНР. 29 марта 2022 г. – URL: <https://fparf.ru/news/law-chambers/pomoch-lyudyam-kotorye-naibolee-ostro-nuzhdayutsya-v-zashchite-i-uverennosti> (дата обращения: 1.04.2022).

17. Порядок принятия решений об оказании в экстренных случаях бесплатной юридической помощи гражданам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации (приложение № 4 к постановлению Правительства Ростовской области от 30 янв. 2013 г. № 37 «О мерах по реализации Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ») – URL: https://apro.fparf.ru/legal_support/normative_regulation (дата обращения: 1.04.2022).

18. Пятин Е. И. Право граждан на квалифицированную юридическую помощь в Российской Федерации / Е. И. Пятин // Право и жизнь. – 2013. – № 2. – С. 73–93.

19. Шуршалова Е. С. К вопросу об оказании бесплатной юридической помощи беженцам на территории Российской Федерации / Е. С. Шуршалова // 25 лет Конституции Российской Федерации: тенденции и перспективы реализации: сб. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию Конституции РФ / под ред. М. А. Липчанской. – Саратов, 2018. – С. 234–237.

Информация об авторе

Микова Ева Борисовна – старший преподаватель, кафедра правового обеспечения национальной безопасности, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: eva-mikova@mail.ru.

Author

Mikova Eva Borisovna – Senior Lecturer, Chair of Legal Support of National Security, Baikal State University, 11 Lenin st., Irkutsk, 664003, e-mail: eva-mikova@mail.ru.

**В. М. Пахалеев,
В. Н. Ушаков,
А. С. Смирнов**

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕНАДЛЕЖАЩЕЙ РЕКЛАМЫ КАК ОДНО ИЗ ПРОЯВЛЕНИЙ НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ

Конкуренция хозяйствующих субъектов является важнейшим элементом в вопросе обеспечения эффективности рыночной экономики. Наличие конкуренции формирует на рынке благоприятный микроклимат для продавцов и товаропроизводителей, благодаря чему создаются положительные условия для производства и дальнейшей продажи того или иного товара по наиболее приемлемой цене. Конкуренция делится на добросовестную и недобросовестную. Цель настоящей работы заключается в исследовании ненадлежащей рекламы на предмет своего существования на рынке в качестве одного из проявлений недобросовестной конкуренции. Проведен анализ понятийного содержания терминов, связанных с рассматриваемой темой, проанализированы наиболее часто встречающиеся проявления ненадлежащей рекламы, ее последствия, практика применения норм, запрещающих данные действия, приведены статистические сведения.

Ключевые слова: недобросовестная конкуренция; реклама; ненадлежащая реклама; продавец; покупатель.

**V. M. Pakhaleev,
V. N. Ushakov,
A. S. Smirnov**

USING INAPPROPRIATE ADVERTISING AS ONE FROM THE MANIFESTATIONS OF UNFAIR COMPETITION

Competition of economic entities is the most important element in ensuring the effectiveness of the market economy. The presence of competition creates a favorable microclimate in the market for sellers and producers, which creates positive conditions for the production and further sale of a particular product at the most reasonable price. Competition is divided into fair and unfair. The purpose of this work is to study inappropriate advertising for its existence on the market as one of the manifestations of unfair competition. The analysis of the conceptual content of terms related to the topic under consideration is carried out, the most common manifestations of inappropriate advertising, its consequences, the practice of applying norms prohibiting these actions are analyzed, statistical information is provided.

Keywords: unfair competition; advertising; improper advertising; seller; buyer.

На сегодняшний день реклама является бесспорным лидером среди механизмов, способствующих продвижению товаров и услуг, так как в условиях современности она используется практически в любой сфере рынка. На нее невозможно не обращать внимания, что и является целью рекламодателей. Реклама заставляет потребителей обратить внимание на продукт. Для достижения этой цели рекламодатель использует как законные способы (надлежащая реклама), так и незаконные (ненадлежащая реклама).

Ненадлежащая реклама является одним из проявлений недобросовестной конкуренции. Понятие недобросовестной конкуренции на сегодняшний день закреплено в ст. 4 Федерального закона «О защите конкуренции» от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ (далее – Закон о конкуренции). Однако существуют и доктринальные понимания рассматриваемого термина. Так, под недобросовестной конкуренцией понимается «сообщение потенциальному потребителю таких сведений, которые способны вызвать у него неправильные представления, дискредитирующие деятельность конкурента (в том числе способные вызвать заблуждение относительно характера, способа изготовления, свойств, пригодности к применению или количества товара), либо вызвать смещение с конкурентом, его деятельностью или товаром» [1, с. 33].

В. И. Еременко определяет недобросовестную конкуренцию, полагая таковой «любое виновное действие, противоречащее деловым обычаям, профессиональной этике или добропорядочности при осуществлении хозяйственной деятельности в целях конкуренции, которое причиняет или может причинить вред» [5, с. 29].

Но более подходящей считаем немного иную позицию. Как справедливо отмечают В. В. Загайнов и Е. В. Кузнецов, законодательное определение недобросовестной конкуренции, установленное в Законе о конкуренции, следует дополнить указанием на то, что данные действия «влекут в установленном порядке предусмотренную законодательством Российской Федерации ответственность» [6, с. 55]. Обосновывается данная точка зрения тем, что в российском антимонопольном законодательстве прослеживается доминирование публичных отношений, при которых антимонопольная служба обязана реагировать на факты недобросовестной конкуренции в форме государственно-властных действий независимо от наличия волеизъявления хозяйствующего субъекта, которому был причинен вред. На наш взгляд, это суждение, несомненно, заслуживает внимания, так как роль антимонопольного органа в процессе выявления, пресечения и устранения, в том числе фактов недобросовестной конкуренции, действительно занимает основополагающее значение, о чем более подробно рассмотрим в данном исследовании чуть позже.

Отношения в сфере рекламы регулируются Федеральным законом «О рекламе» от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ (далее – Закон о рекламе). Исходя из положений данного нормативного правового акта под ненадлежащей рекламой следует понимать рекламу, которая «не соответствует требованиям Российского законодательства». М. А. Федотов отмечает, что ненадлежащая реклама представляет собой «недобросовестную, недостоверную, неэтичную, заведомо лож-

ную и иную рекламу, в которой допущены нарушения требований к ее содержанию, времени, месту и способу распространения» [11].

Ненадлежащая реклама подразделяется на недобросовестную и недостоверную. Понятие недобросовестной рекламы установлено ст. 5 Закона о рекламе, согласно которой недобросовестной является та реклама, которая:

- дает некорректное сравнение рекламируемого товара;
- порочит честь, достоинство или деловую репутацию лица;
- представляет собой рекламу товара, реклама которого запрещена, если она осуществляется под видом рекламы другого товара, товарного знака или знака обслуживания, которому тождествен или сходен до степени смешения с товарным знаком или знаком обслуживания товара, в отношении рекламы которого установлены соответствующие требования и ограничения, а также под видом рекламы изготовителя или продавца такого товара;
- является актом недобросовестной конкуренции.

Понятие недостоверной рекламы закреплено также в ст. 5 Закона о рекламе. Под такой рекламой понимается реклама, содержащая сведения о следующем:

- преимущества рекламируемого товара перед находящимися в обороте товарами, которые произведены другими изготовителями или реализуются другими продавцами;
- любые характеристики товара, в том числе его природа, состав, способ и дата изготовления, назначение, потребительские свойства, условия применения, место его происхождения, наличие сертификата или декларации о соответствии, знаки обращения на рынке, сроки службы и годности товара;
- ассортимент и комплектация товаров, а также возможности их приобретения в определенном месте или в течение определенного срока и др.

Несомненно, ненадлежащая реклама несет в себе существенные последствия. Следует отметить, что ее использование влияет как на конкурирующих хозяйствующих субъектов, так и на конечных потребителей. Лишь достоверная информация о товаре позволяет сделать потребителю оптимальный выбор с учетом приемлемого соотношения цены, качества и иных требуемых характеристик. Добросовестным производителям и продавцам этот инструмент позволяет продать действительно требуемый для покупателя товар.

В результате применения ненадлежащей рекламы покупатель может быть введен в заблуждение относительно истинных качеств товара, после чего велик риск того, что покупка в скором времени приходит в негодность или вообще оказывается ненужной. Также при этом страдают добросовестные производители и продавцы, теряя прибыль по причине того, что покупатель в меньшей степени обращает внимания на их рекламируемый товар или не обращает вообще.

В результате проведенного анализа судебной практики и отчетных документов [4] Федеральной антимонопольной службы, определены основные формы использования ненадлежащей рекламы. Далее рассмотрим их отдельно и более подробно.

Запрет на недобросовестную конкуренцию путем некорректного сравнения является одним из самых частых нарушений антимонопольного законодательства. Доля данного нарушения среди всех нарушений законодательства о рекламе по данным 2020 г. составляет 12,48 %. Прямой запрет на такие действия содержится в ст. 14.3 Закона о конкуренции. Суть заключается в создании впечатления о превосходстве определенного конкурента или его товара путем использования, в том числе и в его рекламе, таких слов, как «лучший», «первый», «номер один» и т. п.

Однако рекламировать товар путем сравнения можно в том случае, если такое действие будет сопровождаться «указанием конкретного критерия, по которому осуществляется сравнение и который имеет объективное подтверждение» [8]. Так примером корректного сравнения является следующая реклама банка «Тинькофф»: «Банк «Тинькофф» – самый большой онлайн-банк в мире (по данным исследования корпорации Фрост энд Салливан «Глобальный рейтинг онлайн-банков» 2016 года по количеству клиентов в категории независимых онлайн-банков без клиентских офисов, не входящих в альянсы и группы, включающие банковские организации с клиентскими офисами)» [10]. В данном случае приведено подробное подтверждение сравнительных преимуществ компании, которые были заявлены. Подобные действия являются правомерными.

Ярким примером ненадлежащей рекламы, сопровождающейся некорректным сравнением, является реклама витаминного комплекса «Супрадин», транслирующаяся в эфире федерального телеканала в феврале 2020 г. В рекламном видеоролике говорилось, что данный препарат «с самой сильной формулой, а дозировка в нем в 3 раза выше, чем у многих...» [9]. При этом отсутствовало какое-либо сопровождение, подтверждающее заявленное суждение. Следствием этого явилось вынесение предписания ФАС с требованием об устранении данного нарушения. Стоит отметить, что подобная информация, а также реклама, указывающая на лечебные свойства продукта или его положительное влияние на организм, но не имеющая таковых, вредит потребителю тем, что оказывает психологическую поддержку в виде того, что потребитель будет «здоров», создавая при этом эффект плацебо.

Следующая форма выражена в виде нарушения запрета на недобросовестную конкуренцию путем введения в заблуждение характеризуется распространением позитивной информации относительно своего товара или себя самого. Для признания такого распространения информации в качестве акта недобросовестной конкуренции необходимо, чтобы она не соответствовала действительности, иначе такое поведение будет считаться правомерным.

Также законом установлен запрет на недобросовестную конкуренцию путем дискредитации. Форма использования ненадлежащей рекламы, связанная с этим нарушением, отличается от предыдущей тем, что она выражена в виде распространения негативной информации, содержание которой направлено исключительно на деятельность конкурента. Целью такого нарушения прежде всего выступает нанесение вреда деловой репутации конкурирующего хозяйствующего субъекта. Для признания действий нарушением антимонопольного

законодательства в форме дискредитации необходимо соответствие таких действий трем условиям: распространение информации в отношении продукта конкурента и (или) самого конкурента; ложность распространяемой информации; причинение или возможность причинения вреда деловой репутации.

Кроме того, существует запрет на недобросовестную конкуренцию, связанную с использованием результатов интеллектуальной деятельности. Под результатами интеллектуальной собственности понимается коммерческий нематериальный продукт, охраняемый законом. К результатам интеллектуальной деятельности относятся «произведения науки, литературы и искусства, программы для электронных вычислительных машин, базы данных, фонограммы, сообщение в эфир либо по кабелю радио- или телепередач, изобретения, полезные модели, промышленные образцы, секреты производства (ноу-хау)» и др. (ст. 1225 Гражданского кодекса РФ). Данный запрет характеризуется использованием результатов интеллектуальной деятельности путем введения в оборот товара посредством продажи, обмена и иным образом без получения санкции правообладателя интеллектуальных прав в тех случаях, когда это требование предусмотрено.

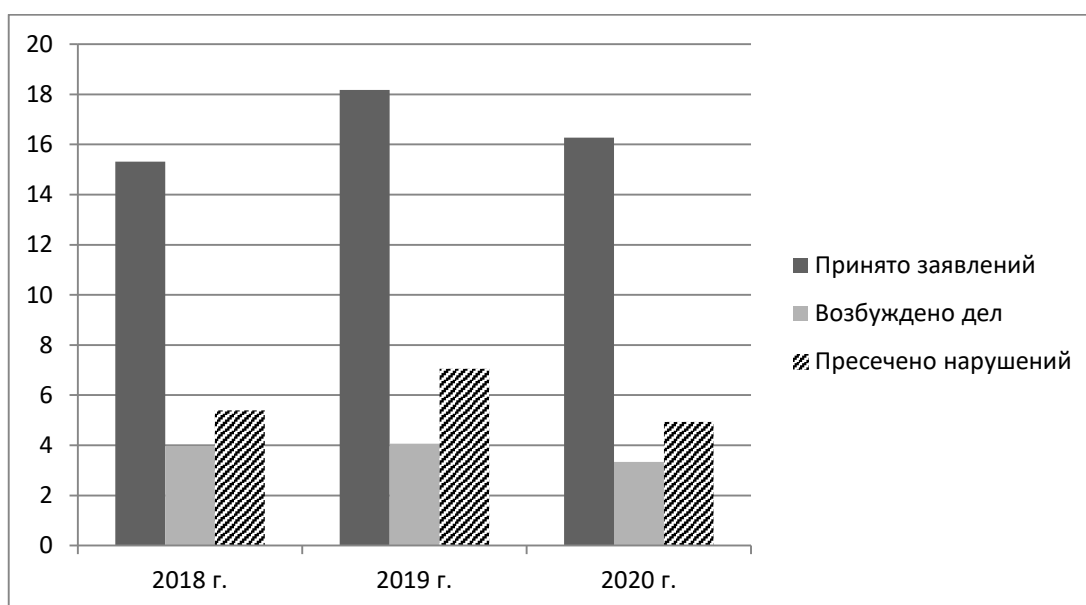
Рассмотрим следующую форму, суть которой заключается в реализации товара хозяйствующим субъектом под видом товара конкурента. К основным способам совершения данных действий относятся: во-первых, использование средств индивидуализации продукции (товарных знаков) или юридического лица (фирменное наименование, коммерческие обозначения); во-вторых, копирование и имитация внешнего вида товара конкурента. Копированием в данном случае является воспроизведение внешнего вида изделия товара другого хозяйствующего субъекта. Это своего рода подражание товару конкурента с целью создания у покупателя впечатления о принадлежности таких товаров к линейке имитируемых тем или иным хозяйствующим субъектом [7].

Как уже отмечалось ранее, на антимонопольную службу возложена обязанность реагировать на нарушения антимонопольного законодательства. Применительно к теме исследования, выявив признаки нарушений законодательства о рекламе, ФАС РФ в соответствии с Законом о конкуренции принимает решение о возбуждении дела и выносит определение о назначении к рассмотрению. Далее копии указанных документов направляются участвующим в деле лицам (заявителю, ответчику, заинтересованным лицам). Установив вину ответчика, ФАС РФ выносит решение и основанные на нем предписание и заключение. Предписание является документом, который представляет собой распоряжение, понуждающее виновное лицо к совершению определенных действий. В случае неисполнения в установленный срок указанных действий, лицо привлекается к административной ответственности, влекущей за собой наложение штрафа в соответствии со ст. 19.5 Кодекса РФ об административных правонарушениях.

Рассматривая статистику, связанную с данной темой, невозможно оставить без внимания то, что факты применения ненадлежащей рекламы имеют место в современной России. Анализируя имеющиеся на момент подготовки

статьи данные Доклада о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2020 г. [4], отметим, что антимонопольной службой за отчетный период было принято 16 278 заявлений, по которым возбуждено производство 3 330 дел о нарушении законодательства о рекламе. При этом пресечено 4 929 нарушений (12,48 % от общего количества).

В 2020 г. отмечается резкое сокращение этих показателей, которое вызвано, в том числе, влиянием пандемии COVID-19 на экономическую активность хозяйствующих субъектов. Так, за 2019 г. [3] было принято 18 179 заявлений, возбуждено производство 4 068 дел (на 18 % больше, чем в 2020 г.), пресечено 7 050 нарушений (на 30 % больше); в 2018 г. [2] принято 15 312 заявлений, возбуждено производство 3 970 дел (на 16 % больше, чем в 2020 г.), пресечено 5 389 (на 9 % больше) (рис.).

Динамика выявления нарушений законодательства о рекламе, тыс.

При этом в 2020 г. возбуждено 3 549 дел об административных правонарушениях, что на 18 % меньше, чем в 2019 г. (4 315 дел). По результатам рассмотрения вынесено 1 332 постановления о наложении штрафа на общую сумму 77 592 250 руб. (в 2019 г. – 1 541 постановление на сумму 114 676 100 руб.), в том числе 12 постановлений о неисполнении предписания на сумму 1 285 000 руб. (в 2019 г. – 29 постановлений на сумму 3 178 000 руб.).

Стоит отметить и заметное снижение значений выявленной недостоверной рекламы (в 2020 г. – 12,48 % от общего количества всех выявленных нарушений, в 2019 г. – 22,4 %). Распространение рекламы, вводящей в заблуждение, в 2020 г. составляет 6,47 % от всех нарушений, что существенно ниже данных 2019 г. (14,45 %). Но при этом отмечается некоторое увеличение недобросовестной рекламы: в 2020 г. – 3,27 % от общего числа всех нарушений (в 2019 г. – 1,96 %).

В заключении, резюмируя сказанное, отметим, что ненадлежащая реклама, являясь одним из проявлений недобросовестной конкуренции, несет в себе значительные последствия, влияющие как на покупателя, так и на конкуриру-

ющих хозяйствующих субъектов. Реклама, которая не соответствует требованиям законодательства, подлежит устранению. В данном случае активную роль играет антимонопольная служба, привлекая к ответственности виновных лиц.

Собственно реклама не несет в себе каких-либо отрицательных последствий при условии, что она надлежащая. В современных условиях данный инструмент является даже необходимым для поддержания конкуренции хозяйствующих субъектов, что обеспечивает, в том числе, и эффективное экономическое развитие экономики любого государства, а также способствует стабильности в вопросах обеспечения национальной безопасности.

Список использованной литературы

1. Дозорцев В. А. Недобросовестная конкуренция или несправедливая? / В. А. Дозорцев // Юридический мир. – 1997. – № 4. – С. 29–33.
2. Доклад ФАС о состоянии конкуренции в РФ за 2018 г. – URL: <https://fas.gov.ru/documents/685806> (дата обращения: 27.03.2022).
3. Доклад ФАС о состоянии конкуренции в РФ за 2019 г. – URL: <https://fas.gov.ru/documents/687048> (дата обращения: 27.03.2022).
4. Доклад ФАС о состоянии конкуренции в РФ за 2020 г. – URL: <https://fas.gov.ru/documents/687866> (дата обращения: 27.03.2022).
5. Еременко В. И. О пресечении недобросовестной конкуренции / В. И. Еременко // Вопросы изобретательства. – 1992. – № 1-2. – С. 29.
6. Загайнов В. В. Понятие «недобросовестная конкуренция» с позиции частных и публичных правоотношений / В. В. Загайнов, Е. В. Кузнецов // Сибирский юридический вестник. – 2022. – № 1 (96). – С. 50–56.
7. О применении «четвертого антимонопольного пакета» (п. 9.6) : письмо ФАС от 24 дек. 2015 г. № ИА/74666/15. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/420347328> (дата обращения: 27.03.2022).
8. О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами Федерального закона «О рекламе» : постановление Пленума ВАС РФ от 8 окт. 2012 г. № 58 // Вестник ВАС РФ. – 2012. – № 12.
9. Реклама Супрадин. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wrWMiP-uKi8> (дата обращения: 27.03.2022).
10. Реклама банка «Тинькофф». – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=tYQslcGDcF8&t=54s> (дата обращения: 27.03.2022).
11. Федотов М. А. Информационное право : учебник для вузов / М. А. Федотов [и др.]. – Москва : Юрайт, 2022. – 497 с.

Информация об авторах

Пахалеев Владимир Михайлович – студент, Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия, 664074, г. Иркутск, ул. Ивана Франко, 23а, e-mail: pakhaleevv@yandex.ru.

Ушаков Вячеслав Николаевич – студент, Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия, 664074, г. Иркутск, ул. Ивана Франко, 23а, e-mail: ushakov-sl@mail.ru.

Смирнов Алексей Сергеевич – студент, Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия, 664074, г. Иркутск, ул. Ивана Франко, 23а, e-mail: aleksey.smirnov93@mail.ru.

Научный руководитель: кандидат педагогических наук, доцент кафедры общетеоретических и государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия Е. Л. Власова.

Authors

Pakhaleev Vladimir Mikhailovich – student, East-Siberian branch of the Russian State University of Justice, 23a Ivana Franko st., Irkutsk, 664074, e-mail: pakhaleevv@yandex.ru.

Ushakov Vyacheslav Nikolaevich – student, East-Siberian branch of the Russian State University of Justice, 23a Ivana Franko st., Irkutsk, 664074, e-mail: ushakov-sl@mail.ru.

Smirnov Aleksey Sergeevich – student, East-Siberian branch of the Russian State University of Justice, 23a Ivana Franko st., Irkutsk, 664074, e-mail: aleksey.smirnov93@mail.ru.

А. А. Петров

ВОПРОС ПРАВА КАК ОГРАНИЧИТЕЛЬ КОМПЕТЕНЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье обосновывается необходимость углубленного изучения принципа, согласно которому Конституционный Суд Российской Федерации решает исключительно вопросы права. Этот принцип ограничивает Конституционный Суд в осуществлении принадлежащих ему полномочий, что подтверждается примерами из практики судебного конституционного контроля. Несмотря на исключительную важность указанного принципа, он не получил достаточного раскрытия ни в практике Конституционного Суда, ни в юридической науке. Высказано суждение о том, что вопросы о проверке некоторых объектов конституционного контроля не могут быть разрешены Конституционным Судом на основании Конституции РФ, в силу чего такие вопросы не являются вопросами права по смыслу Закона о Конституционном Суде.

Ключевые слова: судебный конституционный контроль; полномочия Конституционного Суда; вопрос права; судебная власть.

А. А. Petrov

QUESTION OF LAW AS A LIMITER OF COMPETENCE OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

The paper substantiates necessity of an in-depth study of the principle according to which the Constitutional Court of the Russian Federation decides exclusively questions of law. This principle limits the Constitutional Court in exercising its powers, which is confirmed by examples from the practice of judicial constitutional control. At the same time, despite the exceptional importance of this principle, it has not received sufficient disclosure either in the practice of the Constitutional Court or in legal science. It is argued that the issues of verification of certain objects of constitutional control cannot be resolved by the Constitutional Court on the basis of the Constitution, which is why such issues are not questions of law within the meaning of the Law on the Constitutional Court.

Keywords: judicial constitutional review; powers of the Constitutional Court; question of law; judicial power.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации полномочия Конституционного Суда Российской Федерации устанавливаются Конституцией и федеральным конституционным законом (ч. 8 ст. 125 и ч. 3 ст. 128). Обычно под полномочиями органа публичной власти понимается его права и обязанности, а применительно к суду – круг дел, которые он вправе рассматривать. Пе-

речень категорий дел, рассмотрение и разрешение которых относится к полномочиям Конституционного Суда, закреплен в ст. 125 Конституции Российской Федерации. Одновременно Конституция допускает определение полномочий Конституционного Суда также федеральным конституционным законом, в связи с чем этот перечень расширен в ст. 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (далее – Закон о Конституционном Суде).

Вместе с тем определение полномочий Конституционного Суда не исчерпывается лишь формальным определением дел, которые он вправе рассматривать. Необходимо учитывать, что Конституционный Суд занимает особое место как в судебной системе, так и в системе власти в целом. Согласно ч. 1 ст. 125 Конституции, Конституционный Суд является высшим судебным органом конституционного контроля в Российской Федерации, осуществляющим судебную власть посредством конституционного судопроизводства в целях защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции на всей территории Российской Федерации. Это же положение закреплено и в Законе о Конституционном Суде (ст. 1). Таким образом, законодатель не только перечисляет вопросы, которые относятся к компетенции Конституционного Суда, но и нормативно определяет его правовую природу.

Конституционно-правовая характеристика Конституционного Суда играет двоякую роль. С одной стороны, она определяет общие, предельно возможные рамки его полномочий. Например, если тот или иной вопрос не охватывается правовой природой Конституционного Суда, то данный вопрос в принципе не может быть отнесен к его полномочиям. Кроме того, характеристика Конституционного Суда как судебного органа конституционного контроля позволяет наделять его в будущем полномочиями по рассмотрению и разрешению иных конституционно-правовых по своей природе споров (см. абз. 3, п. 5.2 мотивировочной части постановления Конституционного Суда от 21 марта 2007 г. № 3-П). С другой стороны, характеристика Конституционного Суда установлена одновременно с его полномочиями, а значит, она оказывает ограничивающее регулирующее воздействие и на те полномочия, которыми Конституционный Суд наделен уже сейчас. В то же время сама по себе формулировка ч. 1 ст. 125 Конституции и ст. 1 Закона о Конституционном Суде не позволяет с достаточной точностью выявить направления такого воздействия. В связи с этим Закон о Конституционном Суде содержит ряд установлений «промежуточного» характера, которые конкретизируют правовую характеристику Конституционного Суда в целях уточнения рамок осуществления его полномочий. Одно из таких установлений содержится в ч. 3 ст. 3 Закона о Конституционном Суде, которая гласит, что Конституционный Суд решает исключительно вопросы права.

Несмотря на фундаментальное значение этого принципа, его нормативное содержание в литературе практически не исследовано. Имеющиеся суждения сводятся в основном к тому, что Конституционный Суд не решает вопросы, которые вопросами права не являются (политические, экономические и т. п.).

Отдельные примеры применения ч. 3 ст. 3 Закона о Конституционном Суде имеются в практике самого Конституционного Суда, но и они не столько помогают раскрыть содержание этого законоположения, сколько указывают на вопросы, лежащие за его рамками. Так, в определении от 20 ноября 1995 г. № 77-О Конституционный Суд указал, что должен воздерживаться от рассмотрения дел, в которых по сути преобладают аспекты политической целесообразности (абз. 2 п. 2 мотивировочной части). В постановлении Конституционного Суда от 31 июля 1995 г. № 10-П отмечено, что Конституционный Суд не рассматривает вопрос о политической целесообразности принятых решений, равно как об адекватности осуществлявшихся на их основе мер (абз. 10 п. 2 мотивировочной части).

Таким образом, как в науке, так и на практике сложился такой подход к пониманию принципа решения Конституционным Судом вопросов права, который основан на отрицании компетенции Конституционного Суда рассматривать и решать определенные вопросы в рамках осуществления его полномочий. При всей ценности такого подхода он не позволяет ответить на вопрос о том, что представляют собой собственно «вопросы права», которые Конституционный Суд уполномочен решать. Попытки определить содержание понятия вопросов права применительно к конституционному правосудию предпринимались в науке, но они не представляются достаточно убедительными. Так, Е. В. Тарибо под вопросами права понимает вопросы толкования Конституции, определение принадлежности спорной компетенции, проверку конституционности международных договоров, инициативы проведения референдума или соблюдения процедуры импичмента, а также вопросы о конституционности нормативного правового акта [2]. Однако принцип решения только вопросов права установлен законодателем одновременно с определением полномочий Конституционного Суда по толкованию Конституции, нормоконтролю, разрешению споров о компетенции и т. п. Поэтому фактическое отождествление вопросов права с полномочиями Конституционного Суда не имеет ни практического смысла, ни правовых оснований. Здесь следует еще добавить, что Закон о Конституционном Суде требует от заявителя определить свою позицию по поставленному в обращении вопросу и сформулировать ее правовое обоснование со ссылками на соответствующие положения Конституции (п. 8 ч. 2 ст. 37); тем самым любой вопрос, который ставится перед Конституционным Судом, можно «технически» облечь в правовую форму, даже если по своей сути он не является вопросом права.

Итак, что же такое «вопросы права» по смыслу ч. 3 ст. 3 Закона о Конституционном Суде?

Представляется, что подходы к ответу на этот вопрос лежат в самой конструкции анализируемого законоположения. Из указания о том, что Конституционный Суд решает только вопросы права, следует, что все вопросы, которые Конституционный Суд вправе решать в рамках осуществления своих полномочий, являются вопросами права. Даже устанавливая фактические обстоятельства в случаях, когда это возможно по смыслу ч. 4 ст. 3 Закона о Конституци-

онном Суде, Конституционный Суд делает это в конечном счете именно в целях решения вопросов права (здесь следует заметить, что законодатель говорит об «установлении фактических обстоятельств», а не о «решении вопросов факта» – это не совпадающие понятия). Иными словами, не только Конституционный Суд решает вопросы права, но и сами вопросы права таковы, что они могут быть разрешены именно Конституционным Судом. Следовательно, природа вопросов права неразрывно связана с природой деятельности Конституционного Суда, с его предназначением в системе власти. Как уже было отмечено, Конституция определяет Конституционный Суд как судебный орган конституционного контроля, обеспечивающий верховенство и прямое действие Конституции. Сопоставляя это установление с принципом решения Конституционным Судом исключительно вопросов права, можно прийти к выводу о том, что вопрос права в смысле Закона о Конституционном Суде – это такой вопрос, который может быть решен Конституционным Судом на основании положений Конституции.

Этот тезис на первый взгляд представляется слишком очевидным. Однако он указывает на наличие объективных ограничений для осуществления полномочий Конституционного Суда, вытекающих из особенностей Конституции: если Конституция не содержит положений, на основании которых Конституционный Суд мог бы дать ответ на вопрос, поставленный заявителем, то этот вопрос не может быть разрешен им на основании Конституции. В этом случае решение такого вопроса требует применения принципиально других средств, которые несовместимы с природой и целями деятельности Конституционного Суда.

Описанная ситуация может возникать, например, в случае оспаривания конституционности норм концептуального характера, закладывающих основы содержания и развития правового регулирования в определенной сфере. Судья Конституционного Суда М. И. Клеандров в особом мнении по делу о проверке конституционности ряда положений Федерального закона «О связи» справедливо отметил, что «конституционное правосудие сегодня не призвано (да и по причинам процессуального характера пока не способно) осуществлять конституционный надзор в отношении в целом организационно-правового механизма любой крупной целевой программы» [1]. Определение концепции правового регулирования – это выбор, который, хотя и осуществляется в конституционных рамках, но который делается на основе учета факторов социального, экономического, политического и иного подобного (неправового) характера. Предписания концептуального характера зачастую формулируются в виде норм-принципов, при том, что и положения Конституции, на соответствие которым предлагается такие нормы проверить, также характеризуются высшей степенью нормативной обобщенности. В такой ситуации крайне затруднено, а зачастую и невозможно, сформулировать и обосновать вывод относительно конституционности оспариваемых норм на основании исключительно правовых аргументов.

С наименьшими сложностями Конституционный Суд может столкнуться, рассматривая вопросы о проверке конституционности норм, имеющих узкоспе-

специализированный предмет правового регулирования и в силу этого не затрагивающих конституционные ценности, которые подлежат охране средствами конституционного правосудия. В качестве примера такой нормы можно привести правило абз. 3 п. 13 Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (утв. приказом Минобрнауки России от 10 ноября 2017 г. № 1093), согласно которому общее количество членов диссертационного совета должно быть не менее 11 чел. Это настолько «тонкое» регулирование, что его практически невозможно сопоставить с конкретными положениями Конституции.

Таким образом, закрепленный в ч. 3 ст. 3 Закона о Конституционном Суде принцип, согласно которому Конституционный Суд решает исключительно вопросы права, требует дальнейшего изучения в целях определения его влияния на пределы осуществления полномочий Конституционного Суда. Выработка системных представлений об этом вопросе будет способствовать укреплению положения Конституционного Суда как самостоятельного органа, наделенного уникальными прерогативами в системе публичной власти.

Список использованной литературы

1. Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации М. И. Клеандрова по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «О связи» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 11. – Ст. 1230.

2. Тарибо Е. В. Судебный конституционный нормоконтроль: осмысление российского опыта. – Москва : НОРМА, 2018. – 256 с.

Информация об авторе

Петров Алексей Александрович – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: petrov-a-irk@mail.ru.

Author

Petrov Aleksei Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, the Chair of Constitutional and Administrative Law, Baikal State University, 11 Lenin st., Irkutsk, 664003, e-mail: petrov-a-irk@mail.ru.

ПРОБЛЕМА ДИНАМИКО-ЭВОЛЮТИВНОГО ТОЛКОВАНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРАВОЗАЩИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

В статье исследуется проблема динамичного толкования Конвенции о защите прав человека и основных свобод в практике Европейского Суда по правам человека. Обращается внимание на порядок установления красных линий, ограничивающих пределы интерпретации текста правозащитного акта. Сделан вывод о необходимости поиска правозащитных механизмов регионального уровня, релевантных для России, учитывающих негативный опыт деятельности Европейского Суда по правам человека.

Ключевые слова: Европейский Суд по правам человека; динамико-эволютивное толкование; Конституция РФ; Содружество независимых государств; Шанхайская организация сотрудничества.

T. V. Prikhodko

THE DYNAMIC-EVOLUTIVE INTERPRETATION'S PROBLEM IN PRACTICE OF REGIONAL HUMAN RIGHTS ORGANIZATIONS

The author investigates the problem of dynamic-evolutionary interpretation of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms in the practice of the European Court of Human Rights. The attention is drawn to the procedure for establishing of the interpretation's limits of the human rights' act. It is concluded that it is necessary to search for regional human rights mechanisms that are relevant for Russia, taking into account the negative experience of the European Court of Human Rights.

Key words: European Court of Human Rights; dynamic and evolutionary interpretation; Constitution of the Russian Federation; Commonwealth of Independent States; Shanghai Cooperation Organization.

Исполнение решений Европейского Суда по правам человека в Российской Федерации с 2015 г. приобрело проблемный характер [1]. Согласно вышедшему в свет в марте 2021 г. докладу Комитета министров Совета Европы, каждое пятое решение в отношении России оставалось без реализации и вынужденно поступало на рассмотрение Комитета министров в соответствии со ст. 46 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция). Сумма предписанной выплаты РФ по жалобам в 2020 г составила 11 458 094 евро [4].

Напомним, что в результате вступивших в силу 4 июля 2020 г. поправок к Конституции РФ высшим актом государства была закреплена возможность не-

исполнения решений Европейского Суда по правам человека в случае их противоречия конституционным положениям.

Представляется, что непоследнюю роль в определении характера юридической значимости решений Европейского Суда по правам человека сыграл динамико-эволютивный подход суда, применяемый к толкованию Конвенции. Дело в том, что при рассмотрении индивидуальных жалоб и межгосударственных споров суд так или иначе занят вопросом интерпретации Конвенции.

Отмечалось, что Конвенция – это живой организм, стагнация которого не допустима, а действенная защита прав и основных свобод возможна лишь с принятием во внимание «современных условий» [5].

На первый взгляд такая позиция представляется весьма обоснованной, поскольку без учета актуальных обстоятельств с большой вероятностью положения правозащитного акта останутся исключительно декларативными.

Но в то же время динамичное толкование может привести к инверсии текста, изменению до неузнаваемости того первоначального смысла Конвенции, который согласились исполнять Высокие Договаривающиеся Стороны.

В этой связи систематически с середины 80-х гг. XX в. в деятельности Европейского Суда по правам человека начал подниматься вопрос о пределах эволютивного толкования, иными словами об установлении красных линий, выход за которые означал бы уже не интерпретацию существующего, а – создание совершенно нового текста.

Некоторые поиски таких пределов отмечены практикой Европейского Суда по правам человека. Так, в одном из постановлений суд констатировал, что динамичное толкование не должно приводить к формулированию нового права или свободы, не охваченного Конвенцией изначально [2].

Кроме этого предпосылками генезиса конвенционного смысла был назван сложившийся «европейский консенсус в отношении того, каких стандартов необходимо достигнуть» [3], т. е. принятый государствами Европы консенсус в определенной сфере определяет вектор принятого решения суда. Вместе с тем практика деятельности Европейского Суда богата примерами трудностей в понимании достигнутого единодушия.

Таким образом, выход Российской Федерации из Совета Европы, последовавшая денонсация Конвенции и приостановление членства в Совете по правам человека ООН заставляют задуматься о поисках иных правозащитных институтов. Представляется, что международные органы подобного рода могут быть созданы на базе Шанхайской организации сотрудничества или Содружества независимых государств, при этом учет негативного опыта Европейского Суда по правам человека в интерпретации основополагающего акта имеет первостепенное значение.

Список использованной литературы

1. По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона

«О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы : постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru.

2. Johnston and Others v Ireland: ECHR' judgment of 18 December 1986 (appl. no. 9697/82). – URL: [https://hudoc.echr.coe.int/fre#{%22itemid%22:\[%22001-57508%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/fre#{%22itemid%22:[%22001-57508%22]}) (дата обращения: 10.04.2022).

3. Hirst v. the United Kingdom. ECHR' judgment of 6 October 2005 (appl. no. 74025/01) – URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22fulltext%22:\[%22Hirst%20v.%20the%20United%20Kingdom%22\],%22documentcollectionid2%22:\[%22GRANDCHAMBER%22,%22CHAMBER%22\],%22itemid%22:\[%22001-70442%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22fulltext%22:[%22Hirst%20v.%20the%20United%20Kingdom%22],%22documentcollectionid2%22:[%22GRANDCHAMBER%22,%22CHAMBER%22],%22itemid%22:[%22001-70442%22]}) (дата обращения: 10.04.2022).

4. Supervision of the execution of judgments and decisions of The European Court of Human Rights 2020. – URL: <https://rm.coe.int/2020-cm-annual-report-eng/1680a1f4e8> (дата обращения: 10.04.2022).

5. X and Others v. Austria: ECHR' judgment of 19 February 2013 (appl. no. 19010/07). – URL: [https://hudoc.echr.coe.int/fre#{%22itemid%22:\[%22001-116735%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/fre#{%22itemid%22:[%22001-116735%22]}) (дата обращения: 10.04.2022).

Информация об авторе

Приходько Татьяна Викторовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения национальной безопасности, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: prikhodko_tv@mail.ru.

Author

Prikhodko Tatiana Victorovna – Ph.D. in Law, Associate Professor of the Chair of Legal Support of National Security, Baikal State University, 11 Lenin st., Irkutsk, 664003, e-mail: prikhodko_tv@mail.ru.

ПРАВО, ЭКОНОМИКА И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ПОСТКОВИДНОМ МИРЕ

В статье исследуются изменения, произошедшие в государственном регулировании экономических отношений в условиях обеспечения национальной безопасности в постковидном мире. Представлен общий анализ Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400, а также иных программных документов. Выделены факторы, оказывающие значительное влияние на состояние защищенности экономических интересов Российской Федерации. Показано, что в ситуации постковидного мира и проводимой против Российской Федерации санкционной политики создание благоприятных условий для экономического роста возможно только за счет либерализации экономического законодательства, устранения чрезмерных административных барьеров.

Ключевые слова: экономическая политика; национальная безопасность; санкционный режим; либерализация; административная реформа.

O. V. Romanovskaya

LAW, ECONOMY AND NATIONAL SECURITY IN THE POST-COVID WORLD

The article examines changes in the state regulation of economic relations in the context of ensuring national security in the post-covid world. A general analysis of the National Security Strategy of the Russian Federation, approved by Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 No. 400, as well as other policy documents, is presented. Factors that have a significant impact on the state of protection of the economic interests of the Russian Federation are identified. It is shown that in the conditions of the post-covid world and the sanctions policy being introduced against the Russian Federation, the creation of favorable conditions for economic growth is possible only in the context of the liberalization of economic legislation and the elimination of excessive administrative barriers.

Keywords: economic policy; national security; sanctions regime; liberalization; administrative reform.

Право и экономика – предмет постоянных исследований: от базового вопроса о первичности / вторичности до пределов вмешательства государства в экономические отношения. Между тем каждый понимает, что экономические возможности являются фундаментом любой деятельности в государстве. Отсутствие финансового обеспечения любого преобразования влечет за собой отказ от провозглашенных целей намеченных реформ. Точно так же объявление

каких-то публичных обязательств (например, в части закрепления социальных и экономических прав) будет напрямую зависеть от материальных возможностей конкретной страны.

Коронавирусная инфекция, обусловившая мировой локдаун, привела к остановке многих технологических цепочек, замедлению производства, а значит и падению основных экономических показателей. Отрицательные колебания в биржевых индексах, отсутствие роста ВВП (в некоторых странах и его падение), инфляция стали характерной чертой этих двух лет пандемии. Каждое государство еще четче стало представлять, что экономика – базис национальной безопасности. В Российской Федерации это получило отражение в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 (далее – Стратегия). Отрадно отметить, что в первых положениях Стратегии указывается, что «только гармоничное сочетание сильной державы и благополучия человека обеспечит формирование справедливого общества и процветание России».

Анализ Стратегии показывает, что в этом документе вопросам экономики уделяется первичное внимание. В ней есть констатирующие положения. В частности – угроза со стороны стран Запада сохранить свою гегемонию (экономическую, но с помощью политических рычагов воздействия), диспропорции в экономическом развитии различных государств, что создает в мире общую напряженность, повышение роли транснациональных корпораций, все чаще конкурирующих с государствами в возможностях влияния на общественные интересы.

Дополнительно подчеркивается, что реализация целей национальной безопасности определяет экономический потенциал страны. Действительно, при отсутствии общего уровня безопасности (в любом государстве) не будут создаваться условия экономической привлекательности (как для внешнего, так и для внутреннего инвестора).

Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 утверждена Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г., которая находится в логической связи со Стратегией. В этом документе представлен обширный перечень основных вызовов и угроз экономической безопасности (всего 25 факторов), среди которых:

- недобросовестная глобальная конкуренция;
- структурные дисбалансы в мировой экономике и финансовой системе;
- санкционная политика в отношении экономики Российской Федерации;
- существование теневой экономики.

Стратегия экономической безопасности предусматривает ряд показателей для ведения регулярного мониторинга, по результатам которого Правительством РФ представляется ежегодный доклад Президенту России.

Стратегия национальной безопасности закрепляет основные направления принимаемых мер для перехода на новый уровень экономического развития и повышения качества жизни граждан:

- преодоление негативных демографических тенденций;

- решение системных проблем в области здравоохранения;
- снижение уровня бедности и расслоения общества по уровню доходов;
- улучшение состояния окружающей среды.

Основные средства достижения заявленных целей заключаются в развитии научного потенциала и повышении качества и доступности образования. Среди основных стратегических национальных приоритетов закрепляются экономическая безопасность и научно-технологическое развитие. Красной нитью Стратегии выступает указание на новый технологический фундамент развития экономики. Обозначены конкретные задачи, которые определяют достижение главной цели экономической безопасности. Перечень достаточно обширный (около 40 позиций), среди которых:

- увеличение инвестиций;
- создание высокотехнологичных производств;
- цифровизация;
- использование технологий искусственного интеллекта;
- преодоление зависимости от импорта по целому ряду секторов экономики;
- преодоление дисбаланса в развитии территорий (в России до сих пор действует понятие «депрессивного региона»);
- деофшоризация экономики.

Либерализация экономики считается признанным рецептом для восстановления нарушенного баланса в условиях критической ситуации, что можно наблюдать в феврале–марте 2022 г. Ответной мерой на увеличивающееся число санкционных мер в отношении Российской Федерации стало создание Правительственной комиссии по повышению устойчивости российской экономики в условиях санкций (утверждена постановлением Правительства РФ от 21 января 2022 г. № 25-2). В максимально быстрые сроки были внесены изменения в Налоговый кодекс России, благодаря которым Правительству России, а также органам государственной власти субъектов Федерации предоставлены права по продлению сроков уплаты налогов, страховых взносов, представлению налоговой и бухгалтерской отчетности, введению дополнительных оснований для предоставления отсрочки (рассрочки) по уплате налогов, страховых взносов. Продлено действие срочных лицензий на 12 месяцев, если их срок истекает до конца текущего года.

Указом Президента РФ от 2 марта 2022 г. № 83 утверждены меры по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации. Одна из мер активно обсуждалась в средствах массовой информации – предоставление отсрочки от призыва на военную службу сотрудникам ИТ-компаний в возрасте до 27 лет.

Для малого и среднего предпринимательства установлены кредитные каникулы. На основании распоряжения Правительства РФ от 4 марта 2022 г. № 411-р выделены соответствующие бюджетные ассигнования. Введен мораторий на проведение плановых и внеплановых проверок со стороны органов государственного контроля и надзора.

Специальные меры поддержки введены для отдельных отраслей экономики: фармацевтика, сельское хозяйство, транспорт, строительная отрасль и ЖКХ. Отдельные решения касались финансовой, банковской и валютной политики государства.

Однако либерализация регулирования экономических отношений должна сопровождаться институциональными изменениями. В противном случае временный правовой режим на некотором этапе начнет конфликтовать с прежней моделью управления. Либо это противоречие обнажится при переходе от мобилизационной к уравновешенной экономике. Анализ российских и зарубежных источников показывает, что существенным фактором технологического развития становится снижение административных барьеров [1], включающих в себя не только введение льгот и отсрочек по обязательным платежам, но и децентрализация административного аппарата [6], постоянная вовлеченность бизнес-сообщества в решение текущих вопросов государственного управления [3]. Есть отработанные формы децентрализации, к которым относится сорегулирование [5], делегирование, саморегулирование [4], а также радикальная форма – дерегулирование [2].

Отдельные элементы находят свое правовое закрепление. Так, в Российской Федерации действует Федеральный закон «О саморегулируемых организациях» от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ. Курс на саморегулирование обозначен в указе Президента РФ «О мерах по проведению административной реформы в 2003–2004 годах» от 23 июля 2003 г. № 824, который продолжает свое действие как идеологический вымпел проходящих преобразований.

Сорегулирование предполагает участие бизнес-сообщества в принятии обязательных решений, определяющих правовой режим той или иной деятельности. Тем самым решается ряд задач: от реализации права на участие в управлении делами государства до повышения ответственности институтов гражданского общества в реализации общественно значимых запросов. Кстати, даже в условиях советской плановой экономики сорегулирование практиковалось, когда Академия наук СССР выступала партнером органов государственной власти при принятии нормативных актов. Практика показывала, что такое совместное нормотворчество отнюдь не было штамповкой заранее обозначенных документов.

Подобные меры изменят подходы организации и деятельности административного аппарата, приведут к реальным сокращениям (а не к имитационным). Государство должно оставить за собой только отдельные контрольные и надзорные функции, но в тех пределах, которые не давят предпринимательскую инициативу. Это означает, что наложение друг на друга двух таких негативных факторов, как постковидное состояние современного мира и санкционное давление, осуществляемое на Российскую Федерацию, обусловит формулирование нового этапа административной реформы. В этих рамках должны произойти либерализация регулирования экономических отношений, предоставление дополнительных свобод субъектам предпринимательской деятельности, сокращение государственного аппарата и высвобождение бюджетных ресурсов.

Список использованной литературы

1. Гаджиев Г. А. Экономическая эффективность, правовая этика и доверие к государству / Г. А. Гаджиев // Журнал российского права. – 2012. – № 1. – С. 10–21.
2. Егорова М. А. Основные направления совершенствования механизмов саморегулирования деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства / М. А. Егорова // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2016. – № 2. – С. 27–33.
3. Петров Д. А. Квazисаморегулируемые организации в сфере предпринимательства / Д. А. Петров // Государственная власть и местное самоуправление. – 2015. – № 4. – С. 54–59.
4. Романовская О. В. Цифровые технологии и деконцентрация государственной власти / О. В. Романовская, Г. Б. Романовский // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 8. – С. 36–40.
5. Шумилов В. М. Концепция глобального права и глобальной нормативной системы / В. М. Шумилов // Современный юрист. – 2015. – № 3. – С. 70–87.
6. Lyons D. The Administrative Law of Deregulation: The Long Road for the Trump Administration to Undo Obama-Era Regulations / D. Lyons // Boston Bar Journal. – 2017. – Vol. 61.

Информация об авторе

Романовская Ольга Валентиновна – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин, Пензенский государственный университет, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40, e-mail: vlad93@sura.ru.

Author

Romanovskaya Olga Valentinovna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department State-Legal Disciplines, Penza State University, 40 Krasnaya st., Penza, 440026, e-mail: vlad93@sura.ru.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ (ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ*)

В статье исследуются особенности функционирования социальных сетей, которые обуславливают специальные подходы к их правовому регулированию. К таковым относятся: отсутствие монополии в регулировании Интернета; невозможность введения границ цифрового мира; взаимозависимость технических преград в киберпространстве и механизмов их преодоления. В числе оснований регулирования социальных сетей ключевым выступает обязанность государства по обеспечению национальной безопасности. Представлена концепция Китайской Народной Республики, получившая название «Золотой щит», в рамках которой особое значение уделяется фильтрации контента. Выделен также германский опыт регулирования, связанный с принятием Закона об улучшении правоприменения в социальных сетях. В рамках сравнительно-правового исследования изучен проект Акта о безопасности в Интернете, разработанный в Великобритании в 2021 г.

Ключевые слова: социальная сеть; Интернет; регулирование; национальная безопасность; зарубежный опыт; Китай; Германия; Великобритания.

V. G. Romanovskiy

SOCIAL NETWORKS AND NATIONAL SECURITY (PROBLEMS OF LEGAL REGULATION)

The article examines the features of the functioning of social networks, which determine special approaches to their legal regulation. These include: the absence of a monopoly in the regulation of the Internet; the impossibility of introducing the boundaries of the digital world; interdependence of technical barriers in cyberspace and mechanisms for overcoming them. Among the grounds for regulating social networks, the key is the duty of the state to ensure national security. The concept of the People's Republic of China, called the «Golden Shield», is presented, in which special attention is paid to content filtering. The German experience of regulation associated with the adoption of the Law on the Improvement of Law Enforcement in Social Networks is also highlighted. As part of a comparative legal study, the draft Internet Safety Act, developed in the UK in 2021, was studied.

Keywords: social network; Internet; regulation; national security; foreign experience; China; Germany; Great Britain.

* Публикация выполнена по гранту Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук № МК-390.2021.2.

Социальные сети все больше приобретают различных функций, переходя от площадки для развлечений и межличностного общения по интересам к форме любых коммуникаций, известных современному человеку. Благодаря им можно не только выстраивать личные связи, экономические отношения, но и формировать политическое поле. Это вызывает определенную обеспокоенность у всех государств, чувствующих отход от монополии в предоставлении информации и создании национальной идеологии. Транснациональность цифрового пространства приводит к тому, что зачастую нарративы создаются не внутри самого государства, а приходят извне. Они могут носить разнообразную эмоциональную окраску и преследовать разносторонние цели. Тем более можно наблюдать особые подходы к таким понятиям, как экстремизм, терроризм, радикализм. Каждое государство пытается внедрить свою систему ценностей, которая, по его пониманию, должна отвечать национальным интересам. Это заставляет заботиться о создании правового поля, в рамках которого должны действовать социальные сети.

Необходимо отметить, что регулирование интернет-пространства – сложная задача, что обусловлено технологическими особенностями. Во-первых, ни одно государство не обладает монополией в регулировании Интернета. Во-вторых, ни одно государство не создало «заветный рубильник», который может установить границы в цифровом мире. В-третьих, создание технических преград в киберпространстве идет одновременно с процессом изобретения механизмов их преодоления. Кстати, второе направление всегда на шаг впереди.

Дополнительные сложности связаны с тем, что ключевые социальные сети – продукт транснациональных корпораций, которые неохотно входят в национальный правовой режим, соглашаясь лишь с базовыми принципами, которые совместимы с их внутренней политикой размещения и удаления контента. К тому же социальные сети предоставляются пользователю бесплатно, что обусловлено рекламными контрактами. Основная часть доходов владельцев социальных сетей получается от продажи таргетированной рекламы. Это означает, что создание каждым государством собственной социальной сети возможно. Однако победителем в конкретной борьбе будет та компания, которая привлечет максимальное число пользователей. И ограничение национальными границами заранее ставит компанию в неравные условия и рано или поздно приведет к технологической деградации. Исходя из этого можно наблюдать успешность только международных социальных сетей, а если и концентрирующихся на внутреннем рынке, то только в государствах, где в силу численности населения возможно значительное число пользователей. Этим объясняется успех китайских технологических продуктов. Успех российских социальных сетей связан с выходом на международные просторы, сжимание же пространства неизбежно приведет к их разрушению.

Сейчас можно наблюдать растущую активность во внедрении специальных правил деятельности социальных сетей, где приоритет принадлежит Китайской Народной Республике, в течение нескольких лет выстроившей границы в рамках проекта «Золотой щит». Зарубежные исследователи используют иное

наименование «Великий китайский файрвол», намекая, тем самым, на «Великую китайскую стену». Началом формирования границ в виртуальном мире можно считать принятие в 2010 г. Закона КНР об охране государственной тайны, где вводились расширенные обязанности всех операторов связи о соблюдении правил защиты государственных секретов. В этом же законе закреплялась обязанность каждого поставщика телекоммуникационных услуг сотрудничать с государственными органами. Вводилось понятие «проблемных данных», которые подпадали под особый правовой режим (ведение учета и фиксации их передачи). Закреплялась возможность удаления контента при наличии угрозы нарушения государственной тайны. Для расширения полномочий контролирующих органов закреплялось емкое понятие государственной тайны, которое охватывало практически любые аспекты экономической, политической жизни китайского общества (при соответствующем указании со стороны государственных структур). Практика показывает, что при наличии малейшей угрозы режим секретности может быть наложен на любые сведения. Так, во время пандемии любые сведения относительно числа заболевших, выздоровевших, находящихся на излечении находились в закрытом доступе. Допускалось цитировать только официальные цифры. Продолжением такой политики стал Закон КНР «О кибербезопасности» от 7 ноября 2016 г., завершивший процесс фрагментации Интернета.

Вызывает научный и практический интерес опыт Германии, где в 2017 г. был принят Закон об улучшении правоприменения в социальных сетях. При его обсуждении в парламенте высказывались обвинения в следовании принципам китайской политики установления государственного контроля. К тому же в стране с устоявшимися принципами демократического государства вводились дополнительные регулятивные функции по отношению к свободной зоне Интернета. Как указывали противники такого регулирования: подобный опыт может стать оправданием для авторитарных государств, вводящих аналогичные или более жесткие правила. Несмотря на такие претензии, закон был принят. Более того, в 2021 г. его зона действия была расширена. Поднятая дискуссия не опровергла необходимость такого регулирования. Представители государственных органов отчетливо подтвердили свою политику по расширению полномочий органов государственной власти в указанной сфере.

В указанном аспекте германский опыт исходит из того, что применительно к социальным сетям, где число пользователей превышает 2 млн чел. на территории ФРГ, вводятся следующие обязанности:

- создание «ответственного лица» на территории Германии, способного вести деловые отношения с органами государственной власти (включая ответы на запросы);
- закрепление на основном интерфейсе формы для подачи обращений от физических и юридических лиц (создание канала обратной связи);
- подготовка регулярных полугодовых отчетов о рассмотрении полученных жалоб.

Закрепление перечня запрещенного к публикации контента осуществлено с помощью отсылочных норм к статьям Уголовного кодекса ФРГ. При этом заведомо незаконный контент должен быть удален в течение 24 ч, а по обращениям – в течение 7 сут. Данные правила подверглись критике. Получалось, что владелец социальной сети должен в течение короткого времени дать юридическую оценку размещенному контенту с определением его соответствия запретам, установленным уголовным законодательством. После этого принять юридически значимое решение. Ссылка на статьи уголовного законодательства фактически ставила знак равенства с фиксацией уголовного преступления [1]. Оппоненты такой модели подчеркивали, что установление виновности – юридически формализованная процедура, имеющая свои стадии процесса и заканчивающаяся вынесением судом обвинительного приговора. В этом же случае на коммерческую организацию возлагается обязанность по юридической квалификации в кратчайшие сроки и без судебного решения и без соблюдения каких-то гарантий, предусмотренных процессуальным законодательством.

Споры о допустимости регулирования социальных сетей в Германии продолжаются по настоящее время. К тому же можно наблюдать повышение накала дискуссии, связанного с размещением различной информации радикального толка. Проведение грани между свободой слова и злоупотреблением данным правом – проблема сама по себе сложная. Ее проявление в киберпространстве создает дополнительные трудности. Но уже сейчас можно констатировать: германские власти не останавливаются, пытаются расширить действие закона. В частности, предъявлены требования к мессенджеру Telegram, получившему функции не только мгновенного обмена информацией между конкретными пользователями, но и распространения сведений между неограниченным числом подписчиков (по аналогии с социальными сетями). В июле 2021 г. Федеральное министерство юстиции предало огласке, что Федеральное управление юстиции (в Германии это два различных органа) рассматривает два административных дела в отношении Telegram о назначении штрафа за нарушения правил, установленных Законом об улучшении правоприменения в социальных сетях. В соответствии с данным законом оператор социальной сети должен установить прямые каналы для получения сообщений о преступном содержании контента и утвердить уполномоченное лицо, которое должно контактировать с немецкими судами по обработке официальных запросов. Между тем Федеральное уголовное ведомство признало, что Telegram как самостоятельно, так и по запросам правоохранительных органов Германии и Европола регулярно удаляет боты и каналы, связанные с террористическими организациями. В то же время Telegram заявлял, что никоим образом «не будет мешать пользователям мирно выражать альтернативные мнения». В результате оператором не удаляются материалы правового экстремистского толка. 26 января 2022 г. Федеральное уголовное ведомство представило доклад, что займется изучением деятельности Telegram на территории Германии, целью которого станет принуждение к соблюдению немецкого законодательства, а именно Закона об улучшении правоприменения в социальных сетях. В докладе указывается:

«Угрозы, оскорбления, призывы к убийству. По данным органов безопасности Германии, мессенджер Telegram все больше становится средством радикализации. Особенно страдают политические деятели и избранные депутаты, а также представители науки и медицины, которые публично участвуют в преодолении пандемии коронавируса» [2].

Аналогичные процессы проходят в Великобритании, где с начала 2021 г. обсуждается проект Акта о безопасности в Интернете (Online Safety Bill). Кстати, изначально попытка закрепления регулятивных функций в отношении социальных сетей в Великобритании произошла в 2017 г. (почти одновременно с принятием в Германии Закона об улучшении правоприменения в социальных сетях). В Великобритании был принят общий закон – Акт о цифровой экономике, где социальным сетям отводилось некоторое место в формирующемся коммерческом секторе. Британский законодатель отталкивался от экономической составляющей деятельности информационных гигантов. Раздел 103 Акта о цифровой экономике предусматривал принятие Кодекса поведения в социальных сетях [3]. Он принят регулятором – Ofcom. При этом Кодекс, выступая документом частноправовой сферы (имея отношение к цифровой экономике), обходит публично-правовые запреты, как например, связанные с противодействием терроризму. Этот пробел и должен восполнить Акт о безопасности в Интернете, предоставляющий Ofcom право наказывать социальные сети, которые не удаляют «законный, но вредный» контент. Эти предложения приветствовались правозащитными организациями, отстаивающими вопросы безопасности детей в виртуальном мире, но подверглись критике со стороны правозащитных организаций, специализирующихся на гражданских свободах (в первую очередь свободе слова). Дискуссии в британском обществе идут по настоящее время. Закон пока не принят.

Таким образом эра абсолютной свободы в Интернете приближается к своему логическому завершению. То, что ранее предполагалось как зона ответственной вольницы, стало площадкой злоупотреблений. Необходимость государственного регулирования не отрицается. Иной момент: пределы вмешательства не определены, есть сложности в техническом обеспечении принимаемых запретов и ограничений. Российское законодательство также идет по пути последовательного принятия правил использования социальных сетей – принят Федеральный закон «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации» от 1 июля 2021 г. № 236-ФЗ. Он имеет схожие положения с законом Германии об улучшении правоприменения в социальных сетях. Практика его реализации пока только нарабатывается.

Список использованной литературы

1. Романовский Г. Б. Права человека и борьба с терроризмом: зарубежный опыт / Г. Б. Романовский, О. В. Романовская. – Москва : Проспект, 2021. – 192 с.

2. Messengerdienste sind kein rechtsfreier Raum. – URL: https://www.bka.de/DE/Presse/Listenseite_Pressemitteilungen/2022/Presse2022/220126_PM_Telegram.html (дата обращения: 15.03.2022).

3. Social Media Code of Practice. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/code-of-practice-for-providers-of-online-social-media-platforms/code-of-practice-for-providers-of-online-social-media-platforms> (дата обращения: 15.03.2022).

Информация об авторе

Романовский Владислав Георгиевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, Пензенский государственный университет, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40, e-mail: vlad93@sura.ru.

Author

Romanovskiy Vladislav Georgievich – Ph.D. in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Penza State University, 40 Krasnaya st., Penza, 440026, e-mail: vlad93@sura.ru.

ЦИФРОВЫЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА, НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ПОСТКОВИДНЫЙ МИР*

В статье представлена концепция цифровых прав, получившая свое развитие в результате пандемийных ограничений из-за коронавирусной инфекции. Тотальный локдаун, вводимый в большинстве стран мира, усилил тенденции перехода коммуникаций в киберпространство. Это привело к формированию цифровых прав как элемента системы основных прав человека. Особенности сетевых технологий обуславливают повышенное внимание к вопросам обеспечения национальной безопасности, что требует пересмотра некоторых подходов в противодействии терроризму. Представлен опыт Китайской Народной Республики, основанный на идее цифрового суверенитета и ограничениях, налагаемых на граждан при общении в социальных сетях.

Ключевые слова: цифровые права; четвертое поколение прав человека; терроризм; киберпространство; социальные сети.

G. B. Romanovskiy

DIGITAL HUMAN RIGHTS, NATIONAL SECURITY AND THE POST-COVID WORLD

The article presents the concept of digital rights, which was developed as a result of pandemic restrictions due to coronavirus infection. The total lockdown, introduced in most countries of the world, has strengthened the trend of communications moving into cyberspace. This led to the formation of digital rights as an element of the system of fundamental human rights. Features of network technologies cause increased attention to the issues of ensuring national security, which requires a revision of some approaches in countering terrorism. The experience of the People's Republic of China, based on the idea of digital sovereignty and restrictions imposed on citizens when communicating in social networks, is presented.

Keywords: digital rights; fourth generation human rights; terrorism; cyberspace; social networks.

Многими исследователями отмечается, что 2022 г. стал переломным в противодействии всего человечества коронавирусной инфекции. Отчасти с этим можно согласиться. Начиная с февраля месяца в большинстве стран снимаются основные ограничения, вызванные эпидемиологической обстановкой. Хотя указывать на полную победу над вирусом еще преждевременно, можно уже сейчас подвести предварительные итоги обустройства социальной жизни в постковидный период.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00096.

Первоначально необходимо отметить, что за эти два с небольшим года произошли тектонические изменения в понимании социального мироустройства. В прошлом году Г. Киссинджер провозгласил знаковый девиз: «Пандемия навсегда изменит миропорядок» [3]. Каждый из нас наглядно увидел всеобщую взаимозависимость. Никакое закрытие границ и введение жесточайших карантинных мер не может иметь значимого эффекта, если в борьбе с всеобщей угрозой не будут участвовать все без исключений государства нашей планеты. Известный политик, указав на необходимость развития международного сотрудничества (в самом широком смысле этого слова), определил ключевые направления будущего порядка:

- глобальное противодействие новым инфекциям (неоднократно заявлялось, что «2019-nCoV» не самая опасная из ныне существующих, а настоящую пандемию необходимо рассматривать как репетицию перед реальной угрозой человечеству);

- развитие мировой экономики, затрагивающее всеобщее восстановление;
- следование принципам либерализма.

Одной из главных опасностей, которая обнажилась при введении карантинных мер, стало создание образа «города за стеной» – попытки некоторых государств преодолеть трудности в одиночку. И эта тенденция наметилась тогда, когда всем стало ясно, что процветание зависит от свободного распространения товаров и услуг, перемещения граждан. Однако период пандемии обнажил еще одну проблему – зависимость процветания от уровня информационных и цифровых технологий. Элементарный пример: в условиях полного локдауна отрезанными от мира стали граждане, не имеющие доступ к Интернету (или имеющие определенные трудности). Отсутствие мобильного устройства или планшета, или компьютера, а также включенности к «мировой паутине» практически лишало получения образовательных услуг (реализовавшихся во всем мире в дистанционном формате), квалифицированной медицинской помощи (ввиду дефицита кадров консультации врача осуществлялись онлайн или по телефону), научного обмена (взаимодействие ученых происходило с помощью различных электронных платформ). Указанные обстоятельства еще больше актуализировали концепцию цифровых прав, который с большей настойчивостью обозначаются как основные права человека четвертого поколения.

Цифровое общение имеет ряд особенностей, которые должны учитываться при формировании правового режима.

Во-первых, построение национальных границ в виртуальном пространстве при максимальных усилиях носит весьма условный характер. В территориальном устройстве есть пространственные пределы государственного суверенитета, что вряд ли можно наблюдать в Интернете. Все технологически взаимосвязано. Примером построения «цифрового суверенитета» может считаться Китай. Ее образом выступает «Золотой щит», в иностранных источниках предлагается другое наименование «Великий китайский файрвол» (Great Firewall of China) [9]. Основные юридические правила формирования «Золотого щита» из-

ложены в Законе Китайской Народной Республики «О кибербезопасности» от 7 ноября 2016 г. Они заключаются в трех базовых принципах:

- компьютерная безопасность;
- фильтрация контента;
- ограниченный доступ к запрещенным данным.

Практика реализации цифрового суверенитета показывает необходимость гигантских вложений в технологическую основу его обеспечения. Китаю для построения новой стены понадобилось около 10 лет и десятки миллиардов долларов прямых вложений. Нельзя забывать, что базой «цифрового суверенитета» стало построение собственной технологической платформы, где есть свои промышленные гиганты, обеспечивающие самостоятельность и независимость (в частности, компания «Huawei»). Однако даже при таком подходе полное ограждение невозможно. Запрещенные социальные сети, поисковики, некоторые издания могут просматриваться и на территории Китая при выполнении весьма несложных правил (включение VPN-сервисов, создание дополнительных настроек, использование специальных браузеров). Это признают и китайские специалисты. При этом относительная закрытость достигается еще и тем, что в Китае созданы свои социальные сети (имеющие мировую популярность, где особо можно отметить «Тик-Ток»), есть свой поисковик и альтернативные информационные базы.

Во-вторых, в мировой паутине стирание границ приводит к тому, что все государства одновременно становятся соседями друг с другом. При цифровом информационном обмене расстояние в десятки тысяч километров преодолевается за доли секунды. Если ранее общение граждан, разделенных несколькими государствами, носило затруднительный характер и зависело от многочисленных факторов, то сейчас мобильный телефон разрушил все барьеры. Ведя совместный чат с незнакомым человеком нельзя с уверенностью сказать, что собеседник находится в соседнем доме, или на другом континенте. К тому же можно создавать реальность присутствия в одном месте, находясь при этом совершенно в другом. Кстати, эта особенность активно используется и деструктивными элементами. Террористические организации ведут пропаганду своих идей, вербовку адептов и сбор финансовой помощи по всему миру. Ни одно государство не может уверенно заявить, что он не ощущает на себе угрозы современного «террористического Интернационала».

В-третьих, социальные сети перевернули представления о приватности. В 2010 г. основатель компании «Meta» (признана в Российской Федерации экстремистской) М. Цукерберг произнес фразу: «Конфиденциальность больше не является социальной нормой» [2]. Тогда это вызывало небольшое удивление. Сейчас мы видим, что в цифровом пространстве каждый из нас оставляет такое многочисленное число следов, которое позволяет при их правильной обработке сформировать полное представление о личности (привычках, хобби, предпочтениях, состоянии здоровья и т. д.). Наша включенность в цифровое пространство позволяет нами и манипулировать. Невольное посещение той или иной социальной сети приводит к формированию образа потребителя и последующему

массированному воздействию таргетированной рекламой. Никто не задумывается о причинах бесплатного предоставления социальными сетями своих базовых услуг потребителям. Это связано как раз с продажами рекламы, которая доводится до потребителя с помощью анализа его электронной активности.

Постковидный мир способствует формированию целостной концепции цифровых прав. В Российской Федерации пока можно наблюдать узкий подход к данной категории, вытекающий из частноправового смысла, что привело к появлению в 2019 г. в Гражданском кодексе России специальной ст. 141.1. «Цифровые права». Был также принят Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ, согласно которому цифровые финансовые активы как раз трактовались как цифровые права. На фоне появления подобных законодательных положений в российской юридической науке разворачиваются дискуссии о трактовке цифрового права как самостоятельной отрасли законодательства, в некоторых работах – о самостоятельной отрасли права, и есть третья точка зрения, исходящая из наличия подотрасли (или института) информационного права [5, 6]. Здесь необходимо отметить, что уже длительное время идут обоснованные предложения о разработке Информационного кодекса Российской Федерации, но которые так и не привели к принятию конкретного федерального кодифицированного акта.

Эволюционирует расширительное толкование концепции цифровых прав, затрагивающее их публично-правовой аспект. М. А. Рожкова ассоциирует цифровые права с фундаментальными правами человека, осторожно отмечая, что формулирование новых прав преждевременно [7, с. 6]. Н. М. Ковязина поддерживает этот тезис [4, с. 49]. Э. В. Талапина дополняет, что сама концепция цифровых прав приводит к постепенному стиранию границ между публичным и частным правом [10, с. 18]. В любом случае не следует подходить к пониманию цифровых прав только с позиции гражданского законодательства.

Развитие цифровых технологий показывает, что происходит последовательный перевод всех коммуникаций в обществе в виртуальное пространство. Коммерческая реклама в социальных сетях – это лишь небольшой аспект (хотя и имеющий большое значение для преодоления границ в международной торговле). Уже у каждого на слуху технологии блокчейн, интернет вещей и многое другое, что способствует еще большей глобализации. В политической сфере также происходит тотальная цифровизация. Любой политический процесс связан с распространением информации, где социальные сети, телеграмм-каналы и другие линии связи захватывают основное пространство коммуникаций. Уже классическим примером стала победа Д. Трампа на президентских выборах в США в 2016 г. Он имел миллионы подписчиков в социальных сетях, которым мог в режиме реального времени доводить свое мнение на любую проблему и значимую тему.

Цифровые технологии используются деструктивными элементами. Благодаря им внедрена сетевая модель управления, которая имеет иную устойчивость при использовании классической системы противодействия. Это нагляд-

но показывает современная борьба с терроризмом, когда устранение одного (или нескольких) лидера организации не приводит к ее параличу. Именно эта модель использовалась во второй половине XX в. в Германии (при борьбе с RAF), в Италии (при борьбе с красными бригадами), в Испании (в борьбе с ЭТА). Но в условиях современного мира это не срабатывает, а борьба перешла в виртуальное пространство. Это приводит к расширительному пониманию кибертерроризма, когда оно не ограничивается только вредоносными атаками на компьютеры, критическую информационную инфраструктуру. Все четче звучат предложения о включении в понятие кибертерроризма не только агитации и пропаганды в цифровом мире, но и кибербуллинг оппонентов, размещение ресурсов, нацеленных на саморадикализацию, киберсталкинг и др. В этом аспекте следует упомянуть Национальную контртеррористическую стратегию, принятую в 2021 г. в Норвегии [1]. Это один из последних документов, разработанных странами, что означает учет всех современных факторов. К тому же в Норвегии отталкивались от печального опыта террориста-одиночки А. Брейвика, который как раз прошел путь от «обывателя до героя» (как это отмечается в методиках противодействия терроризму при характеристике изменений личностных установок, где «герой» – собственная самооценка террориста). В связи с этим в первых строчках стратегии можно увидеть указание на основные факторы, которые приводят к переформатированию противодействия терроризму: растущая глобализация; мобильность; ускорение процессов в политике безопасности; технологическое развитие; цифровизация.

Новые угрозы отражены в базовых документах, а именно:

- Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400;
- Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утвержденная указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646;
- Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности, утвержденные указом Президента РФ от 12 апреля 2021 г. № 213.

Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации утверждена Президентом РФ 5 октября 2009 г., что указывает на ее отставание по ряду ключевых моментов. Этот документ требует обновления, который мог бы учесть все современные достижения, а также положения аналогичных зарубежных документов. Терроризм – универсальная проблема, которая в большинстве случаев требует и универсальных подходов в создании эффективной системы противодействия. Это усиливает актуальность компаративистских исследований в заявленной сфере.

Таким образом, наблюдается расширительное толкование цифровых прав, перевод их в разряд фундаментальных, имеющих все ключевые характеристики основных прав человека. Будет ли это обновленный существующий перечень (например, обновленное содержание права на неприкосновенность частной жизни, свободы слова и т. д.), либо это будет в виде принятия принципиально иного документа с провозглашением четвертого поколения прав человека? –

вопрос, ответ на который пока не сформулирован. Развитие Интернета оказывает воздействие на понимание национальной безопасности. Стандартные режимы не срабатывают при активности угроз в киберпространстве. Вряд ли можно констатировать высокую эффективность цифрового суверенитета, которая даже при тотальной защите в условиях технологического прогресса не дает высокого результата. Цифровой мир меняет правила – это реальность нашего времени, которую должны учитывать как органы публичной власти, так и ученые-исследователи.

Список использованной литературы

1. Ковязина Н. М. О вопросе защиты цифровых прав / Н. М. Ковязина // Юрист. – 2022. – № 1. – С. 49–54.
2. Нестеров А. В. Цифровое право против информационного кодекса / А. В. Нестеров // Юрист. – 2021. – № 11. – С. 8–12.
3. Полякова Т. А. Влияние цифровой трансформации на развитие информационного права: тенденции, проблемы, перспективы / Т. А. Полякова // Мониторинг правоприменения. – 2020. – № 2 (35). – С. 53–58.
4. Рожкова М. А. Цифровые права: публично-правовая концепция и понятие в российском гражданском праве / М. А. Рожкова // Хозяйство и право. – 2020. – № 10 (525). – С. 3–12.
5. Романовская О. В. Акт о свободе и права человека: американская модель противодействия терроризму / О. В. Романовская // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2019. – № 4 (52). – С. 12–22.
6. Романовский В. Г. Права человека, кибербезопасность, борьба с терроризмом (опыт Китая) / В. Г. Романовский, Д. А. Абубекерова // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – 2021. – Т. 9, № 3. – С. 57–67.
7. Талапина Э. В. Сравнительное цифровое право: становление и перспективы / Э. В. Талапина // Журнал российского права. – 2021. – № 9. – С. 18–32.
8. Berntzen L. E. Monster or Hero? Far-right Responses to Anders Behring Breivik and the July 22, 2011 Terrorist Attacks / L. E. Berntzen, J. A. Ravndal // Perspectives on Terrorism. – 2021. – Vol. 15, no. 3. – Pp. 37–59.
9. Johnson B. Privacy no longer a social norm, says Facebook founder / B. Johnson // The Guardian. 2010. 10 Jan. – URL: <https://www.theguardian.com/technology/2010/jan/11/facebook-privacy> (дата обращения: 1.04.2022).
10. Kissinger H. A. The Coronavirus Pandemic Will Forever Alter the World Order / A. H. Kissinger // The Wall Street Journal. 2020. April 3. URL: <https://www.wsj.com/articles/the-coronavirus-pandemic-will-forever-alter-the-world-order-11585953005> (дата обращения: 1.04.2022).

Информация об авторе

Романовский Георгий Борисович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права, Пензенский государственный университет, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40, e-mail: vlad93@sura.ru.

Author

Romanovskiy George Borisovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law, Penza State University, 40 Krasnaya st., Penza, 440026, e-mail: vlad93@sura.ru.

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ РЕШЕНИЙ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ВЫДВОРЕНИИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

В статье рассматриваются изменения, затронувшие в последнее время миграционные процессы. Автор приходит к выводу, что существующая задолго до введения ограничительных мер проблема, связанная с определением срока нахождения иностранных граждан и лиц без гражданства в специализированных учреждениях, не была решена законодателем. Отсутствие установленных сроков, касающихся закрытия государственных границ, привело к необходимости пересмотра решений относительно административного выдворения за пределы территории Российской Федерации. Автором сформулированы конкретные предложения по совершенствованию законодательства об административных правонарушениях в сфере миграции путем внесения дополнений в отдельные главы КоАП.

Ключевые слова: миграция; административное выдворение; пандемия; иностранные граждане; лица без гражданства; миграционное законодательство.

D. A. Suntsova

PROBLEMS OF ENFORCEMENT OF ADMINISTRATIVE EXPULSION DECISIONS DURING THE COVID-19

Recent developments in migration processes are being considered. The author concludes that the problem of determining the length of stay of foreign nationals and stateless persons in specialized institutions long before the introduction of restrictive measures was not resolved by the legislator. The absence of deadlines related to the closure of State borders had led to the need to review decisions related to expulsion from the territory of the Russian Federation. As a conclusion, the author formulated concrete proposals to improve legislation on administrative offenses in the field of migration, by supplementing certain chapters of the Administrative Code.

Keywords: migration; administrative expulsion; pandemic; foreign citizens; stateless persons; migration legislation.

Обеспечение общественной и национальной безопасности является важнейшими функциями государства [5, с. 4]. В Российской Федерации действует Концепция общественной безопасности, утвержденная главой государства 20 ноября 2013 г. Среди источников угроз национальной безопасности в данной концепции отмечается «незаконная миграция в Российскую Федерацию иностранных граждан и лиц без гражданства». Одной из наиболее эффективных мер, направленных на обеспечение миграционного порядка в стране, является административное выдворение за пределы Российской Федерации.

Начиная с декабря 2019 г. жизнь многих миллионов людей разделилась на «до» и «после». Пандемия COVID-19 или коронавирусная инфекция внесла свои коррективы не только в повседневную жизнь, но и спровоцировала серьезные изменения в законодательстве. Все сферы жизни были затронуты грядущими изменениями, не стали исключением и активно развивающиеся в последнее время в нашей стране миграционные процессы.

Уже в первые месяцы 2020 г. миграционные потоки начали претерпевать свои первые изменения, связанные с закрытием национальных границ, введением жестких ограничений на авиаперелеты. Потоки мигрантов начали сокращаться, а направление меняться.

По оценке ООН, число международных мигрантов составило почти 281 млн чел. Но, не введя пандемия свои коррективы, рост числа международных мигрантов продолжался бы и в марте–июне 2020 г. эта цифра была бы около 283 млн чел. [1]. Согласно статистике, число принятых решений, в которых в качестве административного наказания было предписано административное выдворение за пределы Российской Федерации, в 2020 г. резко сократилось, достигнув отметки в 33 тыс. решений. Для сравнения в 2019 г. таких решений было принято 121 тыс. [3].

Миграционная политика, казавшаяся ранее относительно четко урегулированной, оказалась не готова к подобным изменениям. В целях стабилизации возникшей ситуации и недопущения развития неблагоприятного миграционного сценария на законодательном уровне возникла необходимость принятия срочных оперативных мер по урегулированию правового положения находящихся на территории нашей страны иностранных граждан, оказавшихся в безвыходном положении вследствие пандемии. Основным становится указ Президента Российской Федерации «О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» от 18 апреля 2020 г. № 274.

В период с 15 марта 2020 г. по 15 июня 2021 г. включительно продлевались сроки пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации, сроки действия таких документов, как виза, разрешение на временное проживание, вид на жительство, миграционная карта с проставленными в ней отметками с истекающими сроками действия, удостоверение беженца, свидетельство о рассмотрении ходатайства о признании беженцем на территории Российской Федерации по существу, свидетельство о предоставлении временного убежища на территории Российской Федерации, свидетельство участника государственной программы, у которых в указанный период истек срок действия.

В отношении иностранных граждан, за исключением случаев перечисленных в указе, не принимаются решения об административном выдворении за пределы Российской Федерации, о депортации или передаче иностранному государству в соответствии с международным договором Российской Федерации о реадмиссии, решения о сокращении срока временного пребывания в Россий-

ской Федерации, о лишении статуса беженца, временного убежища, об аннулировании ранее выданных виз, разрешений на работу, патентов, разрешений на временное проживание, видов на жительство, свидетельств участника государственной программы.

Важно отметить, что такое ограничение распространяется только на административное выдворение в форме принудительного выдворения за пределы Российской Федерации, при котором выдворяемое лицо обычно помещается в Центр временного содержания иностранных граждан (далее – ЦВСИГ), а затем отправляется в страну исхода.

В связи с тем, что из-за введенных ограничений большое количество иностранных граждан оказались «заложниками» ограничительных мер, в период коронавируса не прекращались проверочные мероприятия, направленные на соблюдение миграционного законодательства. По-прежнему составлялись протоколы об административных правонарушениях и принимались решения о депортации и выдворении граждан с территории Российской Федерации.

На первый план вышли проблемы правового регулирования миграционного законодательства, одной из которых стало применение в период пандемии такой меры административно-правового принуждения, как административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства, а точнее продолжительность содержания иностранного гражданина в специальном учреждении.

Согласно обзору судебной статистики о выдворении из России за 2020 г., введенные указом Президента РФ ограничения на принудительное выдворение не остановили судей от направления иностранных граждан в ЦВСИГ. Так, 28 июля судья Таганрогского городского суда Ростовской области Е. М. Фатыхова (дело № 5-2466/2020) приняла решение о принудительном выдворении иностранного гражданина Н. А. Этот гражданин ранее, по мнению суда, нарушил ст. 18.8 КоАП РФ и не имел миграционных документов, которые обеспечивали ему право на пребывание в России. Когда речь заходит о моратории, судья Фатыхова толкует его следующим образом: «Подпункт «б» пункта 2 Указа Президента Российской Федерации от 18 апреля 2020 г. № 274 «О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой распространения COVID-19» предусматривает приостановление исполнения решений о выдворении с территории Российской Федерации с 15 марта 2020 г. по 15 сентября 2020 г., но не запрещает назначение административного наказания в виде выдворения с территории Российской Федерации». В итоге судья постановляет принудительно выдворить Н. А., а перед этим помещает его в ЦВСИГ [3].

В соответствии с ч. 1 ст. 27.19 КоАП РФ, иностранный гражданин помещается в специальное учреждение до принудительного выдворения за пределы Российской Федерации, а действующие нормы КоАП РФ, предусмотренные ч. 5 ст. 3.10 и ч. 2 ст. 29.10 не определяют, на какой срок выдворяемое лицо может быть помещено в специальное учреждение и может ли указанный срок быть продлен.

Таким образом помещение в спецприемники выдворяемых иностранных граждан и лиц без гражданства в период пандемии становится фактически бессрочной мерой производства по делам об административных правонарушениях.

При более детальном изучении данной темы выявлено, что еще в 2017 г. Конституционным Судом Российской Федерации при вынесении постановления «По делу о проверке конституционности положений статей 31.7 и 31.9 КоАП РФ в связи с жалобой лица без гражданства Н. Г. Мсхиладзе» положения данных статей были признаны не соответствующими Конституции РФ, «в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования они не позволяют разрешить в судебном порядке вопрос о правомерности дальнейшего содержания лица без гражданства, которому назначено административное наказание в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации, в специальном учреждении, предусмотренном Федеральным законом «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», при выявлении обстоятельств, свидетельствующих об отсутствии на момент рассмотрения данного вопроса фактической возможности исполнения постановления об административном выдворении этого лица за пределы Российской Федерации» [2].

Из этого следует, что данная проблема существовала ранее. Как отмечается практиками, «на практике суды, как правило, не принимали заявления о сокращении сроков содержания, или о проверке законности длительного содержания в ЦВСИГ, или о прекращении исполнения постановления о выдворении в рамках процедур КоАП РФ. Если и удавалось добиться рассмотрения, то в освобождении из центров суды отказывали, ссылаясь на то, что предусмотренный законом двухлетний срок исполнения постановления не истек, даже при наличии веских доказательств невозможности выдворения» [4].

Важно отметить, хотя сроки содержания иностранных граждан в ЦВСИГ не определены, по смыслу ст. 31.9 срок содержания все же не может превышать срока давности исполнения постановления о назначении административного наказания – два года со дня вступления постановления по делу об административном правонарушении в законную силу.

На основании изложенного для улучшения правовой регламентации вопроса о сроках содержания в ЦВСИГ, в отношении которых принято решение об административном выдворении в форме принудительного выдворения, на наш взгляд, целесообразна реализация следующих положений.

1. По аналогии с пп. 3 п. 3 ст. 266 «Подача административного искового заявления о помещении иностранного гражданина, подлежащего депортации или реадмиссии, в специальное учреждение или о продлении срока пребывания иностранного гражданина, подлежащего депортации или реадмиссии, в специальном учреждении» Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, в которой отмечается, что такое заявление должно содержать «срок, на который целесообразно поместить иностранного гражданина, подлежащего депортации или реадмиссии, в специальное учреждение или продлить его пребывание в этом учреждении.», предлагается абз. 4 ч. 2 ст. 29.10 КоАП

РФ дополнить словами: «а также установить и обосновать срок, на который целесообразно поместить иностранного гражданина в это учреждение».

2. В ситуации, когда выдворение иностранного гражданина фактически невозможно, как например в случае с закрытием границ во время пандемии, предлагается дополнить ст. 27.19 КоАП РФ частью следующего содержания: «По истечении установленного судьей срока содержания в специальном учреждении иностранного гражданина или лица без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации, последние подлежат освобождению».

Данные изменения, на наш взгляд, позволят иностранным гражданам не становиться заложниками чрезвычайных ситуаций в стране пребывания и гарантировать соблюдение их прав. Происходившие в 2020–2022 гг. изменения могут привести к глобальному пересмотру отношения к миграции в целом, а в особенности трудовой. Резко сократив миграционные потоки, пандемия указала странам на зависимость их экономик от трудовых мигрантов. Следствием этого кризиса может стать серьезный пересмотр миграционной политики во многих принимающих странах. Пандемия, какой бы разрушающей для многих сфер жизни она не оказалась, показала значимость миграционного вопроса, ее последствия могут оказаться более длительными и неожиданными вследствие резкого сокращения, а где-то и полного истощения миграционных потоков.

Список использованной литературы

1. Международная миграция по оценкам ООН 2020 года. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2021/0889/barom02.php> (дата обращения: 12.03.2022).

2. Обзор судебной статистики о выдворении из России за 2020 год. – URL: <https://refugee.ru/wp-content/uploads/2021/06/Обзор-судебной-статистики-о-выдворении-из-России-за-2020-год-1> (дата обращения: 11.03.2022).

3. По делу о проверке конституционности положений статей 31.7 и 31.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой лица без гражданства Н. Г. Мсхиладзе : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 мая 2017 г. № 14-П // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 23. – Ст. 3473.

4. Проблема длительного содержания в ЦВСИГ требует системного подхода. – URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/problema-dlitelnogo-soderzhaniya-v-tsvsig-trebuetsistemnogo-podkhoda/> (дата обращения: 12.03.2022).

5. Якимова Е. М. Правовое регулирование института парламентских расследований в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. М. Якимова. – Омск, 2010. – 22 с.

Информация об авторе

Сунцова Дарья Александровна – магистрант, кафедра конституционного и административного права, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: daria_suntsova_a@mail.ru.

Научный руководитель: кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Байкальского государственного университета С. Н. Максимова.

Author

Suntsova Daria Alexandrovna – undergraduate student, Chair of Constitutional and Administrative Law, Baikal State University, 11 Lenin st., Irkutsk, 664003, e-mail: daria_suntsova_a@mail.ru.

АНТИКОРРУПЦИОННОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: НАПРАВЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ

В данной работе проанализировано антикоррупционное просвещение как одна из форм противодействия коррупции, соотнесены понятия антикоррупционного просвещения, правовой культуры и правовой грамотности. Исследованы современные мероприятия в рамках антикоррупционного просвещения, заявленные в новом Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 гг., а также мероприятия, реализуемые в субъектах Российской Федерации (на примере Новосибирской области). Предложены некоторые направления антикоррупционного просвещения, например, популяризация знаний о коррупционных маркерах и «этических сигналах коррумпированности» государственных служащих, о детерминантах и правовой природе коррупции.

Ключевые слова: антикоррупционное просвещение; правовая грамотность; Национальный план противодействия коррупции.

О. V. Fedorova

ANTI-CORRUPTION EDUCATION IN MODERN RUSSIA: DIRECTIONS OF IMPLEMENTATION

This article analyzes anti-corruption education as one of the forms of countering corruption, correlates the concepts of anti-corruption education, legal culture and legal literacy. The modern measures in the framework of anti-corruption education, announced in the new National Anti-Corruption Plan for 2021–2024, as well as the measures implemented in the constituent entities of the Russian Federation (on the example of the Novosibirsk region), were studied. . Some areas of anti-corruption education are proposed, such as popularization of knowledge about markers of corruption, «ethical signals of corruption» of civil servants, about the determinants and legal nature of corruption.

Keywords: anti-corruption education; legal literacy; National Anti-Corruption Plan.

Противодействие коррупции является важной государственной задачей, проникновение ее в разные сферы деятельности гражданского общества и в государственные органы создает угрозу национальной безопасности, нарушает права человека, порождает неравенство. Основы борьбы с коррупцией были заложены в 2008 г. Федеральным законом «О противодействии коррупции» № 273-ФЗ.

В указанном законе в качестве одной из меры по профилактике коррупции названо формирование в обществе нетерпимости к коррупционному пове-

дению, которое можно достичь с помощью антикоррупционного просвещения (ст. 6). П. А. Кабанов под «антикоррупционным просвещением понимает систему распространения субъектами государственной политики противодействия коррупции достоверной информации любым способом, в любой форме с использованием любых коммуникативных средств в отношении неопределенного круга лиц, направленная на формирование в обществе антикоррупционного мировоззрения, антикоррупционного поведения, антикоррупционного сознания и антикоррупционной культуры» [1, с. 13].

Представляется, что подобное отношение неприятия коррупции в обществе возможно только при постоянном, системном антикоррупционном просвещении, которое должно быть направлено на самые разные социальные группы: школьники, студенты, молодежь вообще; государственные и муниципальные служащие, сотрудники бюджетных учреждений; представители бизнес-сообщества, в том числе индивидуальные предприниматели; общественные организации, иные общественные объединения и т. д. Иными словами, неприятие коррупции должно быть основой общественного, правового сознания.

Подобную позицию высказывает Э. А. Сафаров, который отмечает, что для формирования в обществе нетерпимости к коррупции необходимо сначала привить обществу правовую культуру [3, с. 41]. Правовая культура связана с понятием правовой грамотности, универсальным гибким навыком, которым должен владеть каждый член современного демократического гражданского общества.

Под правовой грамотностью следует понимать совокупность правовых знаний, умений и навыков, которые использует человек при реализации своего правового статуса, применяет для защиты и обеспечения своих прав и прав других, а также для эффективного функционирования индивида во всех сферах жизнедеятельности гражданского общества: политической, социальной, культурной, экономической и т. п. Очевидно, что осознанное неприятие коррупции, коррупционных проявлений – наивысший показатель высокого уровня правовой грамотности, включающий понимание важности борьбы с коррупцией, а также активное участие в противодействии ей.

Необходимость формирования высокого уровня антикоррупционного правосознания проходит «красной нитью» нового Национального плана противодействия коррупции на 2021–2024 гг., утвержденного указом Президента РФ 16 августа 2021 г. План содержит ряд мероприятий, направленных на антикоррупционное просвещение, среди них повышение эффективности образовательных и иных мероприятий, направленных на антикоррупционное просвещение и популяризацию в обществе антикоррупционных стандартов.

1. Правительству РФ поручено проведение всероссийского семинара для представителей федеральных и региональных СМИ по вопросам создания и продвижения социальной антикоррупционной рекламы, осуществления комплекса иных информационно-просветительских мероприятий антикоррупционной направленности. Данное направление антикоррупционного просвещения может быть достаточно эффективным, поскольку СМИ имеют влияние на раз-

ные категории населения, антикоррупционная реклама, ролики, обзоры результативности борьбы с коррупцией могут положительно воздействовать, как на молодежь, так и на иные социальные группы.

2. Министерству труда и социальной защиты Российской Федерации поручено подготовить методические рекомендации по вопросам организации и проведения работы по антикоррупционному просвещению и популяризации в обществе антикоррупционных стандартов. Подобные методические мероприятия могут использоваться в том числе для повышения антикоррупционной грамотности государственных, муниципальных служащих, кандидатов на замещение данных должностей.

3. Министерству науки и высшего образования Российской Федерации совместно с Министерством просвещения Российской Федерации поручено обеспечить утверждение и реализацию программы по антикоррупционному просвещению населения на 2021–2024 гг., предусмотрев, в том числе, проведение соответствующих мероприятий для обучающихся по образовательным программам общего, среднего профессионального и высшего образования.

Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования (3++) уже содержат перечень универсальных компетенций, которые должна развивать образовательная программа. Так, в перечне универсальных компетенций названа УК-11 «Способен формировать нетерпимое отношение к коррупционному поведению» – Гражданская позиция. Представляется абсолютно логичным и обоснованным проводить работу по антикоррупционному просвещению в школах, техникумах, колледжах, вузах, чтобы формирование высокого уровня правового сознания с нетерпимым отношением к коррупции у несовершеннолетнего происходило на этапе взросления, становления его личности.

4. Общественной палате Российской Федерации с участием Министерства юстиции Российской Федерации и Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации поручено рассмотреть вопрос о целесообразности включения направления «Противодействие коррупции и антикоррупционное просвещение» в перечень приоритетных направлений деятельности в сфере оказания общественно полезных услуг; подготовить предложения о мерах по привлечению добровольческих (волонтерских) организаций и движений к системной работе по противодействию коррупции и антикоррупционному просвещению. Участие общественных, социально ориентированных организаций в борьбе с коррупцией, системной работе по формированию антикоррупционного поведения может стать хорошим примером активности институтов гражданского общества, способствующим диалогу с государственными органами, модернизации государственного аппарата с целью минимизации коррупционных рисков в деятельности госслужащих.

5. Рекомендовано Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» подготовить и провести просветительские мероприятия, направленные на информирование граждан о требованиях законодательства о противодействии коррупции и на создание в обществе атмосферы нетерпимо-

сти к коррупционным проявлениям; обеспечить создание и распространение в сети Интернет контента, направленного на популяризацию в обществе антикоррупционных стандартов. Реализуя данное направление, необходимо, прежде всего, донести до широкого круга лиц информацию о имеющихся в государстве правовых и организационных основах противодействия коррупции, о существующих мерах юридической ответственности, которые применяются к виновным в коррупционных проступках, правонарушениях, преступлениях гражданам, должностным, юридическим лицам, а также сформировать стойкое убеждение о коррупции как об абсолютно негативном явлении, создающем угрозу правам неопределенного круга лиц, угрозу существования всего государственного аппарата, угрозу национальной безопасности в целом.

Очевидно, когда мы говорим о воздействии на правовое сознание молодых людей, подростков, школьников, наиболее предпочтительными способами антикоррупционного просвещения, является распространение данной информации через Интернет, с помощью социальных сетей, молодежных сайтов, форумов, иных ресурсов. Кроме того, особо важным является всесторонний, системный подход к формированию нетерпимости к коррупции в семье, школе, вузе, трудовом коллективе.

В субъектах Российской Федерации принимаются собственные программы антикоррупционного просвещения. Так, в целях повышения эффективности просветительских, образовательных и иных мер, направленных на формирование антикоррупционного поведения государственных гражданских служащих, муниципальных служащих, популяризацию в обществе антикоррупционных стандартов и развитие общественного правосознания, принимаемых на территории Новосибирской области, Правительство Новосибирской области утвердило программу «Антикоррупционное просвещение в Новосибирской области на 2022–2024 годы».

Данная программа отчасти дублирует мероприятия, заявленные в Национальном плане противодействия коррупции, которые рассмотрены выше, однако содержит некоторые детализирующие положения. Так, в целях информирования населения о положениях законодательства о противодействии коррупции заявлено использование средств наглядной информации (стендов, плакатов, брошюр, памяток, трансляции видеоматериалов) в помещениях, занимаемых областными исполнительными органами государственной власти Новосибирской области, в том числе в помещениях сотрудников, которые непосредственно задействованы в оказании государственных услуг и приеме граждан.

В целях повышения уровня правосознания и правовой грамотности в сфере противодействия коррупции лиц, замещающих государственные должности Новосибирской области, заявлена разработка новых методических и информационно-разъяснительных антикоррупционных материалов, тиражирование их и последующее распространение, проведение совещаний, семинаров-практикумов, тренингов, способствующих профилактике коррупционных проявлений в деятельности государственных и муниципальных служащих.

Все проанализированные мероприятия антикоррупционного просвещения могут дать эффект в долгосрочной перспективе при условии их системного, постоянного, повсеместного характера, позволят сформировать явное неприятие коррупционного поведения.

Представляется также необходимым освещать среди населения так называемые «коррупционные маркеры» в деятельности органов власти (этические сигналы коррумпированности сотрудника государственного аппарата), к которым относят: систематический прием мелких подарков от просителей; частные зарубежные командировки, прямо не связанные со служебной деятельностью; частое приобретение предметов роскоши; пользование очень дорогим автомобилем [2].

Считаем целесообразным освещать сигналы склонения гражданина к даче взятке: жалобы на низкую оплату труда, указание чиновника на то, что вопрос можно решить быстрее, во внеочередном порядке, назначение встречи в нерабочее время, вне стен государственного органа и т. п. Знание о наличии подобных косвенных показателей возможной коррумпированности служащего, о склонении к совершению коррупционного правонарушения может помочь гражданину обезопасить себя, вовремя среагировать на данную ситуацию, обратиться в правоохранительные органы, на «горячую линию» по борьбе с коррупцией.

Известный исследователь коррупции и коррупционного поведения Р. Клиттард предложил формулу (уравнение) коррупции, которая отражает любое коррупционное проявление, правонарушение. В соответствии с ней коррупция есть там, когда у одного субъекта (государственный служащий, работник бюджетного учреждения и т. п.) имеется монополия на принятие властного, публичного решения, на распределение благ, мер поддержки, преференций, но при этом нет строгих норм, порядков, правил, регламентов действий данного лица и отсутствует контроль за принимаемыми им решениями. Данную формулу можно изобразить так: «Коррупция = Монополия + Свобода действий – Подотчетность». Антикоррупционное просвещение должно включать также работу с гражданами по объяснению правовой природы коррупции, ее детерминант, истоков, освещению наиболее подверженных коррупции сфер, работу по повышению уровня правовых знаний, в том числе законодательства, устанавливающего требования для оказания государственных и муниципальных услуг.

Важным элементом антикоррупционного просвещения является также распространение в зданиях госорганов, на их официальных сайтах регламентов получения публичных услуг, с понятными требованиями, предъявляемыми к заявителям, со строгими сроками оказания тех или иных услуг. Положительной практикой деятельности некоторых органов государственного аппарата является распространение блок-схем оказания публичных услуг, перевод государственных и муниципальных услуг полностью в цифровую среду, что минимизирует коррупционные риски, которые есть при личном контакте госслужащего и заявителя.

Таким образом, мероприятия по антикоррупционному просвещению, в том числе заявленные в новом Национальном плане противодействия коррупции, а также мероприятия, реализуемые в субъектах Российской Федерации, при условии их системности, всеобщности применения органами государственной власти, органами местного самоуправления, образовательными и иными учреждениями в отношении абсолютно всех категорий граждан, разных слоев населения, в том числе несовершеннолетних, будут способствовать формированию знаний о вреде коррупции, активной позиции в сфере противодействия ей. Как следствие, в долгосрочной перспективе, возможно формирование нетерпимого отношения к коррупции и снижение угрозы национальной безопасности по данному показателю.

Список использованной литературы

1. Кабанов П. А. Понятие и содержание антикоррупционного просвещения как средства профилактики коррупции / П. А. Кабанов // Юридические исследования. – 2015. – № 2. – С. 12–27.
2. Крылова Д. В. Проект «Защита прав предпринимателей в Российской Федерации от коррупционных практик на муниципальном уровне» / Д. В. Крылов, С. Н. Шевердяев, Я. П. Стрельченко. – URL: <https://rm.coe.int/eccd-precop-ii-tp2-2018-corruption-%20typologies-final-rus/16809471e3> (дата обращения: 20.03.2022).
3. Сафаров Э. А. Антикоррупционное образование и просвещение / Э. А. Сафаров // Актуальные проблемы науки и практики. – 2020. – № 1. – С. 41–45.

Информация об авторе

Федорова Олеся Валерьевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного, финансового и корпоративного права, Новосибирский государственный университет экономики и управления, 630005, г. Новосибирск, ул. Каменская, 56, e-mail: fedorovaov1987@yandex.ru.

Author

Fedorova Olesya Valerievna – Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Administrative, Financial and Corporate Law, Novosibirsk State University of Economics and Management, 56 Kamenskaya st., Novosibirsk, 630005, e-mail: fedorovaov1987@yandex.ru.

СОЗИДАТЕЛЬНАЯ И ДИСКРЕДИТАЦИОННАЯ РОЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ УСЛОВНОСТИ В РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

В статье рассматривается понятие «национальная безопасность» с позиции приоритетов современной государственной политики, а также потенциал социальной условности и ее возможная позитивная и негативная роль в процессе формирования системы ценностей у граждан России. Изучение условности через призму социально-философского восприятия позволяет интерпретировать ее как социальную категорию, имеющую непосредственно философское обоснование. Результаты анализа выведены в соответствии со стратегическими задачами государства в деле обеспечения национальной безопасности. Условность определена как гибкий механизм создания вторичного социального мира, где ее идейное наполнение зависит от набора условных средств. Критерием разделения условности на созидательную и дискредитационную является ее бессознательное, ментальное или рациональное восприятие людьми. Процесс обесценивания национальных ценностей происходит всегда при переходе сознательного в бессознательное, когда ослабевает или полностью утрачивается потребность в критическом осмыслении представленной информации.

Ключевые слова: национальная безопасность; социальная условность; бессознательное; дискредитация ценностей.

N. V. Khomich

THE CREATIVE AND DISCREDITING ROLE OF SOCIAL CONDITIONALITY IN THE IMPLEMENTATION OF THE NATIONAL SECURITY STRATEGY OF RUSSIA

The article examines the concept of «national security» from the perspective of modern state policy priorities as well as the potential of social conditionality and its possible positive and negative role in the process of forming a values system among Russian citizens. Consideration of conditionality through the prism of socio-philosophical perception allows us to interpret it as a social category that has a direct philosophical justification. The results of the analysis are derived directly in accordance with the strategic objectives of the state in ensuring national security. Conditionality is defined as a flexible mechanism for creating a secondary social world where its ideological content depends on a set of conditional means. The criterion for dividing conditionality into creative and discreditable is its unconscious, mental or rational perception by people. The process of devaluation of national values always occurs during the transition of the conscious into the unconscious when the need for critical understanding of the presented information weakens or completely lost.

Keywords: national security; social convention; unconscious; discrediting of values.

В последнее время заметно активизировалась деятельность государства в отношении усиления мер по обеспечению государственной безопасности. Защита государства от вмешательства во все сферы жизнедеятельности активно регулируется нормативно-правовыми актами и распоряжениями. На законодательном уровне основы национальной безопасности Российской Федерации закреплены в ряде документов, хотя сама по себе эта категория не относится к какой-то определенной области права. Большое внимание, которое уделяется защите национальной безопасности и сохранению национальной идентичности, придает этой категории конституционный статус. Понятие «безопасность» в Конституции РФ имеет, прежде всего, значение «безопасность нации», закрепляющее социальные отношения и имеющее витальное значение как для отдельного человека, так и для многонационального государства.

В области молодежной политики акцент сделан на «формирование системы нравственных и смысловых ориентиров, позволяющих противостоять идеологии экстремизма, национализма, <...> на формирование культуры семейных отношений». Данный принцип отмечен в Федеральном законе «О молодежной политике в Российской Федерации» от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ. Важными моментами вопроса национальной безопасности являются также основные пункты Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., где обозначены четкие ориентиры национальных приоритетов, такие как «сохранение этнокультурной самобытности ее (РФ) народов, <...> осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, <...> а также приверженность базовым ценностям российского общества».

Согласно стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг., одна из первоначальных задач государства – «сформировать безопасную информационную среду на основе популяризации информационных ресурсов, способствующих распространению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Ключевые понятия категории «национальная безопасность: интересы отдельной личности; интересы государства; главные подсистемы общества; устойчивое и стабильное функционирование страны; традиционные духовно-нравственные ценности».

Согласно проекту указа Президента РФ (на 20 февраля 2022 г.), «основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», национальные ценности признаны гарантом «общероссийской гражданской идентичности, <...> сохранения самобытности многонационального народа Российской Федерации», сохранения суверенитета и неприкасаемости России.

В данной статье мы рассмотрим потенциал социальной условности для сохранения и дискредитации традиционных национальных ценностей с позиции ее философского осмысления. Условность является одним из ведущих ме-

ханизмов формирования патриотизма и создания образа сильной державы у граждан России, поскольку обладает «известной произвольностью по отношению к отображаемому объекту» [3, с. 287]. Она может различными способами обозначить передаваемое содержание, которое в итоге может оказывать как созидательное, так и разрушительное влияние на человека и все общество.

Условность в широком смысле – это общепринятая система правил, закрепленная в общественном сознании благодаря своей традиционной основе. Условность можно отнести к социальным категориям, поскольку она обладает способностью обосновать отдельные свойства общества, его суть и природу, а также причинность многих социальных процессов и явлений. Согласно классическому определению, категории отражают в различных мыслях универсальные законы объективного мира, отсюда и возможность условности трактовать явления мира в чью-то пользу в зависимости от коммуникативной и идеологической цели. Согласно типологии социальных категорий, мы склонны отнести условность к категориям предопределенности, пополнив ряд: интересы, нормы, потребности, ценности. Предопределенности, как правило, объясняют причину и мотивы человеческих поступков, их сознательную и бессознательную природу.

Рассматривать условность нужно в системе знаков, символов, условных обозначений, так как здесь интерес представляет не собственное значение объекта или явления, а его понимание, восприятие и оценка, регулируемые общественными установками. Условность всегда предварительно оговорена и закреплена традицией. Формы предварительной обусловленности многообразны: это может быть приказание, общественное установление, исторически сложившаяся традиция и пр. Иными словами – условность, наряду со своей способностью фиксировать и сохранять традиционное, обладает огромным потенциалом манипуляции общественным сознанием.

Любая национальная картина мира по сути своей ментальна, поскольку содержит в себе неизменный способ оригинального миропонимания, характерный для отдельных наций, национальностей, народов, что определяет поведенческие и социальные ориентиры целых групп людей. «Ментальность представляет собой коллективный уровень глубинного и индивидуального сознания» [1, с. 17]. Ментальность складывается веками и, с одной стороны, является следствием функционирования культурных догм и традиций, а с другой – сама порождает новые традиции и национальные ценностные установки. Важным для понимания ментальности является тот факт, что она является бессознательной структурой и формируется только в контексте исторического опыта. «Неосознанность ментальности вытекает из ее принадлежности к сфере коллективного бессознательного», что замыкает индивидуальное мышление человека в рамки национального разума, «в котором мы все одни и те же» [6, с. 35]. Отсюда именно особенности менталитета формируют систему социальных условностей, культурно понятных всем членам определенного общества правил, отличных от других. В этом случае мы можем говорить об историчности, исконности и «настоящности» принятых социальных норм.

Философская мысль главным концептом русской традиции определяет соборность, она «противопоставляется и протестанскому индивидуализму, и католической авторитарности» (Н. Бердяев). По словам В. Н. Сагатовского, «соборность – этим словом можно предельно кратко выразить сущность русской идеи». Глубинное наполнение русской национальной идеи строится на соборности, оно не только уточняет ее, но и является своего рода «первоначальной интуицией русского духа» [5, с. 104].

Как национальные русские ценности, так и общечеловеческие отображаются в условных представлениях россиян как некая необсуждаемая проекция соборности, «единства, не подавляющего личность, а ориентирующая ее на единение при условии сохранения самоценности» [4, с. 178]. Навязывание же чужих идеалов, появившихся без учета традиций предшествующих поколений, средствами условности неизменно приведет к дискредитации национальных ценностей и национальной идентичности, «к усилению разобщенности и поляризации национальных обществ, разрушению фундамента культурного суверенитета, подрыванию основ политической стабильности и государственности». Риски и угрозы устойчивому развитию страны подробно обозначены в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации.

Во всех сферах окружающей действительности возможно возникновение (создание) двух взаимоисключающих друг друга условных миров. Основное отличие в восприятии этих двух вторичных планов – это способ постижения первоначального смысла – или чувственно, неосознанно, или рационально. Как правило, бессознательный опыт и ментальная модель окружающей действительности не подвержены критическому переосмыслению, они не ставятся под сомнения и не проходят стадии анализа и рефлексии. Здесь речь не идет о подмене общечеловеческих ценностей, они едины для всего человечества и, как правило, призваны придавать «стройность и направленность разнообразным мотивам человеческого мышления и деятельности в ходе решения общечеловеческих проблем» [2, с. 180]. Речь идет о том коннотативном и идейном наполнении условной репрезентации этих общечеловеческих ценностей – транслированы ли они из опыта поколений или навязаны образами, символиккой, знаково-стью чужой культуры. Важным здесь также является способность национальной культуры принимать или абсорбировать навязывание разрушительной деструктивной идеологии, включающей в себя отрицание соборных ценностей: служение Отечеству, продолжение рода, созидательный труд. Переход сознательного в бессознательное – это несомненная потеря традиций.

Список использованной литературы

1. Горбенко А. Ю. Генезис и сущность понятий «ментальность», «социальная ментальность» / А. Ю. Горбенко, Е. В. Демкина // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 3: Педагогика и психология. – 2015. – № 4 (169). – С. 15–22.

2. Лебедева Н. М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию : учеб. пособие / Н. М. Лебедева. – [Раменское] : Ключ, 1999. – 223 с.

3. Лотман Ю. М. Условность в искусстве / Ю. М. Лотман // Философская энциклопедия / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский. – Москва : Советская энциклопедия, 1970. – Т. 5. – С. 287–288.

4. Пестрецов А. Ф. Соборность – константа русского национального самосознания / А. Ф. Пестрецов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: социальные науки. – 2008. – № 1. – С. 176–181.

5. Сагатовский В. Н. Русская идея: продолжим ли прерванный путь? / В. Н. Сагатовский. – Санкт-Петербург : ТОО ТК Петрополис, 1994. – 217 с.

6. Юнг К. Г. Аналитическая психология / К. Г. Юнг ; пер. с англ., ред. и вступ. ст. В. В. Зеленского. – Санкт-Петербург : МЦНКТИТ «Кентавр», 1994. – 136 с.

Информация об авторе

Хомич Наталья Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры философии, социологии и истории, Иркутский государственный аграрный университет имени А. А. Ежевского, 664038, Иркутская обл., пос. Молодежный, 1/1, e-mail: pn-ma@mail.ru.

Author

Khomich Natalia Victorovna – Ph.D. in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy, Sociology and History, Irkutsk State Agrarian University named after A. A. Ezhevsky, 1/1, Molodezhny settlement, Irkutsk region, 664038, e-mail: pn-ma@mail.ru.

ПРАВОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И УГРОЗЫ

В статье обосновывается необходимость исследования правовой безопасности как элемента национальной безопасности Российской Федерации. Отмечается, что в настоящее время в юридической науке отсутствует единство мнений относительно определения, признаков, рисков и угроз правовой безопасности. Описываются кризисные явления в общественно-политической жизни страны, оказывающие негативное влияние на правотворчество и правоприменение. Среди этих факторов выделены пандемия COVID-19, конституционная реформа 2020 г., повлекшая глобальную реформу законодательства, а также нарастающее санкционное давление на Россию на фоне специальной военной операции на Украине. Формулируется вывод о том, что основной угрозой правовой безопасности России в настоящее время является низкое качество современного законодательства, проявляющееся в его избыточности, ситуативности, противоречивости и техническом несовершенстве.

Ключевые слова: правовая безопасность; национальная безопасность; угрозы правовой безопасности России; риски безопасности; качество законодательства; конституционная реформа.

V. N. Shutova

LEGAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION: CURRENT TRENDS AND THREATS

The article substantiates the need to study legal security as an element of the national security of the Russian Federation. It is noted, that currently there is no consensus in legal science regarding the definition, signs, risks and threats to legal security. The article describes the crisis phenomena in the socio-political life of the country, which have a negative impact on lawmaking and law enforcement. Among these factors, the COVID-19 pandemic, the constitutional reform of 2020, which led to a global reform of the law, as well as the growing sanctions pressure on Russia against the background of a special operation in Ukraine, are highlighted. The conclusion is formulated that the main threat to the legal security of Russia at the present time is the low quality of modern legislation, manifested in its accuracy, situationality, inconsistency and technical imperfection.

Keywords: legal security; national security; threats to Russia's legal security; security risks; quality of legislation; constitutional reform.

В складывающейся международной ситуации и в связи с положением дел внутри страны вопросы национальной безопасности, безусловно, выходят на

первый план и приобретают особую актуальность. Отдельные виды национальной безопасности достаточно детально урегулированы в нормативных правовых актах и исследованы учеными, другие же только начинают оформляться в качестве сферы правового регулирования и области научных интересов. Это касается и правовой безопасности.

Правовая безопасность не упоминалась в качестве самостоятельного вида (сферы) национальной безопасности Российской Федерации в утратившей силу Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2015 г., нет такого термина и в действующей стратегии (2021 г.). Между тем есть серьезные предпосылки для исследования этого явления. Так, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2015 г. обозначались проблемы правового регулирования в ряде важнейших сфер, обращалось внимание на неполностью сформированную нормативно-правовую базу. Кроме того, следует согласиться с мнением А. Н. Станкина, который подчеркивает, что в данной стратегии в перечень средств обеспечения национальной безопасности включены и правовые средства [6, с. 52]. В действующей же Стратегии национальной безопасности Российской Федерации значительное внимание уделяется защите конституционного строя. Представляется, что, исходя из понятия и содержания конституционного строя, правовая безопасность является одним из элементов обеспечения его стабильности.

Можно констатировать и возросшее внимание юридического научного сообщества к вопросам правовой безопасности [3; 4; 6; 7 и др.]. При этом следует подчеркнуть, что единая концепция в отношении рассматриваемого понятия не сложилась, отсутствует даже единый терминологический подход. В научной литературе используют термины «юридическая безопасность» и «правовая безопасность», отдельные авторы обосновывают несовпадение этих понятий по объему, но, разделяя мнение Д. А. Липинского, А. А. Мусаткиной [5], в данной статье будем исходить из синонимичности приведенных терминов. Кроме того, автором ранее уже исследовались отдельные аспекты правовой безопасности и предлагалось ее авторское определение, отражающее сущность и признаки этого явления [8, с. 87], поэтому здесь терминологические изыскания проводиться не будут.

Переходя к содержательным вопросам правовой безопасности, следует обратиться к точке зрения К. А. Кузьменко, который описывает ряд относительно новых характеристик современного общества, при которых «изменяется и его правовая сфера» [3, с. 51]. Анализ позиции автора говорит именно о негативном воздействии некоторых общественных преобразований на всю систему права. Не со всеми его аргументами можно согласиться в полной мере, однако некоторые ключевые моменты следует обозначить. Так, несомненно, сложность организации общества XXI в. обуславливает сложность и многоуровневость современного законодательства, что, в свою очередь, делает всю систему права «более инерционной» [Там же]. Изменения в такой системе становятся точечными и разрозненными, что приводит к неизбежным коллизиям (как между отраслями, так и внутри отдельно взятой отрасли).

Также следует согласиться с утверждением о том, что глобализационные процессы оказывают серьезное воздействие на право, приводят к его неустойчивости. Еще одну современную тенденцию можно обозначить как «либерализацию права в связи с общей либерализацией элитарно-массового общества» [3, с. 51].

Между тем необходимо подчеркнуть, что описанные ранее явления и процессы были актуальны на 2017 г., в настоящее же время появилось большое количество относительно мало исследованных факторов, которые также оказывают влияние на право и законодательство в России. При их характеристике уместно использовать термин «конституционные кризисные явления», описанный Е. В. Задорожной в диссертационном исследовании [2, с. 8].

В качестве первого кризисного явления, негативно отразившегося на системе права, следует назвать пандемию COVID-19, которая не только создала напряженность в обществе (не в последнюю очередь из-за вводимых правовых ограничительных мер), но и повлияла на всю правовую сферу. В результате появилось большое количество актов регионального подзаконного правотворчества, регулирующих отдельные проблемы и закрепляющих разрозненные ограничительные меры. Такое правовое регулирование можно назвать рассогласованным, несистемным и вызывающим серьезные правоприменительные проблемы. Кроме проблем для правоприменительных органов такое правовое регулирование создало серьезные сложности и для граждан, которые при пересечении границ субъектов РФ попадали в совершенно разные условия и становились «правонарушителями» лишь по причине отсутствия единого подхода в установлении ограничений.

Вторым важнейшим событием, оказавшим влияние на все сферы общественной жизни, является конституционная реформа 2020 г. Она ознаменовала собой «смену парадигмы государственного строительства» [Там же, с. 20], трансформацию системы публичной власти и повлекла глобальную реформу законодательства, отразившись на всех отраслях российского права. Начиная с осени 2020 г. и по настоящее время Государственной Думой в рамках деятельности по реализации конституционной реформы принимается большое количество новых законов, продолжается внесение изменений в уже действующие законы. В результате неизбежно появляются внутренние противоречия. Кроме того, как представляется, у парламентариев не всегда есть достаточное количество времени для качественной проработки новых законов, а невысокое качество первоначальных текстов приводит к многочисленным поправкам. Такую ситуацию профессор В. А. Винокуров характеризует как «чрезмерное законотворчество» [1] и совершенно справедливо указывает на снижение качества законодательства. Однако мнение многих ученых относительно главной угрозы правовой безопасности России сводится именно к «низкому качеству законодательства и его техническому несовершенству» [7, с. 27]. Автором ранее исследовались отдельные аспекты качества законодательства и подчеркивалось, что высокий темп принятия законов и постоянное нарастание их количества имеют серьезные негативные последствия [9, с. 44]. Таким образом, проблема чрез-

мерного или избыточного законотворчества характерна для России в течение достаточно продолжительного периода времени, но конституционная реформа усугубила этот процесс и стала одним из факторов, негативно влияющих на правовую безопасность.

Третий глобальный фактор, который нельзя обойти вниманием – это специальная военная операция на Украине и нарастающее санкционное давление, оказываемое на Российскую Федерацию. В результате постоянно изменяющейся обстановки законодатель поспешно и в сжатые сроки принимает законы, которые имеют некоторые признаки «ситуативности» и призваны максимально быстро урегулировать новые виды общественных отношений. В определенных пределах это допустимо, но нельзя отрицать очевидного факта – качество таких законов в силу отсутствия времени на их разработку и необходимые экспертизы существенно снижается. Причем, как справедливо отмечает В. А. Винокуров, принимаемые таким образом законодательные акты ориентированы не на доверие или разумные требования, а на запреты, ограничения и наказания [1, с. 55].

Таким образом, исследование правовой безопасности России представляется актуальным и своевременным. Различные кризисные явления в общественно-политической жизни страны оказывают значительное негативное воздействие на право и снижают качество законодательства. Именно низкое качество современного российского законодательства в совокупности с иными факторами (отсутствие должной правовой регламентации общественных отношений, правоприменительные ошибки, невыполнение решений Конституционного Суда РФ, противоречия между федеральным и региональным законодательством) представляет основную угрозу правовой безопасности Российской Федерации. Исходя из этого, меры по обеспечению правовой безопасности должны быть направлены, в первую очередь, на минимизацию негативных тенденций в российском законодательстве.

Список использованной литературы

1. Винокуров В. А. Чрезмерное законотворчество: проблемы и возможные пути решения / В. А. Винокуров // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 10. – С. 53–57.
2. Задорожная Е. В. Формирование в России законодательного процесса в аспекте конституционных кризисных явлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Е. В. Задорожная. – Белгород, 2021. – 23 с.
3. Кузьменко К. А. Системный анализ правовой безопасности в аспекте проблем безопасности современного мира / К. А. Кузьменко // Формирование системного мировоззрения современного человека : материалы науч.-практ. конф., г. Барнаул, 14–15 апр. 2017 г. / под ред. С. А. Ан. – Барнаул : АлтГПУ, 2017. – С. 51–54.
4. Лапаев И. С. Механизм обеспечения юридической безопасности в Российской Федерации: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / И. С. Лапаев. – Саратов, 2013. – 30 с.

5. Липинский Д. А. О юридической безопасности в сфере трудовых отношений в свете общей теории правовой безопасности / Д. А. Липинский, А. А. Мусаткина // Вопросы безопасности. – 2019. – № 4. – С. 1–19.

6. Станкин А. Н. Конституционно-правовая безопасность: понятие, признаки и соотношение с национальной безопасностью / А. Н. Станкин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2019. – № 3 (47). – С. 51–56.

7. Шабуров А. С. Правовая безопасность в системе национальной безопасности / А. С. Шабуров // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Право. – 2015. – Т. 15, № 3. – С. 24–30.

8. Шутова В. Н. К вопросу о правовой безопасности Российской Федерации / В. Н. Шутова // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., г. Иркутск, 27 сент. 2019 г. / отв. ред. Э. И. Девицкий, С. И. Сулова. – Иркутск : Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2019. – С. 85–89.

9. Шутова В. Н. Тенденции современного российского законодательства и вопросы повышения его качества / В. Н. Шутова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2020. – № 4. – С. 41–49.

Информация об авторе

Шутова Валентина Николаевна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного права и теории права, Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: tinav@bk.ru.

Author

Shutova Valentina Nikolaevna – Ph.D. in Law, Associate Professor, Head of the Chair Constitutional Law and Theory of Law, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice, 4 Nekrasov st., Irkutsk, 664011, e-mail: tinav@bk.ru.

**ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО
ПОДХОДА В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ПРАВОВЫХ
ДИСЦИПЛИН И ПРОВЕДЕНИИ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В ПОСТКОВИДНЫЙ ЦИКЛ**

В статье анализируются необходимость и целесообразность применения междисциплинарного подхода при преподавании правовых дисциплин и проведении научных исследований по праву. Сделан вывод, что жесткое разграничение знаний по отраслям права и стремление обеспечить «чистоту» дисциплины или научного исследования негативно сказывается на правильном понимании композиции правового пространства как студентами, так и исследователями. По мнению авторов, необходимо расширить применение междисциплинарного подхода в процессе преподавания правовых дисциплин и проведении научных исследований, что становится особенно актуальным с связи с новыми вызовами, вызванными пандемией COVID-19.

Ключевые слова: обучение; дисциплина; научное исследование; междисциплинарность; право.

**E. M. Yakimova,
S. A. Gladkih**

**POSSIBILITIES OF APPLICATION OF INTERDISCIPLINARY
APPROACH IN THE PROCESS OF TEACHING LEGAL
DISCIPLINES AND CONDUCTING SCIENTIFIC RESEARCH
IN THE POSTCOVID CYCLE**

The article analyzes the need and feasibility of applying an interdisciplinary approach in teaching legal disciplines and conducting scientific research on law. It was concluded that the strict delineation of knowledge by branches of law and the desire to ensure the «purity» of discipline or scientific research negatively affects the correct understanding of the composition of the legal space by both students and researchers. In this regard, it is necessary to expand the use of an interdiscinal approach in the process of teaching legal disciplines and conducting scientific research, which becomes especially relevant in connection with the new challenges caused by the COVID-19 pandemic.

Keywords: training; discipline; scientific research; interdisciplinary; law.

Во многом благодаря узкому подходу, заложенному ранее действовавшими номенклатурой и паспортами научных специальностей по юриспруденции, возможности применения междисциплинарного подхода при преподава-

нии юридических специальностей, а также проведении правовых исследований в полной мере не реализованы. Борьба за «чистоту» научных исследований позволяет обеспечить их соответствие научной специальности, а студенческой работы (курсовой, выпускной квалификационной работы) – избранному направлению подготовки. Вместе с тем злоупотребление подобным подходом лишает работы комплексности, а у студента должным образом не формируется способность понимать многогранность правового пространства, востребованность в процессе правоприменения знаний различных отраслей знания. Если в ходе реформирования номенклатуры и паспортов научных специальностей по юриспруденции происходит укрупнение специальностей, что позитивно для развития потенциала междисциплинарного подхода в правовой науке, то в процессе обучения у студентов зачастую продолжает формироваться узкий подход к изучению какого-либо правового феномена.

Ярким примером являются исследования в рамках учебного процесса вопросов привлечения виновных лиц к юридической ответственности по законодательству Российской Федерации. Многие студенты уголовной специализации уверены, что они на практике будут сталкиваться только с уголовным процессом, следовательно, уголовной ответственностью, гражданской специализации – гражданско-правовой ответственностью. Подобная трактовка основана не только на том, что студенты даже старших курсов не в полной мере ориентируются в будущей профессии, но и с заложенной монодисциплинарностью обучения юридическим специальностям.

Возникают и проблемы с системным толкованием норм права. Сложности возникают при установлении оснований возникновения различных видов ответственности и возможности их совмещения, в частности, возможности привлечения к уголовной ответственности виновного физического (должностного) лица и связанного с ним юридического лица к административной ответственности, одновременного привлечения физического (должностного) лица к административной и дисциплинарной ответственности, одновременного привлечения к ответственности виновного физического, должностного, юридического лица к административной и гражданско-правовой ответственности.

В связи с тем, что вопросы привлечения к различным видам ответственности студент изучал на нескольких дисциплинах, ему достаточно сложно объединить свои знания и разрешать казусы, связанные с возможностью применения различных видов юридической ответственности. С подобными ситуациями автор данной статьи неоднократно сталкивается при проведении занятий по дисциплине «Квалификация смежных преступлений и административных правонарушений».

Для закрепления знаний по вопросам соотношения различных видов ответственности с целью развития навыков и умений применения данных знаний на практике используется следующий алгоритм:

1. Заполнение сравнительной таблицы различных видов юридической ответственности, строками которой являются: нормативно-правовая основа, фактическое основание привлечения к ответственности (например, преступление,

административное правонарушение и т. п.), наличие общественной опасности или общественной вредности, субъекты ответственности, возраст привлечения к ответственности физического лица, акт применения права, определяющий наказание за совершение правонарушения; столбцами для заполнения являются: уголовная ответственность, административная ответственность, дисциплинарная ответственность, гражданско-правовая ответственность, конституционная ответственность.

2. Выявление особенностей определения вины различных субъектов правонарушений (особое внимание уделяется определению вины юридического лица, акцентируется необходимость использования не психической, а юридической характеристики вины юридического лица) [1–6].

3. Решаются задачи по применению юридической ответственности к различным субъектам и возможности установления нескольких видов ответственности одновременно. Для данной цели хорошо подходят задачи по темам: «Разграничение преступлений и административных правонарушений, посягающих на избирательные права граждан» [7]; «Разграничение преступлений и административных правонарушений в сфере охраны окружающей среды»; «Разграничение преступлений и административных правонарушений в сфере охраны интеллектуальной собственности».

4. Анализ коллизионной судебной практики, показывающей наличие в решениях судов первой инстанций ошибок при привлечении лиц к различным видам ответственности при столкновении норм различных отраслей права. Ярким примером является прекращение производства по делам об административных правонарушениях при наличии возбужденного уголовного дела.

Исследуя разные сферы правоприменения, студенты на наглядных примерах видят, что различные виды юридической ответственности взаимосвязаны между собой, что узкая специализация в сознании студента, а затем и практикующего юриста неминуемо приводит к ошибкам.

Наличие монодисциплин в учебных планах – явление оправданное. Вместе с тем при их преподавании необходимо демонстрировать взаимосвязанность юридических конструкций, наличие схожих правовых явлений в других отраслях права, их пересечение.

Список использованной литературы

1. Завальный И. В. Сложности установления вины юридического лица в совершении административного правонарушения / И. В. Завальный // Наука через призму времени. – 2019. – № 3 (24). – С. 57–60.

2. Кононов П. И. О совершенствовании правовой конструкции вины юридического лица в совершении административного правонарушения / П. И. Кононов // Полицейское право. – 2008. – № 1 (11). – С. 67–68.

3. Сафоненков П. Н. Проблема вины юридического лица в административном праве / П. Н. Сафоненков // Вестник Российской таможенной академии. – 2019. – № 1. – С. 91–97.

4. Смирнов Н. Н. Вина как условие ответственности юридического лица: общие вопросы права / Н. Н. Смирнов // *Lex russica (Русский закон)*. – 2010. – Т. 69. – № 5. – С. 1173–1175.

5. Стопычев А. П. Вина как необходимый элемент административной ответственности юридических лиц / А. П. Стопычев // *Актуальные проблемы российского права*. – 2008. – № 1 (6). – С. 51–57.

6. Стопычев А. П. Понятие вины юридического лица / А. П. Стопычев // *Актуальные проблемы российского права*. – 2007. – № 2 (5). – С. 95–102.

7. Якимова Е. М. Некоторые проблемы разграничения преступлений и административных правонарушений, посягающих на избирательные права граждан / Е. М. Якимова, А. А. Сошин, С. Н. Слободчикова // *Избирательное право*. – 2019. – № 1 (39). – С. 18–22.

Информация об авторах

Якимова Екатерина Михайловна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и административного права, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: yakimova_katerin@mail.ru.

Гладких Светлана Александровна – специалист по учебно-методической работе, кафедра конституционного и административного права, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: GladkihSA@bgu.ru.

Authors

Yakimova Ekaterina Mihailovna – Ph.D. in Law, Associate Professor, Head of the Chair of Constitutional and Administrative Law, Baikal State University, 11 Lenin st., Irkutsk, 664003, e-mail: yakimova_katerin@mail.ru.

Gladkikh Svetlana Aleksandrovna – Specialist in Educational and Methodological Work, the Chair of Constitutional and Administrative Law, Baikal State University, 11 Lenin st., Irkutsk, 664003, e-mail: GladkihSA@bgu.ru.